

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1 | 2021

e-ISSN: 2500-0225 **18+**

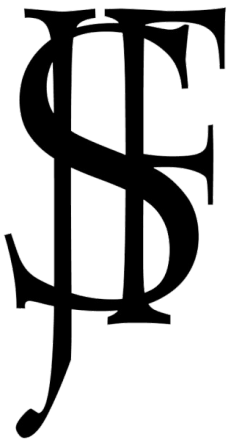
ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

Том 6 No 1

https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1

2021

e-ISSN: 2500-0225 **18+**

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Academic E-Journal

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

Vol 6 No 1

https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1

2021

2021 №1
Основан в 2016 г.

Сетевое издание Журнал фронтирных исследований (Journal of Frontier Studies) является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2016 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);

07.00.03 – Всеобщая история (исторические науки);

24.00.01 – Теория и история культуры (исторические науки) (философские науки) (культурология);

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки).

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Рабочими языками сетевого издания являются русский и английский

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере исследований фронтирной теории, пограничья и приграничья, проблем межкультурной коммуникации в контактных зонах, а также вопросам функционирования фронтирных тропов в современной массовой культуре.

Цель проекта: Создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области фронтирной теории.

Исходя из цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевого издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые позволят не только аккумулировать новые достижения в этой области, но и послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций принципов диалога культур и устранение условий для конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к

границам национальной культуры каждого народа, проживающего на маленькой планете Земля.

Основные отрасли наук, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании, это:

07.00.00 – Исторические науки;

24.00.00 – Теория и история культуры.

09.00.00 – Философские науки;

10.01.00 – Литературоведение.

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам фронтира, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук, так как такой подход, по нашему мнению, может оказаться наиболее действенным и позволяющим взглянуть на известные проблемы под новым углом.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят тщательный отбор и отправляются на двойное слепое рецензирование. Поэтому любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами. Мы не публикуем работы, в которых высказывается неуважительное отношение к другим народам или имеются неполиткорректные формулировки.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61 330 от 07 апреля 2015 г.
- ISSN: 2500-0225
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

РЕДАКЦИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Николаевич Якушенков, д.ист.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Астрахань, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Растям Туктарович Алиев, к.ист.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Астрахань, Россия

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Максим Валерьевич Кирчанов, д.ист.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Элина Алиевна Саракаева, к.филол.н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу, Китай

Наталья Сергеевна Канатьева, к.биол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Эмилия Анваровна Тайсина, д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО "Казанский государственный энергетический университет", Россия

Isabeau Vollhardt, B.A. Philosophy/English University of Washington, USA

Елена Васильевна Морозова, д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Россия

Мария Михайловна Федорова, д.полит.н., Институт философии РАН, Россия

Андрей Вальтерович Гринев, д.ист.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого (СПбПУ), Россия

Анна Петровна Романова, д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Максим Валерьевич Кирчанов, д.ист.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Россия

Сергей Вадимович Виноградов, д.ист.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Елена Евгеньевна Завьялова, д.филол.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Марина Ченгаровна Ларионова, д.филол.н., ФГБУН "Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук" (ЮНЦ РАН), Южный федеральный университет (ЮФУ), Россия

Надежда Евгеньевна Тропкина, д.филол.н., ФГБОУ ВО Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия

Людмила Васильевна Бурыкина, к.ист.н., ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Россия

Сергей Александрович Троицкий, к.филос.н., РГПУ им. А.И. Герцена, Центр изучения зон культурного отчуждения и пограничья Социологического институтаРАН -Филиала ФНИСЦ РАН, РАН, Россия

Michael Khodarkovsky, Ph.D. in History, professor of Loyola University Chicago, USA

Matthew P. Romaniello, Ph.D. in History, professor of Weber State University, USA

Robert P. Geraci, Ph.D. in History, professor of University of Virginia, USA

Willard Sunderland, Ph.D. in History, professor of University of Cincinnati, USA

Nathan Hopson, Ph.D. in History, professor of Nagoya University, Japan

Piotr Gorecki, Ph.D. in History, professor of University of California, Riverside, USA

Andrei Znamenski, Ph.D. in History, professor of The University of Memphis, USA

Dittmar Schorkowitz, Ph.D. in History, professor, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany

ВЁРСТКА

Юрий Дмитриевич Гончаренко, Журнал Фронтирных Исследований, Россия

КОНТАКТЫ:

Учредитель / Издатель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»

Адрес редакции: 414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2

Главный редактор:
Сергей Николаевич Якушенков
Email: editorialboard.jsf@gmail.com

Дирекция журнала:
Растям Туктарович Алиев
Email: rastaliev@gmail.com

Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

Троицкий С. А.
Введение: между памятью и фронтиром 10

ФРОНТИР И ВООБРАЖАЕМЫЕ СООБЩЕСТВА

Калинина Е. Ю.
Маргинальные и пограничные социальные
группы средневековой Испании 20

Воронов В. М.
Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие:
группы, культурные границы и феномен настроения
(на примере российского общества) 41

Граматчикова Н. Б.
Между дремой и дикостью:
эмоции и эмпатия в этнографии XIX – начала XX вв. 69

Зевако Ю. В.
Конструируя (пост)память о травматическом прошлом: представления
подростков об эпохе политических репрессий 1930-1950-х гг. 93

КОНФИГУРАЦИЯ ГОРОДА: ОТ ВООБРАЖАЕМЫХ ПРЕДЕЛОВ К ЗОНИРОВАНИЮ ПРОСТРАНСТВА

Николаева Ж. В.
Черта идентичности: становление города 144

Сидди Н.
Невидимые границы в городе 160

Вайнгорт В. Л.
Новое культурное зонирование городской среды в Эстонии
вследствие трансформации структуры постиндустриального общества 170

ФРОНТИР И ПОРЯДОК: ПЕРСПЕКТИВЫ СТАБИЛЬНОСТИ

Троицкий С. А.
В поисках тотального порядка:
затвердевание границ и стабильная идентичность 196

РАЗНОЕ

Апкин Р. Н.
Водно-болотные угодья как природный Фронтир 226

Table of Content

INRODUCTION

Sergey A. Troitskiy
Introduction: Between Memory and Frontier 10

FRONTIER AND IMAGINED COMMUNITIES

Elena Yu. Kalinina
Marginal and Boundary Social Groups of Medieval Spain 20

Vasilii M. Voronov
The COVID-19 Pandemic as an Existential and Cultural Event:
Groups, New Cultural Boundaries, and the Phenomenon of Mood
(a Sase Study of the Russian Society) 41

Natalia B. Gramatchikova
Between Sleep and Wild Pations:
Emotions and Empathy in Ethnography of the 19th – 20th centuries 69

Yulia V. Zevako
Constructing (post)Memory of Traumatic Past:
Teenager's Ideas about the Era of Political Repression of the 1930-1950 93

THE URBAN CONFIGURATION: FROM THE INVISIBLE BOUNDARIES TO THE SPACE ZONING

Zhanna V. Nikolaeva
The Identity Feature: the Emergence of the City 144

Nicola Siddi
The Invisible Boundaries in the City 160

Vladimir V. Vaingort
New Cultural Zoning of the Urban Environment in Estonia Due to the
Transformation of the Structure of Post-Industrial Society 170

FRONTIER AND ORDER: PERSPECTIVES OF STABILITY

Sergey A. Troitskiy
In Search of Total Order: Solidifying Borders and a Stable Identity 196

MISCELLANEOUS

Renat N. Apkin
Wetlands as a Natural Frontier 226

Journal of Frontier Studies. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Introduction | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.273

INTRODUCTION: BETWEEN MEMORY AND FRONTIER

Sergey A. Troitskiy

Herzen State Pedagogical University of Russia; Saint Petersburg State University; Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg, Russia. Email: sergtroy[at]yandex.ru

Abstract

This text is an introductory article to a special issue of the Journal of Frontier Studies.

Keywords

cultural memory; individual memory; oblivion; displacement; cultural exclusion and frontier zones; borders; territory; boundaries; frontier; borderland

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License.

ВВЕДЕНИЕ: МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ И ФРОНТИРОМ

Троицкий Сергей Александрович

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Санкт-Петербургский государственный университет; Социологический институт Российской академии наук – Филиал федарального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Санкт-Петербург, Россия. Email: sergtroy[at]yandex.ru

Аннотация

Данный текст является вступительной статьей к специальному номеру «Журнала фронтирных исследований».

Ключевые слова

культурная память; индивидуальная память; забвение; вытеснение; зоны культурного отчуждения и пограничья; границы; территория; рубежи; фронтир; пограничье

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

> «Память — это пейзаж, созерцаемый из окна движущегося поезда. Мы видим, как над акациями разрастается утренняя заря, птицы поклевывают утро, словно фрукт. Дальше мы видим спокойную реку и обнимающую ее рощу. Видим неспешно пасущееся стадо, супружескую пару, которая бежит, взявшись за руки, мальчишек, танцующих футбол, блестящий на солнце мяч (еще одно солнце). Видим невозмутимые озера, где плавают утки, реки с медленными водами, в которых слоны утоляют жажду. Все это разворачивается у нас на глазах; мы знаем, что это происходит на самом деле, но только в отдалении, мы не можем этого коснуться. Некоторые события уже так далеко, а поезд мчится так быстро, что у нас нет уверенности в том, что все это и вправду было. Может, это нам приснилось. Меня уже подводит память, говорим мы, а это всего лишь потемнело небо» (Агуалуза, 2013, 197).

Ангольский писатель, заставший кардинальные и частые изменения вектора исторического развития своей родины, и, вероятно, поэтому часто обращающийся к проблематике памяти («Продавец прошлого», «Всеобщая теория забвения» и пр.), описывает память в цитируемом отрывке очень кинематографично. Метафора движущегося поезда, пустынные пейзажи, пасущиеся стада и прочие образы в совокупности порождают ощущение просмотра вестерна, киноповествования, встроенного в историю освоения «дикого Запада» (Murdoch, 2001; Nelson, 2015), историю американских фронтиров такими, как их представляли авторы фильмов спустя более ста лет после описываемых событий. Представление памяти как освоения, да еще и помещенное в фокус ограниченного взгляда кинокамеры или писательского нарратива, позволяет зрителю (читателю) участвовать в освоении памяти со стороны, ощущая память одновременно как свою и как чужую. Атмосферу вестерна с визуальным образом марева от высокой температуры усиливает и описание зыбкости и призрачности памяти, игры воображения в диалектике памятного и забытого: когда проходит время, не может быть полной уверенности, что вспоминаемое действительно было или это всего лишь дымка от действительно случившегося, действительно ли были эти объекты с их четкими очертаниями в опыте или это воображаемые объекты, индивидуальные или коллективные субъекты. Что делает их действительно значимыми (реальными, актуальными)? По всей видимости, на личностном уровне – это готовность

утвердить их, укоренить их в памяти, а на уровне общественном – наоборот, безволие, мешающее стряхнуть их, навязанных извне, именно они придают утерянным объектам границы, делают их реально существующими, т.е. определяющими поведение, мышление, подстраивающими под себя повседневность субъекта, фиксирующимися в календарях, планнерах, дневниках, других документах, меняющими полностью траекторию личного развития, оставляющими видимые и ощущаемые следы в пространстве.

Специальный номер «Журнала Фронтирных Исследований» выстроен таким образом, чтобы передать читателю переживание освоения пространства в тактике фронтира, когда призрачная территория постепенно выступает из дымки, проявляя свои очертания, приобретая границы, фиксируясь в пространстве, благодаря не только юридическим инструментам, но и субъективному опыту, оставляющему вполне конкретные метки на теле фронтирмена (раны, мазоли, болячки, язвы и пр). Логика построения статей позволяет проследить путь от воображаемого к осязаемому органами чувств, хотя, конечно, это деление очень условно, а оба этих полюса одинаково значимы, и в них обоих существует явное напряжение между акторами. Условная фикциональность воображаемого (сообщества (Anderson, 2006) или власти) не менее реальна, чем осязаемое насилие со стороны пограничника или полицейского или осязаемые столбы, ограничительные ленты, колючая проволока и другое. Один из инструментов их объединения в единую систему – память, которая в то же время выступает как машина забвения. «Ситуация мемориального фронтира характеризуется наличием определенных образов прошлого, которые включаются в мемориальные конфигурации различных сообществ, но в разных структурных позициях», а «публичная репрезентация одного воспоминания автоматически способствует распределению всех остальных по нескольким мемориальным локациям» (Аникин, 2020, с. 18).

Вытеснение на периферию – это одна из функций памяти, поэтому именно там, на периферии, и стоит искать самое значимое для культуры, т.е. системы воображаемого-осязаемого. Теория зон культурного отчуждения и пограничья фокусирует свое внимание на периферийях культурной памяти, где и содержатся основные элементы, говорящие о культуре, о памяти и о значимом гораздо больше, чем те, что считаются памятным, актуальным (Begun et al., 2014; Троицкий, 2015; Nikolayeva & Troitskiy, 2018).

Память имеет дело с фактами и потому является одним из видов истории (истории в докантовском смысле, т.е. как совокупности фактов, лишенных историзма (Крупнин, 1998, с. 65)), и может быть описа-

на как инструмент просвещенческого исторического познания (Теплов, 1998; Козельский, 2009), однако, в отличие от объектной глобальной или локальной истории, этот способ существования можно обозначить как ментальный (по аналогии с ментальной картой)[1]. Говоря о памяти как ментальной истории, мы имеем в виду то, что объектная история переходит на субъектный уровень, как глобальная история предстает для каждого конкретного человека. Практически в памяти не различаются, запоминание, хранение, сортировка, вытеснение, поскольку все эти процессы являются только функциями и выполняются одновременно, формируя содержание памяти. Как бы ни хотелось субъекту иметь твердую память, она все-таки всегда в движении, в процессе, постоянно перестраивает свое содержание, перекраивает границы объектов и событий, а попытка зафиксировать в какой-то момент ее состояние приводит к тому, что и познаваемый (т.е. подвергаемый манипуляциям со стороны памяти) изменчивый мир конструируется как застывший, в результате чего ощущения, не соответствующие такой «стабильной» картине мира, интерпретируются как ошибочные.

Теория зон культурного отчуждения и пограничья, которая является теоретической рамкой для данного специального номера, позволяет исследователю работать с культурной памятью через вытеснение и забвение. В соответствии с этой стратегией, вытеснение как механизм формирует и необходимые зоны «чужого», вокруг которого выстраиваются границы, стремящиеся к «затвердеванию» и уплотнению, однако, там, где имагологический аспект отсутствует, границы стремятся к деконструкции и снятию. В предлагаемом читателю номере исследовательский фокус постепенно от статьи к статье смещается от рассмотрения воображаемых сообществ в начале и условий их функционирования к затвердеванию воображаемого в пространстве в виде плотных границ и стабильных (нормативных) форм идентичности, этим границам сопутствующим.

Материалы номера сложились так, что следуя избранной логике повествования, тем не менее, их можно еще разделить на несколько условных групп, объединяющих статьи вокруг единого центра – объекта исследования. Такие группы для удобства чтения мы выделили как рубрики номера, внутри которых к тому же можно увидеть дополнительную систему организации – расстановку от теоретических

1 Не стоит путать с историей ментальностей, являющейся объектной дисциплиной в рамках своей прагматики, хотя и изучает частные установки и мировоззрения, в то время как ментальная история прагматически ориентирована на субъекта (как события оказываются значимы для него и как они меняют его среду и поведение). Иногда «история ментальностей» синонимируется с «ментальной историей» (Селезнев, 2008).

исследований к практическим. Конечно, при построении номера не удалось избавиться от влияния фронтирной романистики, где читатель (зритель) оказывается вдруг в определенной нулевой точке пространства-времени (завязка), а все дальнейшее повествование является реализацией нарративного потенциала (совокупности функций), заложенного в этой нулевой точке, – реализацией, которая находит свое полное выражение в точке невозможности дальнейшего движения повествования (кульминация).

Читатель данного номера, наверняка, обнаружит, что нулевой точкой повествования служит исследование воображаемых сообществ в Средневековой Испании (статья «*Маргинальные и пограничные социальные группы средневековой Испании*» Елены Калининой). Исторический анализ правовых оснований существования маргинальных сообществ дополняет и развивает философский анализ причин формирования воображаемых сообществ в современных условиях. Универсальным для всего мира критическим моментом, задающим культурную стратификацию, стала пандемия COVID-19, разделившая всех людей на две группы, «ковид-диссиденты» и «ковид-алармисты» (статья «*Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества)*» Василия Воронова). Обе группы для построения идентификационных рубежей, отделяющих их друг от друга, использует память об (личном или чужом) опыте, связанном с коронавирусом, что позволяет соответствующим образом организовывать содержание памяти, актуализировать и «помнить» одно, игнорировать и «забывать» другое. Такие невидимые (воображаемые) границы, тем не менее, определенным образом фиксируются в поведении, взаимных ограничениях, конфигурации круга общения и т.п. Это сопровождается и ожиданием угрозы от противоположной группы, которая приобретает характер идеологического оправдания себя и неприятия Другого. Идеологические установки («скрепы»), ожидания, склеивающие воображаемые сообщества, задают и интерпретацию слов и действий оппонентов, а следовательно, и условия коммуникации с ними, что демонстрирует идущее следом исследование об эмоциях Другого в «популярной» этнографии (статья «*Между дремой и дикостью: этнография XIX века в поисках чувств*» Натальи Граматчиковой). Построенная как анализ конкретной книги одного путешественника и этнографа, статья вместе с тем далека от литературоведения. Автор статьи исследует, как паттерны «цивилизованного» путешественника программируют научные стратегии, задают интерпретацию и, несмотря на установку этнографа преодолеть границы между воображаемыми сообществами, наоборот, а возможно и

благодаря им, эти границы подчеркивает. Вчитываемые чувства характеризуют изучаемый этнос как отличный от европейской культуры, как другой. В статье уже достаточно явно очерчивается граница между сообществами, она стремится к затвердеванию, фиксации различий в пространственном отграничении. Культурная травма как диалектическое поле памятного-забытого рассматривается в последней статье рубрики (статья «*Конструируя (пост)память о травматическом прошлом: представления подростков об эпохе политических репрессий 1930-1950-х гг.*» Юлии Зевако). Исследование, построенное на практическом материале, показывает актуальность для современных подростков культурных границ «забытого», вытесненного из активного поля культуры опыта государственного террора эпохи политических репрессий 1930-1950-х. Границы между поколением тех, кто испытал, и поколением тех, кто помнит («забыл»), снимаются в процессе актуализации чужого опыта как личного, однако, практическая часть исследования выстроена так, что снимаются и другие воображаемые границы, казалось бы, непреодолимый рубеж между репрессируемым и репрессирующим. В результате включения в работу механизма эмоционального переживания обеих позиций, границы между ними становятся очевидно воображаемыми, а участвовавшие в эксперименте подростки ощущали сложность нравственного выбора при исполнении каждой из двух противоположных ролей, сложность принятия ответственности за свой выбор. Исследование показало возможность преодоления затвердевания нравственных оценок, моделей идентичности, превращения воображаемых рубежей в реальные (осязаемые) границы, за счет актуализации травматического опыта как личного переживания и за счет отказа от стабилизации культурных установок.

Три статьи, которые идут следом и объединены в одну рубрику, предлагают читателю сфокусировать свой взгляд на том, как идей из первого раздела (рубрики) реализуются в городской культуре. Развитие сюжета здесь не повторяет предыдущие сюжетные линии, а их развивает. Статьи о городской черте (статья «*Черта идентичности: становление города*» Жанны Николаевой) и невидимых рубежах (статья «*The Invisible Boundaries In The City*» Никола Сидди) кажутся частями одного текста и посвящены одной проблематике – пространственному определению как установлению и преодолению воображаемых внутригородских пределов, которые могут быть утверждены в реальности в качестве конкретных барьеров, стен и т.п., но в цифровую эпоху, как это показали события пандемии, они не настолько эффективны, насколько эффективны воображаемые границы или цифровая сегрегация, отражающиеся в культурном зонировании городской среды на

примере Эстонии (статья «*Новое культурное зонирование городской среды в Эстонии вследствие трансформации структуры постиндустриального общества*» Владимира Вайнгорта). Прикладное исследование, проведенное автором, показывает, насколько реальные границы внутри Таллинна зависят от воображаемых и как это отражается в облике города.

В качестве большого эпилога (заключения) предлагается статья о попытках установить Порядок с помощью затвердевания границ и стабилизации идентичности (статья «*В поисках тотального порядка: затвердевание границ и стабильная идентичность*» Сергея Троицкого). Автор подводит своеобразный итог, проговаривая многие моменты, которые постепенно вырисовывались на протяжении специального номера, выступая как бы из дымки, проявляясь. Прямая связь между стабильной идентичностью и уплотнением (затвердением или появлением) государственных границ подробно проговаривается, подчеркивается важность функционального подхода к ним обеим для экономического и политического роста. В царстве затвердевших норм и границ нет места изменениям, порядок не терпит движения. В этих условиях цементируются не только внешние, государственные, но и внутрикультурные границы (рубежи). И напоследок автор провоцирует читателя на размышления, может ли быть какая-нибудь альтернатива тому. Может, фронтир?

Список литературы

Anderson, B. (2006). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London, New York: Verso.

Begun, B., Voloshuk, E., Chertenko, A., & Troitskiy, S. (2014). Strategies of studying zones of cultural exclusion. In *Modern studies of Russian society* (pp. 79–94). Helsinki: Unigrafia.

Murdoch, D. H. (2001). *The American West: The invention of a myth*. Reno: University of Nevada Press.

Nelson, A. P. (2015). *Still in the saddle: The Hollywood western, 1969-1980*. Norman: University of Oklahoma Press.

Nikolaeva, Zh., & Troitskiy, S. (2018). An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones. An Analytical Overview of Recent Concepts. *Rivista Di Estetica*, (67), 3–19. doi: 10.4000/estetica.2482

Troitskiy, S. (2018). The problem of terminological precision in studies on cultural exclusion zones. *Rivista Di Estetica*, (67), 165–180. doi: 10.4000/estetica.2772

Агуалуза, Ж. (2013). Продавец прошлого. *Иностранная литература*, (2), 140–218.

Аникин, Д. А. (2020). Проблематика фронтира в исследованиях культурной памяти. *Журнал Фронтирных Исследований*, *5*(2), 12–25. doi: 10.46539/jfs.v5i2.201

Козельский, Я. П. (2009). *Философические предложения, сочиненные надворным советником*. Москва: Издательство ЛКИ.

Крупнин, Г. Н. (1998). Философия Хр. Вольфа в контексте теоретической проблематики Нового времени. *Философский век. Альманах*, *3*, 47–72.

Селезнев, Р. С. (2008). Ментальная история Средневековья в исследованиях первых русских медиевистов второй половины XIX в.: Истоки и зарождение проблематики. В *Россия и мир: Панорама исторического развития: Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького* (сс. 48–56). Екатеринбург: НПМП «Волот».

Теплов, Г. Н. (1998). Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. *Философский век. Альманах*, (3), 207–289.

References

Agualusa, J. (2013). The Seller of the Past. *Foreign Literature*, (2), 140–218. (In Russain).

Anderson, B. (2006). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London, New York: Verso.

Anikin, D. A. (2020). Frontier Issues in Cultural Memory Research. *Journal of Frontier Studies*, *5*(2), 12–25. doi: 10.46539/jfs.v5i2.201 (In Russain).

Begun, B., Voloshuk, E., Chertenko, A., & Troitskiy, S. (2014). Strategies of studying zones of cultural exclusion. In *Modern studies of Russian society* (pp. 79–94). Helsinki: Unigrafia.

Kozelsky, J. P. (2009). *Philosophical propositions composed by the court counsellor*. Moscow: LKI Publishing House. (In Russain).

Krupnin, G. N. (1998). Chr. Wolff's philosophy in the context of theoretical problems of the Modern age. *The Philosophical Age. Almanac*, *3*, 47–72. (In Russain).

Murdoch, D. H. (2001). *The American West: The invention of a myth*. Reno: University of Nevada Press.

Nelson, A. P. (2015). *Still in the saddle: The Hollywood western, 1969-1980*. Norman: University of Oklahoma Press.

Nikolaeva, Zh., & Troitskiy, S. (2018). An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones. An Analytical Overview of Recent Concepts. *Rivista Di Estetica*, (67), 3–19. doi: 10.4000/estetica.2482

Seleznev, R. S. (2008). Mental History of Middle Ages in the Researches by the First Russian Medievists of the second half of the 19th century. In *Russia and the world: a panorama of historical development : collection of scientific articles dedicated to the*

70th anniversary of the historical faculty of the Ural State University named after A.M. Gorky (pp. 48–56). Yekaterinburg: NPMP "Volot". (In Russain).

Teplov, G. N. (1998). Knowledge concerning philosophy in general, for the use of those, who cannot read foreign books on this matter. *The Philosophical Age. Almanac*, (3), 207–289. (In Russain).

Troitskiy, S. (2018). The problem of terminological precision in studies on cultural exclusion zones. *Rivista Di Estetica*, (67), 165–180. doi: 10.4000/estetica.2772

Journal of Frontier Studies. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Frontier and Imagined Communities | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.256

MARGINAL AND BOUNDARY SOCIAL GROUPS OF MEDIEVAL SPAIN

Elena Yu. Kalinina

Herzen State Pedagogical University. Saint Petersburg, Russia. Email: bellaflor[at]mail.ru

Abstract

The article focuses on the problem of the lack of a clear typology of medieval groups located in the zone of cultural exclusion. This is caused by the following situation: the sources at hand produce negative information of repressive (normative sources), judgmental (narrative sources), and fear-based character (folklore sources). The representatives of these groups did not leave a memory of themselves, since most of them did not have a written culture. They would not tell, and would not be listened to.

A model of social structure is constructed using the case of medieval Spain, making distinction between the core of public culture and periphery serving as a reservoir for the groups defined as marginal and boundary. The latter are displaced from the core onto the fringes of society, and their legal status wants to be clarified. The study is interdisciplinary. It makes use of the information and sources from different areas of social and humanitarian knowledge; anthropological and systemic approaches can be considered the conceptual framework of the research.

The article deals with the relationship of geographical and cultural space, and a zone of their possible convergence. The research reveals that there hardly exists a rigid connection of marginal and borderline culture with a certain place. They are often not localized and do not exist compactly.

The study is aimed at creating a holistic view of the legal status of social groups moved to periphery of the official legal culture. The article reveals the bases for their subsequent typology and detailed study. We list some groups and attribute them to marginal or boundary structures, showing the legal status of individual groups.

Keywords

boundary groups; marginal groups; medieval Spain; social exclusion; legal status; cultural exclusion; social periphery; boundary; social identity; legal culture

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Журнал Фронтирных Исследований. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Фронтир и воображаемые сообщества | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.256

МАРГИНАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ

Калинина Елена Юрьевна

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.
Санкт-Петербург, Россия. Email: bellaflor[at]mail.ru

Аннотация

Основная проблема, которая ставится в данной статье – это отсутствие внятной типологии средневековых групп, расположенных в зоне культурного отчуждения. Это связано с тем, что источники дают нам негативную информацию репрессивного или осуждающего характера, основанную на страхе и непонимании. Сами представители этих групп о себе практически не оставляют памяти, поскольку чаще всего это не обладающие письменной культурой группы. Они не стремятся о себе рассказывать, а их не хотят выслушать.

На примере средневековой Испании создаётся модель социальной структуры, где выделяются ядро и периферия, на которую вытесняются группы, определяемые как маргинальные и пограничные; выясняется их правовой статус. Исследование носит междисциплинарный характер и основано на привлечении сведений и источников из разных областей социального и гуманитарного знания, причём концептуальной основой можно считать антропологический и системный подходы.

В статье рассматривается взаимосвязь географического и культурного пространства, зоны их возможного схождения. Выявлено, что жёсткой географической привязки в случае изучения маргинальной и пограничной культуры, скорее всего, не существует. Они чаще не локализованы и не существуют компактно.

Настоящее исследование направлено на то, чтобы создать целостное представление о правовом статусе социальных групп, вытесненных на периферию официальной правовой культуры. Выявлены основы для их последующей типологии и детального изучения. Перечислены некоторые группы и обосновано их отнесение к маргинальным или пограничным структурам. Показан правовой статус отдельных групп.

Ключевые слова

пограничные группы; маргинальные группы; средневековая Испания; социальное исключение; правовой статус; культурное отчуждение; социальная периферия; граница; социальная идентичность; правовая культура

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ВВЕДЕНИЕ

Средневековье – даже в отдельно взятой стране – огромная эпоха, насыщенная и разнообразная. В данной работе мы будем рассуждать о социальной структуре и связанным с ней правовым статусом отдельных социальных групп, которые могут быть объединены понятием «исключённые». Речь пойдёт о средневековой Испании периода Реконкисты, точнее, о её христианской территории, географические границы которой постоянно менялись в связи с непрерывными болевыми действиями и завоеванием-отвоеванием отдельных замков, деревень, крупных городов и крепостей. Эта подвижность границы повлияла на формирование огромной пограничной зоны, которая то переходила из рук в руки, то, по мере расширения, представляла собой лишь формальное владение короны. Но пограничные и маргинальные группы, которые мы будем рассматривать, формировались и концентрировались не только в этом географическом пространстве. Необходимо изучать концептуальное пространство, которое, в силу обстоятельств, не было привязано к месту. Оно формировалось в правосознании на всех уровнях: официальном, профессиональном и обыденном.

Основополагающая цель настоящего исследования создать модель социальной структуры средневекового испанского общества, основанную на противопоставлении ядра правовой культуры и её периферии, что позволит сделать примерный перечень пограничных и маргинальных социальных групп, типизировать их и определить правовой статус. Исследование носит междисциплинарных характер, что позволяет расширить перспективы изучаемого объекта – общественных отношений, носящих правовой характер, в системе межгруппового взаимодействия.

Эта задача не так проста, как может показаться; исследователи лишь недавно обратили на эти группы внимание, поскольку они практически не оставили свидетельств о себе. Они были вытеснены на периферию официальной правовой культуры (в зону отчуждения) и подвергались социальному исключению. Это повлияло на формирование культурной памяти, в которой огромной части населения практически не досталось места, из-за чего А. Я. Гуревич назвал всех забытых «молчаливым большинством» (1990), по сравнению с меньшинством, пишущим историю.

Не стоит думать, что «открытие» пластов маргинальных и пограничных групп приведёт к революционным поворотам в изучении правовой истории. Периферийная культура не противостоит официальной и не противоборствует с ней. Она не может быть принципиаль-

но «другой», потому что это не антикультура, даже если некоторые группы можно считать антагонистами по отношению к официальной правовой культуре (бандолеро, проститутки, мошенники и т.п.). Это лишь приблизит нас к более целостному взгляду на правовую культуру Средневековья, позволит включить в изучение «забытых» людей, предоставить им возможность заявить о себе.

МОДЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА: ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ; ПОНЯТИЕ ГРАНИЦЫ

В средневековой Испании понятие границы появилось рано и стало культуро- и государствообразующим фактором. Столкновение с иноцивилизационными формами политико-правовой жизни ускорило процесс идентификации народов Полуострова и появление феномена нации (напр., Castro, 1948). Само полуостровное положение создало ситуацию, в которой ни одна из противоборствующих сил (христиане и мусульмане) не могла ни уступить своего места, ни доминировать. Сложившиеся в процессе столкновения импульсы не могли рассеяться в окружающем пространстве в течение длительного времени. Испания впервые оказалась перед лицом подобной ситуации: ранее на её территории происходило огромное количество столкновений локальных культур в рамках одной – средиземноморской – цивилизации, которые в той или иной мере находились в зоне влияния Рима. В любом случае они были либо христианскими, либо языческими, но расположенными на орбите притяжения Империи.

Столкновение цивилизаций, вероятно, впервые в истории Испании жёстко поставило вопрос о границе и идентификации, хотя ранее уже сложились предпосылки для разделения на «своё-чужое», «я и другие»: античные колонизаторы устанавливали пределы во взаимодействиях с автохтонным населением. Карфагеняне и римляне создавали аристократические группы, которые мало смешивались с местными, хотя с течением времени испанцы входили в состав элиты и даже получили возможность заключать браки с колонизаторами. Чуть сложнее ситуация сложилась между германцами и римлянами. Как и везде в Европе, освободившись из-под опеки Рима, варвары создавали законодательство, основанное на римских правовых формах, но по содержанию стремившееся к унижению бывших хозяев. Как бы остро ни складывалась борьба между римлянами и варварами, испанцев она затрагивала лишь частично. Столкнувшись с арабами, испанцы пришли к пониманию того, что только выстраивание границ, как физических (крепости, приграничные столбы и т.п.), так и ментальных может спасти их от уничтожения как самодостаточной общности на пути к госу-

дарственности с собственной политико-правовой системой. Становление испанской нации, возможно, было, защитной реакцией, отторжением исламизации, выразившейся в альянсе разных народов, объединённых общей историей и культурой (См.: Marías, 1990). Однако в истории становления испанской нации можно увидеть не только отталкивание, которое неизбежно в процессе встречи цивилизаций, но и взаимопроникновение с формированием пограничной зоны, характеризующейся наличием новых культурных элементов (см.: Amahjour, 2012, p. 178). Т. Глик утверждал, что «контакт между культурами, несомненно, креативен, хотя всегда конфликтен» (1991, p. 12), и на примере средневековой Испании это видно особенно ясно. Усилия, которые необходимо было прилагать для сохранения целостности испанского общества, позволили сформировать на перекрёстке культур уникальную нацию, о чём писал Х.П. Фуси (2000, p. 17) и многие другие авторы.

Необходимость создать и закрепить цивилизационную границу приводит к формированию государственно-правовой системы, которая характеризуется наличием рубежей, внутри которых происходят идентификационные процессы. Внутреннее строение этой системы со временем усложняется, что приводит к формированию подсистем – социальных групп. При анализе основного вопроса настоящего исследования мы не будем включаться в дискуссию по поводу разграничения социальных общностей, групп, категорий и т.п. Для удобства общности, организованные разными способами, будут именоваться социальными группами, которые будут различаться по степени организованности (например, мы считаем, что существуют группы, члены которой могут даже не осознавать, что они являются таковыми, но будут ощущать определённую идентичность, например, паломники или лжепаломники) и внутреннему основанию разделения (например, этнокультурные основания или правовой статус).

Социальные группы формировались внутри единого социального пространства; при этом одни из них попадали в сферу ядра официальной правовой культуры, другие – профессиональной, а третьи – обыденной. Официальная правовая культура формируется в зоне бытования публичной власти. Она не может противоречить общей культуре, но определяет текущие правила и выстраивает общественные отношения, исходя из нынешнего вектора развития. В Средневековье многие выпадали из этого деления, оказываясь на социальной периферии, в маргинальных и пограничных группах.

ПОЛУОСТРОВ КАК ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Полуостровное положение Испании, отграниченное, к тому же, от материка труднопроходимыми в Средневековье горами, создало любопытную ситуацию взаимодействия двух цивилизаций, встретившихся в этом пространстве. Культурные и географические границы не были жёстко привязаны друг к другу, а культурные пространства могли пересекаться, создавая причудливые сочетания, не будучи привязанными к географическим. Нередко представители разных цивилизационных групп не вполне осознавали наличие границ внутри полуостровного пространства. В одном случае эти границы проявлялись очень чётко, а в другом их как будто не существовало вовсе. Так, например, впоследствии в христианской культуре пограничная линия в рамках единого пространства между еретиками и христианами была более жёсткая, чем в ряде случаев между христианами и мусульманами или между идальго и простолюдином.

Испания рано сформировалась как единое ментальное пространство, даже раньше, чем сложилось государство в современном понимании. Это пространство ещё с римских времён определялось как Hispania. При отсутствии единства, системности во всех типах общественных отношений этот феномен представлял собой объединительный фактор в правосознании складывающейся испанской нации. Как и в других случаях, когда в средневековом мире «речь шла о единстве мира в восприятии людей средневековья, то не следует забывать, что единство это существовало лишь на метафизическом уровне» (1984, с. 255), по меткому замечанию А. Я. Гуревича. Понятие «Испания» употреблялось как в единственном, так и во множественном числе, что демонстрировало разделение в правосознании ментального и географического пространства. Испании – это локальные политические сообщества, привязанные к географической локации в рамках единого ментального пространства. Например, Исидор Севильский (начало VII в.) не просто говорит об Испании в единственном числе – Hispania, но добавляет mater, формируя концепт родины, то есть не географического, а ментального пространства (Sancti Isidori Hispalensis). Как заметил Ф. Мартинес, «напряжение между универсальным и локальным постоянно и никогда не разрешается удовлетворительным образом, потому что в Средневековье индивид живёт между феодальным уделом или поместьем и деревней, замком, монастырём, с одной стороны, но, несомненно, является частью превосходящей политической общности, Империи или Папством, или даже более глобальной,

Христианства или Христианской Республики как кульминации» (Мартинес, 2010, p. 308).

Игру и взаимодействие политических пространств можно показать на примере средневековой монархии и империи в Испании. Король мог управлять в одном королевстве или присоединять какие-то территории и править в двух или трёх королевствах, а император существовал в рамках единого пространства, которое было больше ментальным, чем географическим, включая в себя несколько королевств, но потенциально оно готово было включить ещё неограниченное их количество. В какой-то момент испанская империя вышла за пределы полуостровного пространства и приобрела черты известной нам империи. Ещё один интересный факт – именование короля одного из локальных королевств императором или правителем «всея Испании», которая включала в себя не только другие королевства, но и арабские территории, то есть весь полуостров. Похожая ситуация сложилась с хрониками, которые нередко назывались История Испании, хотя писались в локальном королевстве. Тем не менее, История Испании встречается чаще, чем, скажем, История Галисии или Наварры.

Водораздел между исламской и христианской цивилизациями был ещё более своеобразным. Он не был чисто географическим, но он не всегда был и культурным (религиозным). Религиозные обычаи не мешали христианским королям и мусульманским правителям взаимодействовать, заключать союзы, в том числе, против тех, кого они считали «своими». Христианские и мусульманские правители в интересах войны или торговли могли объединяться против единоверцев, и принадлежность к одной религии, шире – культуре, не останавливала их (Tuliani, 1994, p. 9). Один из наиболее ярких примеров содержится в эпическом средневековом произведении, основанном, как считают исследователи, на реальных событиях, – предании об инфантах Лара. Сюжет основан на том, что родственники поссорились на свадьбе, и одна из сторон, посчитавшая себя обиженной, обратилась к соседнему исламскому правителю с предложением подстроить ловушку и погубить семерых братьев-обидчиков. Заканчивается история тем, что брат по отцу этим семерым инфантам, полумавр-полухристианин, воспитывающийся на мусульманской территории и не знавший ни своего отца, ни происхождения, мстит вероломному родственнику за братьев-христиан. В испанском фольклоре тема пограничных взаимоотношений раскрыта достаточно полно. Существует даже целый пласт фольклорной, так называемой «пограничной» литературы.

Подобная ситуация существует до сих пор. Так, исследователи выделяют географическую идентичность, утверждая, что «географиче-

ские топонимы, символы, объекты маркируют ландшафт. Территория приобретает культурные характеристики, социокультурные смыслы и значения, связанные с определенными историческими событиями, социальными практиками, этническим образом мира и ценностями» (Андреева, 2017, с.109). Но в Испании, видимо, географическая идентичность не сложилась: уже в течение более пятисот лет после окончательного отвоевания Полуострова у мавров сохраняется огромное количество арабских топонимов, остатков арабской архитектуры, словообразований, происходящих из арабских языков и т.п. Это показывает, что культурное и географическое пространство в Испании причудливо переплетаются между собой без какой-либо жёсткой привязки.

ПОНЯТИЕ МАРГИНАЛЬНЫХ И ПОГРАНИЧНЫХ ГРУПП И ТРУДНОСТИ ИХ ДЕМАРКАЦИИ

Маргинальные и пограничные группы формируются на границах общества как системы, объединяющей в себе разнородные элементы. Разница в их положении состоит в том, что маргинальная культура, как правило, антагонистична по своей сути, а пограничная стремится к синтезу, хотя не всегда соответствует представлениям официальной правовой культуры о должном поведении. Но вообще, как будет видно из дальнейшего повествования, разделить пограничные и маргинальные группы не всегда возможно, тем более что они нередко переходят одна в другую.

Маргиналы – это люди или сообщества, которые сознательно противопоставлены доминирующей культуре. Они могут не желать этого (например, рабы), будучи объективно поставленными в соответствующие условия, либо добровольно принимать такой статус (например, либертины, отшельники или даже студенты, которых сегодня нам очень трудно считать маргиналами). Их положение может быть как очень тяжелым (люди, находящиеся в самых низах общества), так и более высоким, нежели у представителей знати (королевские рабы, например, имели возможность оказывать влияние на политику государства, если оказывались приближёнными к правителям). Главная особенность маргинального правосознания заключается в том, что они не признают общество, хотя являются его структурной частью, а общество вытесняет их на периферию системы, поскольку они не отвечают нормам генеральной культуры. Но при этом они являются значимым элементом культуры, без которой она не может быть полной, подобно герою, который нуждается в антагонисте, и все виды протестов не могут быть поняты помимо этой культуры. Например, бандолеро (бандиты, контрабандисты) или позднее герильеро (партизаны) были явле-

нием очевидно испанским и если не признавались в рамках официальной культуры – ядра, – то мифологизировались крестьянами – группами, удалёнными от центра, но входящими в пространство, формируемое ядром.

Нужно отметить важность изучения социальной репрезентации маргинальных групп. Это приведёт к созданию типологий маргинальных групп и углублению в их системы ценностей (см.: Ruiz Domenec, 1990). Помимо иудеев, почти ни одна маргинальная группа Средневековья не создала собственную культуру, либо эта культура не была зафиксирована письменно. Впрочем, проблемы существуют и с устными источниками: маргиналы не любили рассказывать о себе посторонним, а представители других социальных групп не желали их выслушать. Часто эти группы были запретными, негативно воспринимались и вытеснялись на периферию общественного сознания. К тому же они чаще всего не были оформленными компактными группами. Возможно, они сами не знали, что принадлежат к определённой группе, то есть не чувствовали идентичность, не искали других таких же людей (например, проститутки). Но при этом криминальные маргинальные группы нередко существовали компактно (бандолеро, воры). В ряде случаев мы встречается не только с социальной очерченностью границ подобной группы, но и с формированием ограниченного пространства, в котором они проживают. Особенно это касается городов, в зоне которых могут располагаться компактные группы, подвергающиеся маргинализации (гетто). Компактно могут проживать позитивные маргинальные группы (мусульмане, иудеи) и негативные (кварталы, в которых сосредоточивались криминальные личности или проживали «профессиональные» нищие).

Пограничные сообщества образуются тогда, когда в силу различных обстоятельств происходит встреча двух или более культур. В этом случае осуществляется взаимодействие, в результате которого происходит узнавание и принятие решения о возможности восприятия или отторжения тех или иных культурных моделей, в том числе в преобразованном виде. В силу действия объективных факторов эти встречающиеся культуры вынуждены взаимодействовать, а у доминирующей культуры нет возможности вытеснить отдельные группы на периферию. В процессе взаимодействия могут быть сформированы новые социальные группы, подталкивающие власть к развитию законодательства, которое включало бы их в систему регулирования правопорядка.

Если между различными группами, как расположенными на периферии, так и приближёнными к зоне ядра складывался социальный компромисс, то можно было говорить о формировании пограничной

культуры. В её рамках происходит сосуществование норм разных групп, которые могут синтезироваться или сосуществовать, проявляясь в разных ситуациях. Примером синтеза можно считать межкультурные нормы, а примером сосуществования – нахождение одновременно в разных группах (например, аристократ-разбойник). Такие случаи нахождения одновременно в нескольких группах – явление гораздо более редкое, и, наверное, его нельзя относить однозначно к пограничным.

И те, и другие группы на сегодняшний день изучены довольно плохо. В этом смысле у историка права существует серьёзная проблема: сами представители таких групп о себе практически не оставили письменной памяти, а имеющиеся произведения не всегда можно осмыслить. Представители официальной и профессиональной правовой культуры, которые обычно занимались летописанием и писательским трудом отзывались о них чаще негативно, недоброжелательно, нередко искажая их ценности, основы картины мира. Этот негатив был вызван не реальным провалом в коммуникации, а, скорее, воображаемой инаковостью. Власть часто не знала, что делать со столь разнообразными группами, не вписывающимися в простую модель управления. В связи с этим сначала она предпочитала вытеснять их, исключать из социальной системы, а затем занялась правовым регулированием и формированием правового статуса этих групп.

Пограничные группы могли формироваться в приграничном пространстве между любыми культурами, в том числе между позитивными и негативными, несмотря на попытки власти пресечь возможность контактов. Но Средневековье – это время, когда социальные границы в рамках одного культурного пространства не были жёсткими. Переход из одного субпространства в другое мог быть затруднённым, но не невозможным. В период формирования Кастилии, например, любой человек мог стать дворянином. На уровне простонародья постоянно происходила коммуникация между признанными и запрещёнными социальными группами. Это было связано с взаимным любопытством, принятием, доброжелательным отношением. Но в рамках официального правового дискурса эти пограничные зоны часто не могли быть осмыслены. Рассмотрим более подробно некоторые из интересующих нас групп, и специально остановимся на понимании их правового статуса.

ЗОНЫ КУЛЬТУРНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Все маргинальные и пограничные культуры можно делить по разным основаниям. Первую категорию мы назовём культурно-этнической. В средневековом испанском обществе это были как представители других культур (цивилизаций), например, мусульмане или иудеи, так и лица, родившиеся в результате трансграничного взаимодействия. В первом случае мы, скорее всего, говорим о маргинальных группах, во втором – о пограничных. Провести между ними чёткую границу практически невозможно, потому что отношение к ним со стороны других людей было различным, и коммуникация зависела от конкретных обстоятельств. Сложность изучения подобного взаимодействия в том и состоит, что, с одной стороны, наука нуждается в типизациях, а с другой, – эти взаимодействия нередко следует рассматривать в рамках истории повседневности.

Приведем пример. Мы можем сделать предположение, что к представителям другой культуры средневековые испанцы не всегда относились доброжелательно, основываясь на знании о войнах и стычках в процессе завоевания-отвоевания. Если мы рассмотрим отношения с арабами, проживающими на отвоёванных христианами пространствах («белыми людьми»), то увидим нередкую взаимную неприязнь. Но в то же самое время у испанцев устанавливаются более дружеские контакты с «чёрными» африканцами, которые находятся примерно в том же положении. Значит, именно у испанцев, даже по сравнению с другими европейцами, изначально не было предубеждения по отношению к представителям другой расы. Эта ситуация не укладывается в приведённую ранее схему.

Рассмотрим подробнее, что происходило в Испании в период арабского завоевания.

В какой-то момент времени Пиренейский полуостров оказался разделён на две неравные части, мусульманскую и христианскую, причём граница постоянно сдвигалась. Ни христианство, ни ислам ещё не были устоявшимися религиями, а потому простонародье не проявило желание сражаться за веру (это более позднее явление). Народ продолжал общаться, несмотря на ограничения (Narbona Vizcaíno, 1998, p. 100). Противоборствующие правительства, напротив, сражались за сферы влияния, за территорию, которая стала основой государственности. Поэтому они стали жёстко маркировать пространства как в физическом смысле (строить крепости, нанимать людей, которые охраняли бы границы), так и в ментальном смысле (создавать законы, ограничивающие взаимодействия) (См.: Rodríguez de la Peña, 2009).

В результате совместного проживания на территории полуострова образовались следующие группы: арабы, берберы, мавры («чёрные» мусульмане), евреи, христиане, различные по этническому происхождению, среди которых особенно выделялись германцы; мосарабы, или арабизированные христиане, проживающие на мусульманской территории, но не принявшие ислам; муваллады, или христиане, принявшие ислам по разным причинам (из страха, с целью снизить уровень налогообложения и т.п.) на мусульманской территории; мудехары, или арабы, оказавшиеся на христианской территории, но не сменившие религию, хотя и перешедшие в подданство королю; ренегаты, или христиане, сознательно перешедшие в ислам, сбежав на чужую территорию и перейдя в подданство исламских государей; марраны, или евреи, принявшие христианство. При этом у представителей разных групп могли появляться дети, и не всегда было ясно, к какой группе они должны принадлежать. Усугубляло ситуацию и то, что смешанные браки нередко старались ограничить, а сексуальные связи запретить под страхом смертной казни (См.: Ladero Quesada, 2009, p. 33).

Тем не менее, браки между представителями разных культур стали заключаться настолько часто, что на это обратили внимание не только короли, которым, в целом, не было до этого дела, но даже Римские Папы, которые стали настойчиво рекомендовать властям пресечь эту практику (Marín Guzmán, 2004, p. 515). Большое число нотариальных свидетельств о заключении межкультурных браков демонстрируют разные исследователи; например, А. Тахири даже показал, что христиане и мусульмане нередко делили жилища (2003, p. 38). Если уж невозможно было избежать совместного проживания разных этносов на одной территории, то нужно было ограничить их взаимодействие и тем более смешение (Ladero Quesada, 2009, p.38).

Власти не только противодействовали общению, но, понимая, что оно неизбежно, нередко пытались создать приемлемое правовое пространство взаимодействия. В сельской местности огромное значение имели вопросы земле- и водопользования. Нередко там мог располагаться только один общий колодец. В этом случае неизбежно вставал вопрос о том, не «загрязнит» ли иноверец воду. На исламской территории издавались толкования законов, которые закрепляли, например, утверждение, что христиане и иудеи не «загрязняют» воду в общем колодце (García Sanjuán, 2009). Христианским королям, в свою очередь, было выгодно брать под свою защиту «инородцев». Поэтому затем они долго уклонялись от давления, оказываемого Римом, который настаивал на дискриминационных мерах и преследованиях. Короли ста-

рались защищать тех арабов и иудеев, которые оказывались в сфере их влияния, разрешали придерживаться своего языка и веры (Galmés de Fuentes, 2002, p. 134). Обращённые мусульмане принимались при дворе, и их старались выделить (Echevarría Arsuaga, 2006, p. 15).

Конечно, общение не всегда было безоблачным. Скорее наоборот: в первую очередь, оно было конфликтным. Нередко инокультурные элементы отвергались не только официальной культурой, но и народной. Охота на ведьм или погромы еврейских жилищ, оскорбления или побои, сыпавшиеся на иноверцев, глумление над падшими женщинами и жертвами сексуального насилия, – всё это известно и изучено. Американский исследователь, Р. Дарнтон объяснял агрессию по отношению к «другим» страхом и нежеланием, да и неспособностью понять. Его известная книга, переведённая на русский язык, именно об этом (2002).

Один из наиболее интересных феноменов для изучения – это право, сформировавшееся на границе. Для регулирования правопорядка властям с обеих сторон приходилось вырабатывать нормы общежития. Это делалось как на законодательном уровне, так и со стороны локальных общин, которые устанавливали правила обычного характера (См.: Viguera Molins, 2009). Некоторые авторы, как, например, Х. Родригес Молина, считали, что пограничное пространство – это зона, где царит беззаконие (См.: Rodríguez Molina, 2007, p.14). Эту позицию можно понять, особенно применительно к вновь отвоёванным пространствам, где ещё не устоялась власть. Сюда стекались наёмники, авантюристы, беглецы всех сортов. Короли отчаянно пытались любыми способами заселить эти территории, чтобы закрепить их за собой. Нормы права, действовавшие до захвата одной из сторон, уже не действовали, а новых ещё не было. Кроме того, некоторые земли постоянно переходили из рук в руки. В этом смысле пограничное пространство могло стать территорией хаоса. С другой стороны, можно говорить о пространстве, где, напротив, право наиболее «живое», а не застывшее, в котором комфортно находиться представителям самых разных социальных групп. Особенно если под пограничным пространством мы имеем в виду не физическое, зону боевых действий, а культурное. О таком пограничном пространстве можно сказать словами Ю.М. Лотмана: «Понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой – соединяет. Она всегда граница с чем-то и, следовательно, одновременно принадлежит обеим пограничным культурам» (1990, с. 262). Это влияет на формирование особой пограничной культуры, в том числе, в правовом смысле.

ПРОСТРАНСТВО «АБСОЛЮТНО ДРУГОГО»: РАБЫ И НИЩИЕ

В любом социальном пространстве существуют почти абсолютные маргиналы, которые как бы исторгнуты из него. На Руси такая категория называлась изгоями. В неё попадали те, кто «выпадал» из социальной структуры, причём такое состояние могло быть временным или постоянным. Пока люди находились в таком состоянии, они не принадлежали ни к какой социальной группе, но в то же время нельзя сказать, что они могли войти в состав метапространства, в котором взаимодействуют разные общественные суперсистемы.

Как отдельную подобную маргинальную группу испанского (и не только) Средневековья можно выделить рабов. Рабство – одно из самых древних постыдных социальных явлений. Оно сохранялось и в Испании в рассматриваемое время как на мусульманской, так и на христианской территориях. В Аль Андалус поступали рабы из Южной Сахары и пленённые христиане. Наступление христиан на исламские территории привело к лишению свободы многих мусульман (González Aréval, 2019, p. 14). Юридически о рабах трудно говорить как о социальной группе, поскольку они не обладали единым правовым статусом; права рабов разных категорий могли существенно различаться: от королевских рабов до рабов, упоминаемых в локальных документах рядом с вьючными животными. Это означает, что не все рабы приравнивались к животным, как юридически, так и по отношению общества к ним, но и не все рабы обладали рядом прав, приравнивающих их к нормальным людям. Мы относим рабов к маргинальным группам, но в данном контексте они выглядят как пограничные, – между миром людей и миром животных. Рабы дворян и рабы ремесленников, городские и сельские рабы, конечно, существенно различались по своему статусу.

С точки зрения культурной антропологии, можно говорить о рабах как членах коллектива, которых связывает принадлежность к культуре, внешней по отношению к культуре общества, в которую они насильственно были инкорпорированы, и в котором происходила их аккультурация (González Aréval , 2019, p. 22). Их маргинализация происходила от нежелания принимать меры по включению, и даже наоборот – власти принимали юридические меры для ограничения их возможных контактов с другими членами общества. Это видно, например, из постановлений местных властей, запрещавших собираться рабам большими группами и праздновать. Между тем эти встречи были необходимы для общения, чтобы поддерживать передачу культурных моделей, а также вступать в брак. Такие собрания, по свидетельству современников, происходили довольно часто, несмотря на запреты.

Нужно отметить и то, что нередки случаи совместного времяпрепровождения с христианами.

Нередко действовали запреты, связанные с посещением рабами таверн, питейных и игровых заведений. В таких случаях рабы были вынуждены собираться в ограниченных пространствах, среди своих. Неизвестен точно масштаб нарушений запретов, но очевидно, что правила нарушались повсеместно, то есть рабы и свободное население находились в контакте.

Самые низшие рабы, которых считали рабочими животными, не обладали никакими правами; их правовое положение подтверждается включением в законодательство норм, где они перечисляются в одной главе вместе с тягловым, вьючным или наездническим скотом в следующем порядке: «животные, такие как кони, кобылы и мулы (самки и самцы), ослицы и ослы, рабыни и рабы…» (Rodríguez Molina, 2003, p. 171).

В схожем положении находилась такая многочисленная социальная группа или, скорее, категория, как нищие. От рабов их отличали два обстоятельства: личная свобода и принадлежность к этой же социальной культуре. Однако в главном – включённости в общество – они находились примерно в одном и том же положении. Как и рабы, нищие неоднородны. Среди них было много отдельных подгрупп: вдовы, бедные девушки, проститутки (огромное число женщин, оставшихся без защиты своей семьи), больные, старые, малолетние. В обществе было много нищих из-за засухи или сильных ливней, огромных налогов, высоких цен, голода, эпидемий. Всё это увеличивало число тех, кто вынужден был просить милостыню, оставался без крова и исключался из всех социальных групп, признаваемых и одобряемых официальной культурой. Они никогда не упоминались ни в каких формальных списках примерно до XVII в., что существенно затрудняет их изучение в период Средневековья. Но о масштабах нищенства можно судить по известиям Нового времени. Например, известно, что в городе Убеда в 1750 г. проживало 11.000 человек, и из них около 4000 были нищими, бродягами на улицах, то есть более трети населения (Rodríguez Molina, 2003, p.184).

Как можно увидеть, среди нищих присутствуют субкультуры очень разные и по отношению к праву. С одной стороны, это люди с развивающимся криминальным сознанием, а с другой – с сознанием, стандарты которого «не вписываются» в формирующееся политико-правовое пространство. Как отмечают некоторые авторы, правовым ограничениям подвергаются женщины, дети и старики. Некоторые авторы феминистической направленности, которые изучают социальное

неравенство только по отношению к женщинам, называют их «исключёнными в среде исключённых» (Vinyoles Vidal, 2008, p. 81). Как иронически заметила М. Кораль Куадрада, социальное исключение в Средневековье могло достигать 90% (2015, p. 59), хотя это, конечно, преувеличение.

ВЫВОДЫ

Пространство, занимаемое в социальной структуре маргинальными и пограничными группами, может быть познано через правовые источники репрессивного характера, а также через литературу назидательного характера, которая показывает их как антиэталон. Такие источники помогают создать модель правового статуса маргинальных и пограничных социальных групп. Иные типы источников (нарративные, визуальные, фольклорные) могут создать образы этих групп через негативизацию или, напротив, через мифологизацию.

Несмотря на то, что маргинальные и пограничные структуры вытеснялись официальной правовой культурой на периферию социального пространства, между ними и простонародьем установились более тесные узы, чем между представителями образованных и благородных сословий. Власть создавала правовое пространство, в которое включался народ, понимаемый как «добрые люди», то есть порядочные, благонадёжные, законопослушные члены общества. Но люди эти во многом были связаны с маргинальными и пограничными структурами. Маргиналы, особенно криминальные, представляли угрозу для народа, который нередко страдал от разного рода мошенников, разбойников, воров. Однако не меньше население страдало от законной власти, от порядка, установленного с помощью права. Это порождает феномен мифологизации маргинального пространства и его обитателей. В обыденном правосознании закладываются образы романтичных и благородных разбойников, которые покровительствуют беднякам. В этом двойственность образа маргинала.

Социальные маргинальные и пограничные группы могут быть компактными и очерченными и обладать собственным географическим пространством (локализоваться). Но могут существовать группы без локализации и даже без идентификации. Идентичность им придаётся со стороны, наблюдателем, который типологизирует социальное пространство и создаёт модели, необходимые для познания исторической действительности.

Граница между маргинальными и пограничными социальными группами размыта, что затрудняет их идентификацию. Проблема исследователя ещё и в том, что маргинальные группы могут становиться

пограничными и наоборот. Другой вариант – это их восприятие: в одном социальном контексте маргинальные группы могут восприниматься как пограничные, а пограничные как маргинальные.

Социальное пространство, в котором располагаются маргинальные и пограничные группы, может выступать как модель, имитирующая географическое пространство, но оно не всегда сходно с ним. Это метафорическое пространство, в котором смыслы понятны представителям определённой социальной группы, но вынужденно перетекают в другие группы. При таком переходе смыслы могут трансформироваться, обретая черты соседнего культурного пространства. Эти трансформации затрудняют изучение пограничных и маргинальных социальных групп, но открывают в их исследовании широкие перспективы.

Список литературы

Amahjour, A. (2012). Aproximación semiótica a unidades fraseológicas españolas de temática mora y morisca [Semiotic approach to Spanish phraseological units of Moorish and Moorish themes]. *Paremia*, *21*(2012), 177-186. (In Spanish).

Arévalo, R. G. (2019). La esclavitud en la España Medieval. (Siglos XIV-XV). Generalidades y rasgos diferenciales [Slavery in Medieval Spain. (XIV-XV centuries). Generalities and differential features]. *Millars. Espai i Història*, (2), 11-37. (In Spanish).

Arsuaga, A. E. (2006). *Caballeros en la frontera. La guardia morisca de los Reyes de Castilla (1410-1467) [Knights on the frontier. The Moorish guard of the Kings of Castile (1410-1467).]*. Madrid: UNED. (In Spanish).

Castro, A. (1948). *España en su historia: Cristianos, moros y judíos [Spain in its history: Christians, Moors and Jews]*. Buenos Aires: Editorial Losada. (In Spanish).

Cuadrada, C. (2015). Marginalidad y otredad en Cataluña (siglos XIV-XVI) [Marginality and Otherness in Catalonia (XIV-XVI centuries)]. *En La España Medieval*, *38*, 57-97. (In Spanish).

Domínguez, O., A. (1998). Las tres culturas en la historia de España [The three cultures in the history of Spain]. In *España. Reflexiones sobre el ser de España [Spain. Reflections on the being of Spain]* (pp. 171–194). Madrid: Real Academia de la Historia. (In Spanish).

Fusi, J. P., & Aizpurúa, J. P. F. (2000). *España: La evolución de la identidad nacional [Spain: the evolution of national identity]*. Madrid: Temas de Hoy. (In Spanish).

Glick, T. F. (1991). *Cristianos y musulmanes en la España medieval (711-1250) [Christians and Muslims in Medieval Spain (711-1250)]*. Madrid: Alianza. (In Spanish).

Guzmán, R. M. (2004). Las fuentes árabes para la reconstrucción de la historia social de la España musulmana. Estudio y clasificación [Arabic sources for the reconstruction of the social history of Muslim Spain. Study and classification]. *Estudios de Asia y Africa*, *39*(3), 513-572. (In Spanish).

Isidorus Hispalensis. (n.d.). Historia de regibus Gothorum, Vandalorum et Suevorum [History of the Goths, Vandals and Suevic]. Retrieved from The Latin Library website: http://www.thelatinlibrary.com/isidore/historia.shtml. (In Latin)

Marías, J. (1990). *Understanding Spain.* Ann Arbor: University of Michigan Press.

Martínez, F. M. (2010). Ecos cronísticos del rey-juez medieval [Chronological echoes of the medieval king-judge]. *Cuadernos de Historia Del Derecho, Extra*, *2*, 303-356. (In Spanish).

Molina, J. R. (2003). La pobreza como marginación y delito [Poverty as marginalization and crime]. *Gazeta de Antropología*, *19*, 159-197. (In Spanish).

Molina, J. R. (2007). *La vida de moros y cristianos en la frontera [The life of Moors and Christians on the frontier]*. Jaen: Alcalá Grupo Editorial. (In Spanish).

Molins, M. J. V. (2009). Mozárabes y cristianos en Al-Andaluz (siglos VIII-XI) [Mozarabs and Christians in Al-Andalus (8th-11th centuries)]. In L. Quesada & M. Ángel (Eds.), *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: La guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, 2007* (pp. 179–186). Avila: Fundación Sánchez Albornoz. (In Spanish).

Quesada, M. A. L. (2009). Las relaciones con los musulmanes en la Baja Edad Media: Rechazo, coexistencia, proselitismo. In Ladero Quesada, Miguel Ángel [Relations with Muslims in the late Middle Ages: Rejection, coexistence, proselytism. In Ladero Quesada, Miguel Ángel]. In M. A. L. Quesada & M. Ángel (Eds.), *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: La guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, 2007 [Christians and Muslims in the Iberian Peninsula: War, frontier, coexistence: XI Congress of Medieval Studies, 2007]* (pp. 15–68). Avila: Fundación Sánchez Albornoz. (In Spanish).

Rodríguez de la Peña, M. A. (Ed.). (2009). *Hacedores de frontera. Estudios sobre el contexto social de la frontera en la España medieval [Border makers. Studies on the social context of the frontier in medieval Spain]*. Madrid: Fundación Universitaria San Pablo CEU. (In Spanish).

Ruano, E. B. (Ed.). (2000). Galmés de Fuentes, A. Síntesis cultural cristiano-islámica [Galmés de Fuentes, A. Christian-Islamic cultural synthesis.]. In *Tópicos y realidades de la Edad Media [Topics and Realities of the Middle Ages]* (pp. 119–154). Madrid: Real academia de la historia. (In Spanish).

Ruiz-Domènec, J. E. (1990). La marginación en la sociedad medieval: Algunos problemas de método [Marginalization in medieval society: some problems of method]. *Medievalia*, (9), 219-230. (In Spanish).

Sanjuán, A. G. (2009). El fin de las comunidades cristianas de Al-Andalus (siglos XI-XII). Factores de una evolución [The end of the Christian communities of Al-Andalus (11th-12th centuries). Factors of an evolution]. In *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: La guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, 2007 [Christians and Muslims in the Iberian Peninsula: War, frontier, coexistence: XI Congress of Medieval Studies, 2007.]* (pp. 259–279). Avila: Fundación Sánchez Albornoz. (In Spanish).

Tahiri, A. (2003). *Las clases populares en Al-Andalus [The popular classes in Al-Andalus].* Málaga: Sarriá. (In Spanish).

Tuliani, M. (1994). La idea de Reconquista en un manuscrito de la «Crónica General» de Alfonso X El Sabio [The idea of Reconquest in a manuscript of the 'General Chronicle' of Alfonso X the Wise]. *Studia Historica. Historia Medieval*, (12), 3-23. (In Spanish).

Vinyoles, T.-M. (2008). Respuestas de mujeres medievales ante la pobreza, la marginación y la violencia [Medieval women's responses to poverty, marginalization and violence.]. *Clío & Crímen: Revista Del Centro de Historia Del Crimen de Durango*, (5), 72-93. (In Spanish).

Vizcaíno, R. N. (1998). Tras los rastros de la Cultura Popular: Hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia Medieval [Following the traces of Popular Culture: witchcraft, superstitions and quackery in Medieval Valencia.]. *Edad Media: Revista de Historia*, (1), 91-110. (In Spanish).

Андреева, А. А. (2017). Пограничье в контексте идей культурно-исторической эпистемологии. *Вестник Калмыцкого университета*, (3), 108–113.

Гуревич, А. Я. (1984). *Категории средневековой культуры*. Москва: Искусство.

Гуревич, А. Я. (1990). *Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства*. Москва: Искусство.

Дарнтон, Р. (2002). *Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры*. Москва: Новое литературное обозрение.

Лотман, Ю. М. (2000). *Семиосфера: Статья, исследования, заметки*. Санкт-Петербург: Исскуство-СПБ.

References

Amahjour, A. (2012). Aproximación semiótica a unidades fraseológicas españolas de temática mora y morisca [Semiotic approach to Spanish phraseological units of Moorish and Moorish themes]. *Paremia*, *21*(2012), 177-186. (In Spanish).

Andreeva, A. A. (2017). Frontiers in the Context of Ideas of Cultural-Historical Epistemology. *Bulletin of Kalmyk University*, (3), 108–113. (In Russian).

Arévalo, R. G. (2019). La esclavitud en la España Medieval. (Siglos XIV-XV). Generalidades y rasgos diferenciales [Slavery in Medieval Spain. (XIV-XV centuries). Generalities and differential features]. *Millars. Espai i Història*, (2), 11-37. (In Spanish).

Arsuaga, A. E. (2006). *Caballeros en la frontera. La guardia morisca de los Reyes de Castilla (1410-1467) [Knights on the frontier. The Moorish guard of the Kings of Castile (1410-1467).].* Madrid: UNED. (In Spanish).

Castro, A. (1948). *España en su historia: Cristianos, moros y judíos [Spain in its history: Christians, Moors and Jews].* Buenos Aires: Editorial Losada. (In Spanish).

Cuadrada, C. (2015). Marginalidad y otredad en Cataluña (siglos XIV-XVI) [Marginality and Otherness in Catalonia (XIV-XVI centuries)]. *En La España Medieval*, *38*, 57-97. (In Spanish).

Darnton, R. (2002). *The Great Cat Massacre: And Other Episodes in French Cultural History*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).

Domínguez, O., A. (1998). Las tres culturas en la historia de España [The three cultures in the history of Spain]. In *España. Reflexiones sobre el ser de España [Spain. Reflections on the being of Spain]* (pp. 171–194). Madrid: Real Academia de la Historia. (In Spanish).

Fusi, J. P., & Aizpurúa, J. P. F. (2000). *España: La evolución de la identidad nacional [Spain: the evolution of national identity]*. Madrid: Temas de Hoy. (In Spanish).

Glick, T. F. (1991). *Cristianos y musulmanes en la España medieval (711-1250) [Christians and Muslims in Medieval Spain (711-1250)]*. Madrid: Alianza. (In Spanish).

Gurevich, A. Ya. (1984). *Categories of Medieval Culture*. Moscow: Art. (In Russian).

Gurevich, A. Ya. (1990). *The Medieval World: The Culture of the Silent Majority*. Moscow: Art (In Russian).

Guzmán, R. M. (2004). Las fuentes árabes para la reconstrucción de la historia social de la España musulmana. Estudio y clasificación [Arabic sources for the reconstruction of the social history of Muslim Spain. Study and classification]. *Estudios de Asia y Africa*, *39*(3), 513-572. (In Spanish).

Isidorus Hispalensis. (n.d.). Historia de regibus Gothorum, Vandalorum et Suevorum [History of the Goths, Vandals and Suevic]. Retrieved from The Latin Library website: http://www.thelatinlibrary.com/isidore/historia.shtml. (In Latin)

Lotman, Y. M. (2000). *Semiosphere: Article, Research, Notes*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russian).

Marías, J. (1990). *Understanding Spain*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Martínez, F. M. (2010). Ecos cronísticos del rey-juez medieval [Chronological echoes of the medieval king-judge]. *Cuadernos de Historia Del Derecho, Extra*, *2*, 303-356. (In Spanish).

Molina, J. R. (2003). La pobreza como marginación y delito [Poverty as marginalization and crime]. *Gazeta de Antropología*, *19*, 159-197. (In Spanish).

Molina, J. R. (2007). *La vida de moros y cristianos en la frontera [The life of Moors and Christians on the frontier]*. Jaen: Alcalá Grupo Editorial. (In Spanish).

Molins, M. J. V. (2009). Mozárabes y cristianos en Al-Andaluz (siglos VIII-XI) [Mozarabs and Christians in Al-Andalus (8th-11th centuries)]. In L. Quesada & M. Ángel (Eds.), *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: La guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, 2007* (pp. 179–186). Avila: Fundación Sánchez Albornoz. (In Spanish).

Quesada, M. A. L. (2009). Las relaciones con los musulmanes en la Baja Edad Media: Rechazo, coexistencia, proselitismo. In Ladero Quesada, Miguel Ángel [Relations with Muslims in the late Middle Ages: Rejection, coexistence, proselytism. In Ladero Quesada, Miguel Ángel]. In M. A. L. Quesada & M. Ángel (Eds.), *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: La guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, 2007 [Christians and Muslims in the Iberian Peninsula: War, frontier, coexistence: XI Congress of Medieval Studies, 2007]* (pp. 15–68). Avila: Fundación Sánchez Albornoz. (In Spanish).

Rodríguez de la Peña, M. A. (Ed.). (2009). *Hacedores de frontera. Estudios sobre el contexto social de la frontera en la España medieval [Border makers. Studies on the social context of the frontier in medieval Spain]*. Madrid: Fundación Universitaria San Pablo CEU. (In Spanish).

Ruano, E. B. (Ed.). (2000). Galmés de Fuentes, A. Síntesis cultural cristiano-islámica [Galmés de Fuentes, A. Christian-Islamic cultural synthesis.]. In *Tópicos y realidades de la Edad Media [Topics and Realities of the Middle Ages]* (pp. 119–154). Madrid: Real academia de la historia. (In Spanish).

Ruiz-Domènec, J. E. (1990). La marginación en la sociedad medieval: Algunos problemas de método [Marginalization in medieval society: some problems of method]. *Medievalia*, (9), 219-230. (In Spanish).

Sanjuán, A. G. (2009). El fin de las comunidades cristianas de Al-Andalus (siglos XI-XII). Factores de una evolución [The end of the Christian communities of Al-Andalus (11th-12th centuries). Factors of an evolution]. In *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: La guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales, 2007 [Christians and Muslims in the Iberian Peninsula: War, frontier, coexistence: XI Congress of Medieval Studies, 2007.]* (pp. 259–279). Avila: Fundación Sánchez Albornoz. (In Spanish).

Tahiri, A. (2003). *Las clases populares en Al-Andalus [The popular classes in Al-Andalus]*. Málaga: Sarriá. (In Spanish).

Tuliani, M. (1994). La idea de Reconquista en un manuscrito de la «Crónica General» de Alfonso X El Sabio [The idea of Reconquest in a manuscript of the 'General Chronicle' of Alfonso X the Wise]. *Studia Historica. Historia Medieval*, (12), 3-23. (In Spanish).

Vinyoles, T.-M. (2008). Respuestas de mujeres medievales ante la pobreza, la marginación y la violencia [Medieval women's responses to poverty, marginalization and violence.]. *Clío & Crímen: Revista Del Centro de Historia Del Crimen de Durango*, (5), 72-93. (In Spanish).

Vizcaíno, R. N. (1998). Tras los rastros de la Cultura Popular: Hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia Medieval [Following the traces of Popular Culture: witchcraft, superstitions and quackery in Medieval Valencia.]. *Edad Media: Revista de Historia*, (1), 91-110. (In Spanish).

Журнал Фронтирных Исследований. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Фронтир и воображаемые сообщества | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.274

THE COVID-19 PANDEMIC AS AN EXISTENTIAL AND CULTURAL EVENT: GROUPS, NEW CULTURAL BOUNDARIES, AND THE PHENOMENON OF MOOD (A SASE STUDY OF THE RUSSIAN SOCIETY)

Vasilii M. Voronov

Murmansk Arctic State University. Murmansk, Russia. Email: voronov.mspu[at]rambler.ru

Abstract

The article examines the emerging cultural divides that we can see in the different reactions to the COVID-19 pandemic. A classification of groups is suggested: COVID-alarmists, COVID-conformists, COVID-sceptics, and COVID-deniers.

The difference between the groups appears to be related to culture and information, revealing different attitudes towards the danger and protection measures. The attitude manifests itself in opinions, modes of behaviour, and political discourses. The experience of the pandemic is analysed in its cultural and existential aspects. The article aims at revealing existential and ontological foundations explaining the difference in opinion between the groups. The author chooses the following as a theoretical and methodological basis: existential and ontological interpretation of the phenomenon of mood (V. V. Bibikhin, M. Heidegger), M. Heidegger's existential analytics project in general and its interpretations by M. Boss and E. Fink, and L. Wittgenstein's concept of language game. From an empirical standpoint, the author carries out a secondary analysis of the sociological survey data collected in the KoronaFOM Project by the Public Opinion Foundation (FOM).

The author concludes that the difference between pandemic-related language games is due to the antinomic nature of the modern European mood that continues to determine the modern cultural attitudes. Primarily, it is the antinomy between the fundamental intention of the modern European culture to assert individual free will and the equally fundamental aspiration to establish technological and scientific control over the world. The article may interest both scholars analysing the COVID-19 pandemic from the social and humanitarian standpoint and those interested in studying cultural boundaries, divides, cultural exclusion zones, and social groups.

Keywords

culture; existence; cultural boundaries; cultural divides; phenomenon of mood; COVID-19 pandemic; COVID-alarmists; COVID-conformists; COVID-sceptics; COVID-deniers

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Journal of Frontier Studies. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Frontier and Imagined Communities | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.274

ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ СОБЫТИЕ: ГРУППЫ, КУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ И ФЕНОМЕН НАСТРОЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА)

Воронов Василий Михайлович
Мурманский арктический государственный университет. Мурманск, Россия.
Email: voronov.mspu[at]rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблематика раскрывающихся культурных разрывов, которые можно увидеть в различии реакций на пандемию COVID-19. Приводится следующая классификация групп: ковид-паникёры, ковид-лоялисты, ковид-скептики, ковид-диссиденты. Различие между группами видится, прежде всего, в культурно-информационном отношении и проявляется в различном отношении к оценкам опасности и к ограничительным мерам борьбы, которое (отношение) проявляется в оценках, мнениях, моделях поведения, политических дискурсах. Опыт пандемии анализируется в культурном и в экзистенциальном аспекте. Цель статьи: вскрыть экзистенциально-онтологические основания различия в позициях выделенных групп. В теоретико-методологическом отношении автор опирается на: экзистенциально-онтологическую интерпретацию феномена настроения (В.В. Бибихин, М. Хайдеггер), в целом на проект экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера и его методологические интерпретации М. Боссом и Е. Финком, а также на концепцию языковых игр Л. Витгенштейна. В эмпирическом аспекте автор прибегает к вторичному анализу данных социологических опросов общественного мнения, которые проводились в рамках реализации проекта корона-ФОМ. Автор делает вывод о том, что различие пандемических языковых игр конституируется антиномичностью новоевропейского настроения, которое во многом продолжает определять культурные установки в современную эпоху. Прежде всего, имеется в виду антиномия между фундаментальной интенцией новоевропейской культуры на утверждение индивидуальной свободы воли и столь же фундаментальным стремлением к научно-техническому контролю над миром. Статья может быть интересна как исследователям, анализирующим пандемию COVID-19 в социогуманитарном ключе, так и исследователям, интересующимся проблемой культурных границ, разрывов, зон культурного отчуждения, социальных групп.

Ключевые слова

культура; экзистенция; культурные границы; культурные разрывы; феномен настроения; пандемия COVID-19; ковид-паникёры; ковид-лоялисты; ковид-скептики; ковид-диссиденты

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия COVID-19, которая была вызвана коронавирусом SARS-CoV-2, предоставляет широкое поле для аналитики не только в медико-биологическом ракурсе, но и в культурно-философском. В ситуации пандемии можно выделить ряд взаимосвязанных аспектов:

1. Пандемия как медико-биологическое явление, связанное с появлением нового коронавируса SARS-CoV-2 и его распространением практически по всему миру, а также с медицинскими мерами по борьбе с вирусом;

2. Пандемия как социально-политическое явление, обусловленное реакцией и мерами отдельных государств, органов местной власти, транснациональных акторов, или, говоря шире, инстанции публичной власти в целом;

3. Социально-экономические последствия пандемии: с одной стороны, спад мировой экономики из-за ограничительных мер, но также и перераспределение ресурсов и появление ковид-бенефициантов (IT-компании, производители медицинского оборудования, службы доставки), с другой стороны.

4. Пандемия как культурное явление, суть которого заключается, прежде всего, в переформатировании практик повседневности. Речь идёт об изменении конкретных практик работы, досуга, коммуникации, ритуалов приветствия и др. в условиях принятых ограничений (карантина, самоизоляции, т.н. «локдауна») и о переводе их в новые форматы, как правило, онлайн характера.

5. Пандемия как экзистенциально-антропологическое явление. В этом аспекте можно говорить об экзистенциальном опыте в трёх смыслах. Во-первых, это напрямую испытанный отдельными людьми опыт: собственной болезни в тяжёлой форме, болезни близких в тяжёлой форме, утраты близких, борьбы с серьёзными последствиями болезни. Во-вторых, это опыт психологической актуализации экзистенциальной близости болезни, смерти и утраты. В-третьих, это опять-таки испытанный отдельными людьми опыт экзистенциального переживания принципиального разрыва с близкими людьми по отношению к опасности пандемии и необходимости соблюдения ограничительных мер.

Понятно, что такое аналитическое членение не является единственно возможным и единственно верным, а является своего рода эвристической структурой, позволяющей сконцентрировать авторский фокус внимания. В фокусе статьи лежит проблематика, которая может быть понята, в основном в поле пересечения культурного и

экзистенциального аспекта пандемии. Речь идёт о возникновении культурных разрывов между группами, которые различаются в отношении к пандемии, к ограничительным мерам, к её культурным последствиям. Культурные разрывы в общем смысле – понимаются нами в качестве следствия рассогласованности интерсубъективных смыслов, которые определяют различие в поведении в одной и той же ситуации представителей различных групп. Под конкретными культурными разрывами в отношении к пандемии COVID-19 в статье понимается – рассогласованность представлений индивидов и групп, проявляющаяся как в различиях в оценке опасности пандемии, так и в различном отношении к практике ограничительных мер (меняющих повседневность), её социально-экономическим и социально-политическим последствиям. Фактически мы можем говорить о достаточно выраженных групповых различиях. Факты разделения общества по вопросу отношению к разным аспектам пандемии COVID-19 фиксируются данными социологических опросов, проводимых в разных странах.

Для целей нашего анализа в статье предлагается следующая классификация, различающихся групп: 1) «корона-паникёры» – люди признающие факт пандемии, существование вируса и при этом считающие, что принимаемые меры и ограничения недостаточны; 2) «корона-лоялисты» – люди признающие факт пандемии и существование вируса и при этом считающие принимаемые меры и ограничения достаточными; 3) «корона-скептики» – люди признающие факт пандемии и существование вируса, но при этом считающие, что оценка опасности преувеличена, а принимаемые меры и ограничения избыточны; 4) «корона-диссиденты» – люди убеждённые в фейковой природе вируса, отрицающие факт пандемии, и негативно относящиеся к принимаемым мерам и ограничениям.

Важно, что различие позиций может служить основанием для роста социального напряжения и конфликтов. На практике мы видим широкую палитру оценок, порождающих принципиальное различие в языковых играх, моделях поведения, психоэмоциональных реакциях. В крайних случаях дело доходит до панических реакций, на одном полюсе, и до отрицания самого факта существования вируса, на другом. На уровне повседневного опыта не редки конфликтные столкновения: споры, насмешки, масочные конфликты и др. Экспрессивно-негативный аспект разграничения групповых позиций фиксируется и в ковидной лексике, а, именно, в словах с ярко выраженной негативной окраской с той и другой стороны: «коронапаника», «коронапсихоз», «коронабесие», «цифровой концлагерь», «маскобесие», «карантин-шейминг» и др. (Голованова & Маджаева, 2020, с. 50). Фактически мож-

но говорить если и не об оформлении очевидных культурных границ, то, по крайней мере, о появлении «пунктирных линий» таких границ, связанных с различием в отношении к пандемии COVID-19 и к её культурным последствиям и экзистенциальным вызовам.

I

Принципиальная позиция автора статьи заключается в том, что различия позиций между указанными выше группами не могут быть объяснены только через отсылку к социально-экономическим факторам. Попытки такого социально-экономического объяснения предпринимаются в различных исследованиях. В качестве примера социально-экономического подхода к объяснению расслоения общества по отношению к пандемии можно привести классификацию групп, которую предлагает Г. Кузнецов (Кузнецов, 2020). Согласно указанному исследователю, можно выделить следующие группы: 1) ковид-бенефицианты, т.е. выигравшие от пандемии, активно поддерживающие вводимые меры и практики ограничения; 2) ковид-лоялисты, чьё социально-экономическое положение в период пандемии серьёзно не изменилось, которые в целом принимают проводимую политику и официальный дискурс; 3) ковид-аутсайдеры, т.е. пострадавшие от последствий пандемии в экономическом смысле (потеря работы, уменьшение дохода, банкротство бизнеса), чьё отношения к вводимым ограничениям в целом отрицательное (Кузнецов, 2020, с. 202-211). В таком подходе видна попытка обосновать групповое деление общества в отношении пандемии на определённом «объективном» факторе, т.е. на социально-экономическом интересе.

Безусловно, социально-экономический аспект проблемы групповой дифференциации в пандемическую эпоху нельзя сбрасывать со счетов, но вместе с тем нельзя забывать, что на практике недовольными ограничительными мерами оказываются, в том числе, и люди, экономическое положение которых в целом не пострадало. В свою очередь среди пострадавших от политики ограничений (в социально-экономическом аспекте) можно встретить недовольных не столько самими ограничениями, сколько недостаточными для них мерами экономической поддержки. Думается, что даже если бы власти большинства стран ввели бы максимально возможные меры социальной поддержки (например, гарантированный доход в период ограничений), то мы всё равно бы столкнулись с борьбой групповых мнений и возможно с политическими протестами, хотя, вероятно и в меньшей степени.

Иллюстрируя нашу мысль, можно привести данные ряда социологических исследований, осуществлённых в рамках проекта корона-

ФОМ (далее по тексту используется сокращение к-ФОМ) (https://COVID19.fom.ru/). Для начала можно обратиться к исследованию, проведённому 2-5 июля 2020, а, именно, к данным раскрывающим социальный портрет ковид-диссидента на тот период. Под ковид-диссидентством в этом исследовании, как и в нашей статье, понимается достаточно радикальная позиция, а, именно, позиция «тех, кто уверен, что коронавируса не существует, что это выдумка» (Закутина, 24.07.2020). Согласно данным июльского опроса к-ФОМ действительно можно увидеть связь между отрицанием коронавируса и социально-экономическими факторами. Так чаще других его существование отрицали неработающие граждане – 19 %, тогда как в среднем по выборке доля отрицающих была – 12 %, также среди «диссидентов» оказалась выше доля тех, кто оценивает своё материальное положение как плохое и очень плохое, чем в среднем по выборке – 45 % против 34 % (Закутина, 24.07.2020). Вместе с тем уже из этих данных видно, что разрывы по этим критериям хотя и имели место быть, но не носили порядкового характера. Важно и то, что помимо социально-экономических различий можно отметить и культурные. В частности среди ковид-диссидентов на тот момент преобладала доля жителей сёл – 34 % против 26 % (в среднем по выборке) и в два раза меньше был процент лиц, которые имели высшее образование – 18 % против 36 % (Закутина, 24.07.2020). Наконец, следует обратить внимание на то, что среди ковид-диссидентов были и горожане, люди с высшим образованием, и имеющие работу (занятость), и оценивающие своё материальное положение как хорошее. Таким образом, различие групповых позиций не может быть однозначно объяснено и только лишь влиянием социально-экономических факторов, и даже в комбинации с учётом влияния культурных факторов.

Подтверждают эту мысль и те изменения, которые фиксируется с течением времени. Так по данным последнего на настоящий момент январского опроса к-ФОМ можно говорить не только об уменьшении доли ковид-диссидентов среди респондентов в целом по выборке с 12 % до 6 %, но ещё и об изменении в их социальном портрете. По последним данным чаще других относились к пандемии COVID-19 как к выдумке люди, оценивающие своё материальное положение как хорошее – 12%, при этом в среднем по выборке таких ответов было в два раза меньше – 6% (Закутина, 02.02.2020).

Важно и то, что интерпретация групповых различий в отношении к пандемии только лишь в социально-экономическом свете закрывает глубину понимания пандемии COVID-19 как культурного и экзистенциального явления. В частности, не следует забывать о серьёз-

ном смысле изменения практик приветствия. В эпоху пандемии серьёзно скомпрометированными в рамках официального дискурса и ограничительных мер оказались такие практики как рукопожатия, поцелуи, обнимания и т.п. При этом все эти формы телесного контакта могут быть отнесены к тому, что Э. Гофман обозначил как ритуал доступа. Ритуалы доступа – это то, что позволяет вступать в отношения определённой степени близости и выходить из них (Гофман, 2017). В этом смысле их отмена и переделка под новые формы, будь-то: приветствие локтями, кулаками, ботинками и др., может означать ослабление самого чувства близости и причастности. В любом случае утверждение этих новых форм нуждается в культурно-ценностной легитимации, равно, как в такой же легитимации нуждается дискредитация принятых в допандемическую эпоху. Здесь небесполезно привести рассуждения такого комплементарного по отношению к практикам ограничения мыслителя как словенский философ С. Жижек, которого по сути можно отнести к ковид-лоялистам. Интересно, что атеистический мыслитель левого толка обращается в данном случае к христианскому наследию, цитируя известную фразу из Евангелия, сказанную воскресшим Христом во время богоявления своим ученикам – «Не прикасайся ко Мне» (Žižek, 2020). Словенский философ, опираясь на мысли молодого Гегеля, секуляризирует этот призыв, а, именно, выводит из него конкретный экзистенциальный посыл для современной ситуации. Речь идёт о возможности в эпоху пандемии **увидеть** глазами в близких людях больше, чем в эпоху телесной близости (телесная близость заставляет возможности видения), и, тем самым сильнее ощутить свою связь с ними (Žižek, 2020). Вероятно что, этот посыл не является просто теоретической конструкцией, а отражает экзистенциальный опыт самого Жижека. Важно, что словенского философа нельзя рассматривать в качестве чисто академического автора, а скорее нужно рассматривать его ещё и как одного из ЛОМов (лидеров общественного мнения). В этом смысле этот призыв – это не только попытка осуществить культурную рефлексию, но попытка оказать влияние на общественное мнение. Однако, экзистенциальные возможности не являются готовыми данностями, а скорее некими вызовами. В этом смысле стоит заметить, что открыть новую степень близости с Другим через взгляд или уловить с помощью взгляда новую глубину в нём – это амбивалентная возможность, тогда как официальные ограничительные рекомендации и, сопутствующий им дискурс, предполагают дискредитацию прежних ритуалов близости как данность. Говоря на нашем теоретическом языке, для реализации возможностей, о которых

пишет С. Жижек, необходимым является особый настрой, в который человек может попасть, а можно не попасть.

Важность экзистенциального фактора в отношении к пандемии и к практикам ограничения демонстрирует тот факт, что всерьёз пандемию воспринимают и в большей мере соглашаются с вводимыми ограничениями люди старшего возраста, тогда как среди корона-диссидентов и корона-скептиков – больше молодёжи (Шейпин, 2020, с. 364-365). Измерение опасности зависит от степени личного риска, и в этом смысле для людей старшего возраста угроза коронавируса экзистенциально значимее. Но вместе с тем помимо самой степени угрозы существует ещё и осознание угрозы. Действительная степень угрозы и степень её осознания могут как прямо коррелировать, так и существенно отличаться, соответственно, в дело вступает культурно-информационный фактор. В современную эпоху типичной является ситуация гипер-доступности знаний (в том числе как знаний о пандемии, так и знаний «вокруг» пандемии), которые подаются в основном в формах информационных сообщений и научно-популярных программ. В силу этого многие обыватели считают достаточно компетентными экспертами относительного происходящего самих себя. Устойчивость принципиально различных установок в отношении рисков болезни и практик ограничения обуславливается отчасти тем культурным трендом, который Т. Николс обозначил как «смерть экспертизы» (Николс, 2019). Речь идёт о том, что широкие массы людей, имеющие открытый доступ к знанию (прежде всего, через ресурсы сети интернет), перестают воспринимать фигуру учёного-эксперта всерьёз. Иронически эту ситуацию иллюстрирует, например, известная шутка про переквалификацию «диванных политологов» в «диванных вирусологов». К тому же в современных условиях информационного потока о пандемии наглядное подтверждение получает тезис о том, что на каждого эксперта всегда найдётся приблизительно равный по статусу контр-эксперт (эксперт с противоположной позицией). По сути дела, получается так, что увеличение информации приводит к тому, что проще становится найти «аргументы в пользу любой позиции» (Закутина, 02.02.2020). К тому же официальные рекомендации в ходе пандемии не раз подвергались пересмотру в связи с изменением обстановки и/или получением новых данных.

Опыт пандемии COVID-19 показывает возможность образования новых культурных разрывов и границ между группами, в настоящий момент чётко не очерченных с точки зрения топографии и хронологии. Проблемы культурного отчуждения и культурных разрывов поднимались, в частности, в работах исследователей Центра исследования

зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института Российской академии наук (ЦИЗКОП СИ РАН) (Малинов, 2015). Согласно С.А. Троицкому, «зоны культурного отчуждения» – это своеобразные сферы неактуального в культуре, так или иначе вытесненного, преданного запрету или забвению (Troitskiy, 2018). При этом культура понимается участниками этого исследовательского проекта преимущественно в семиотическом ключе (со ссылками в частности на Ю.М. Лотмана), а внимание при этом акцентируется не на историческом ракурсе культурных разрывов, а на топографическом. Сферы актуального и неактуального в культуре не понимаются в качестве жёстких бинарных оппозиций, а понимаются в качестве диалектически связанных и, в силу этого, конституирующих своего рода пограничные области (Пешперова, 2016, с. 179-180).

Исторически подобные коллизии групповых оценок, языковых игр, стандартов поведения в период эпидемий можно объяснять столкновением диахронных культурных шаблонов, когда одни культурные установки сталкивались с другими культурными установками. В частности, относительно исторического опыта борьбы с холерой в Российской империи ещё в конце XIX – начале XX века можно сказать, что противоэпидемические меры осложнялись тем, что «и власть, и народ, и медики с большим подозрением относились друг к другу» (Михель, 2008, с. 68). Достаточно ярко такое столкновение актуального в рамках одних культурных установок и не актуального для людей, следующих другим культурным установкам, показано в цикле автобиографических рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача». Речь идёт об опыте борьбы молодого врача-выпускника с фактической эпидемией бытового сифилиса в глухом уезде. Эта борьба сильно осложнялась неверием большинства пациентов в диагноз и непониманием необходимости лечения мазью и уколами:

> «Я расточал бесчисленные кило серой мази. Я много, много выписывал йодистого калия и много извергал страстных слов. Некоторых мне удавалось вернуть после первых шести втираний. Нескольким удалось, хотя большей частью и не полностью, провести хотя бы первые курсы впрыскиваний. Но большая часть утекала у меня из рук, как песок в песочных часах, и я не мог разыскать их в снежной мгле. Ах, я убедился в том, что здесь сифилис тем и был страшен, что он не был страшен». (Булгаков, 1989, с. 144).

Юного врача-выпускника автора «Записок…» можно представить как носителя иных темпоральных (как представителя культуры модерна), так и иных топографических установок. Фактически выпускник столичного медицинского университета попадает в деревенскую

глушь («тьму египетскую» как называет её главный герой»), где его диагноз не является чем-то непреложным и однозначным. Важно, что реакцию крестьян нельзя трактовать только лишь в качестве психологической защиты, когда человек понимает опасность вообще, но не верит в то, что это случится именно с ним. Булгаков здесь показывает ещё и несовпадение культурных паттернов доктора и большинства пациентов, которые воспринимают болезнь симптоматично – «глотку заложило», тогда как доверия к диагнозу у них нет. Недоверие связано, в том числе и с неполной вовлеченности в ту языковую игру, в которой становится возможным адекватная диагностика вторичного и третичного сифилиса, передающегося не только половым, но и бытовым путём.

Актуальные для современного опыта пандемии культурные разрывы сложно объяснить такими темпоральными или топографическими противопоставлениями. Если для крестьян, показанных в рассказах Булгакова, юный врач не является экспертом в силу их оторванности от языковой игры, в которой открывается возможность увидеть смысл диагноза, то сейчас проблема несогласованности групповых дискурсов состоит в другом.

Важно, что концептуальное выражение расходящихся групповых взглядов можно найти в статьях и заметках представителей интеллектуальной элиты, даже занимающих близкие идеологические позиции. Для иллюстрации можно привести позиции таких левых европейских мыслителей, претендующих на влияние за пределами академической сферы, как Дж. Агамбен и С. Жижек. Согласно критически настроенному по отношению к практике ограничений Дж. Агамбену, основной проблемой является не опасность, исходящая от эпидемии, а чрезмерная реакция властей и общества на неё (Agamben, 2020). Напротив, С. Жижек (Žižek, 2020) полагает, что ограничения нужны и предпринимаемые меры адекватны, а проблемные моменты и риски, вызваны капиталистическим характером современной экономики и недостаточной ролью глобальных институций. Если позиция С. Жижека представляет собой рефлексивно-критическое выражение ковид-лоялизма, то Дж. Агамбен близок к апологетике ковид-скептицизма с долей т.н. мягкой конспирологии. Важно, что эти мыслители в силу их внеакадемической известности не просто производят работу теоретического обоснования существующих позиций, но и в определённой степени исполняют роль ЛОМов, т.е. пытаются оказать влияние на общественное мнение.

Похожая ситуация и в медико-биологическом дискурсе, поскольку наряду с мейнстримной линией приводимой ВОЗ наличествуют и

экспертные оценки, критикующие практику ограничений и определяющие оценку опасности пандемии как завышенную. Безусловно, в историческом опыте мы можем найти похожие кейсы раскола в научно-медицинском сообществе. Достаточно вспомнить историю «пастеризации Франции» (выражение Б. Латура), когда основными культуртрегерами, воспринявшими и продвигавшими микробиологические установки, были врачи гигиенисты, а также военные и колониальные врачи (Latour, 1988). Похожая ситуация была и в истории российской микробиологии. Здесь, можно вспомнить знаменитый спор о роли микробиологии в медицине между Ф. Эрисманом и И. И. Мечниковым, который развернулся во время II Пироговского съезда в Москве (1887 г.) (Михель, 2008, с. 71). Подобные конфликты и разрывы имели место и в европейском медицинском дискурсе в период становления т.н. клинико-анатомического метода (Фуко, 1998, сс. 55-57, 256). Но помимо частичной схожести сюжетов имеет место быть и принципиальное различие их с кейсом пандемии COVID-19. Так, основной причиной конфликта позиций в приведённых исторических примерах являлась проблема встраивания новых отраслей (например, микробиологии) в уже существующую матрицу медико-биологического знания или же принципиальная «ревизия» устаревших установок. Ситуация пандемии COVID-19 (по крайней мере, пока) не вписывается в такие рамки.

Различие и в восприятии ограничений, и в оценке опасности пандемии COVID-19 порождает языковые игры, принятые в определённых группах, и, одновременно, поддерживается ими. Представляется, что обращение к концепту языковой игры, которая понимается в качестве синтеза определённого порядка слов и действий (Витгенштейн, 1994, с. 81-83), эвристически оправдано. Несогласие или согласие с чем-либо на уровне слов, тем или иным образом практически всегда сцеплено с согласием или несогласием в действиях. Относительно актуального культурного опыта пандемии COVID-19 об этом свидетельствует, например, переход ряда запрещённых практик в теневой формат. В частности ряд фитнес-центров, ресторанов, парикмахерских и др. организаций культурно-досуговой сферы продолжил работать в условиях запрета, но в формате «закрытых дверей» и «входа по звонку» (Сперанский, 4.04.2020). Если позицию владельцев бизнеса и работников можно объяснить сугубо экономическими мотивами, то в отношении клиентов-потребителей этого сделать нельзя. Человек не может долго оставаться в ситуации тотальной неопределённости, поэтому мы не можем не решать: помогают маски или не помогают, преувеличена или преуменьшена опасность пандемии, нужен ли карантин или нет

и др. Возможно сохранять позицию неопределённости по поводу отдельных аспектов проблемы, но не по поводу проблемы в целом. Нельзя быть вовлечённым в человеческую ситуацию и оставаться отстранённым бездействующим наблюдателем. Люди, как правило, делают определённые выборы, следуют им в своём поведении и репрезентируют их в повседневном дискурсе, т.е. играют в определённые языковые игры, между которыми часто тяжело перебросить коммуникативный мост.

Что заставляет людей оценивать пандемию и её последствия принципиально различным образом, т.е. следовать принципиально разным языковым играм? Что также заставляет их менять свою позицию, переходя от языковой игре, принятой в рамках одной группы, к другой? Как уже указывалось ни социально-экономические, ни иные «объективные» факторы не могут однозначно объяснить различие в групповых позициях. Конечно, они оказывают влияние, но, как уже говорилось, оно не является абсолютным. К тому же позиции людей по отношению к пандемии COVID-19 не являются застывшими производными от их «объективных» социальных позиций. Об этом свидетельствует и тенденция к уменьшению процента ковид-диссидентов и ковид-скептиков (последнее в прочем стоит принимать с оговорками) в российском обществе (Закутина, 24.07.2020; Закутина, 02.02.2020), и изменения в социальном портрете ковид-диссидентов, и заявления респондентов о том, что в ходе пандемии их позиция поменялась (Закутина, 02.02.2020). На наш взгляд, эвристически продуктивным в данном случае является обращение к экзистенциально-феноменологической теоретической оптике, а, именно, к концепту – настроение.

II

Основной методологический ключ, на котором основывается наша позиция – это понимание настроения (настроя, настроенности, расположенности) как интерсубъективного экзистенциально-онтологического феномена. Далее концепты настроение, настрой, настроенность используются нами в качестве синонимичных. Здесь мы следуем за традицией их употребления в поле русского философского языка В. В. Бибихиным (Бибихин, 2015). Также, опираясь на позицию М. Хайдеггера, эти концепты понимаются в смысловой связи с концептом – расположенность (Befindlichkeit) (Хайдеггер, 2006, с. 134-138). Основное методологическое преимущество концепта настроения в данном случае заключается в том, что его использование позволяет аналитически рассматривать различия, связанные с разным отношением к пандемии не столько на онтическом уровне, сколько на онтоло-

гическом. Тем самым открывается возможность интерпретировать факты, которые не до конца поддаются объяснению ссылкой на «объективированные» причины. Важно, что на наш взгляд через обращение к такому подходу достигается как большая глубина понимания пандемии COVID-19 как культурного явления, которое вызывает определённый культурный разрыв в обществе.

Для прояснения нашей методологической позиции можно привести тезис М. Босса о том, что «все до единой онтологические характерные черты какого-либо дела (Sache) всегда просматриваются только через онтически описываемые данности, так же и наоборот, все онтически воспринимаемые данности обосновываются в своих онтологических определениях и – поскольку они имеют место – пронизываются ими». (Босс, 1994, С. 88). Указанные различные позиции в отношении к пандемии, на наш взгляд, онтологически фундированы разными акцентами того онтологического настроения, которое утвердилось и активно эксплицируется в различных онтических сферах начиная с эпохи Нового времени.

Наша принципиальная позиция состоит в том, что те различия в отношении к пандемии COVID-19, которые мы можем увидеть в позиции четырёх выделенных групп (корона-паникёры, корона-лоялисты, корона-скептики, корона-диссиденты), могут быть прояснены в свете аналитики определённого исторического настроения.

Осмысление настроения не просто в качестве индивидуального психоэмоционального состояния, а, именно, в качестве экзистенциально-онтологического феномена было развёрнуто М. Хайдеггером. Согласно немецкому мыслителю, настроение следует понимать в качестве своего рода расположенности (открытости) к чему-либо, или же, говоря другими словами, в качестве «настроенности на…» (Хайдеггер, 2005, сс. 134-140; Хайдеггер, 2013, сс. 105-118). Экзистенциальная расположенность-настроенность понимается в двух взаимосвязанных аспектах. Во-первых, это фиксируемая в повседневном опыте настроенность людей друг на друга, проявляющаяся в лёгкости передачи и подхватывания конкретных настроений (веселье, грусть и др.). Во-вторых, это – фундаментальная настроенность на ключевые параметры собственного существования («бытие-к-смерти», «бытие-в-мире» и др.), которая выражается в т.н. фундаментальных настроениях.

В обосновании введения настроения в концептуальный язык философии можно вычленить как историко-философскую, так и сугубо феноменологическую линию. Так в «Бытии и времени» Хайдеггер проводит параллели между настроением и античным концептом патоса. При этом немецкий философ обращался, прежде всего, к тем

смыслам патоса, которые усматривал в нём Аристотель в своей «Риторике» (Хайдеггер, 2005, с. 134-149). Вскрытие онтологического смысла настроения через феноменологическую аналитику повседневного опыта, достаточно полно развёрнуто Хайдеггером в «Основных понятиях метафизики» (Хайдеггер, 2013).

В поле русской мысли проблематика настроения как интерсубъективного феномена культуры, определяющего характер различных исторических времён и сам ход истории, разрабатывалась В. В. Бибихиным (Бибихин, 2015; Бибихин, 2017). Настроение, согласно русскому философу, – конституирует отношения и ожидания людей, готовность поступать определённым образом, ожидать определённых поступков со стороны власти. Так, критикуя трактовку петровских реформ как местечкового варианта догоняющей модернизации (в полемике с Х. Фон Вригтом), Бибихин обращает внимание на предельный характер преобразований, метко подмеченный в известном образе «поднятия России на дыбы» (Бибихин, 2017, с. 9-16). Эта предельность чётко высвечивается в сравнении с более ограниченными и более органичными попытками реформ царицы Софьи и Василия Голицына. Сама же эта предельность, равно как и, готовность народа к этой предельности связывалась Бибихиным с настроенностью, проявляющейся в поле русской культуры. Речь идёт об эсхатологической покорности страданию, потере, утрате, а также о неверии в возможность окончательного земного устройства, а, значит, и о готовности к любому резкому переустройству существующего порядка, как правило, радикальным и решительным путём (Бибихин, 2015, с. 354-365).

Более важно для нас то, что Бибихин помимо общих настроений – тонов культуры, выделяет настроения, которые высвечивают особенности определённых исторических времён. В этом смысле настроение выступает в качестве своего рода цвета, тона, окраса времени, периода, определённой эпохи (Бибихин, 2015, с. 180-182). Согласно Бибихину, до конца аналитически эксплицировать настроения невозможно, а, значит, невозможно их уложить в какую-то законченную логическую схему истории, т.е. до конца описать средствами историографии или философской рефлексии. Экстраполируя, стоит сказать, что настроения, соответственно, нельзя до конца «загнать» и в какую-либо психологическую схему. Такое понимание настроения освобождает от схематизма, но делает этот феномен максимально летучим и практически неподдающимся любой аналитике, в том числе и философской. Нами в исследовании настроение понимается в качестве онтологического феномена, который может быть доступен философской рефлексии и определяет конкретные онтические явления (культурные паттерны,

языковые игры и др.). В настроении как в онтологическом феномене можно выделить два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, настроение – это расположенность людей мыслить, говорить, действовать определённым образом, которая (расположенность) продуцирует частные идеи и положения, обуславливает культурные установки и языковые игры. Во-вторых, настроение – это тот эмоционально-волевой тон, который оказывает влияние на культурные паттерны.

Наша принципиальная позиция, заключается в тезисе, что не только сама пандемия как медико-биологическое явление стала возможной в силу особенностей современного мира (открытость границ и масштабы туристических, миграционных и бизнес потоков), но также и, вводимые ограничительные меры, и различия в отношении к пандемии и к ограничениям оказались возможными лишь в силу определённого состояния современности. Здесь можно провести аналогию с культурным трендом всё более и более точного измерения и всё более и более жёсткого планирования времени. Данный тренд может быть понят в качестве онтического следствия усиления настроения беспокойства о том, что человеку всё больше не хватает времени. Размышляя в таком феноменологическом ключе, мы можем сместить фокус осмысления пандемии COVID-19 с жижиковского вопроса: «что не так с нашей системой (What is wrong with our system)?» (Žižek, 2020, p. 4), на вопрос: «что позволяет воспринимать ситуацию так, как её воспринимают представители вышеуказанных групп и действовать так, как они действуют?».

Отвечая, стоит акцентировать внимание на том историческом настрое, который начинает развёртываться в эпоху Нового времени. Безусловно, есть основания определять настоящее положение дел как современность или как пост-современность или даже как пост-пост-современность и, соответственно, резко отделять его (настоящее положение дел) от исторической эпохи Нового времени. Однако во многих принципиальных аспектах современная цивилизация основывается на новоевропейских культурных интенциях (Хайдеггер, 1993), т.е. на развёртывании новоевропейской настроенности.

Следует привести ключевые паттерны, которые могут быть предварительно схвачены в новоевропейском настроении как актуальные для нашего анализа. Во-первых, это стремление к рациональному (пере)устройству мира в опоре на науку и технику. Во-вторых, это экзистенциально-этическое забвение человеком самого себя в качестве смертного существа и, именно, внезапно смертного существа. В-третьих, это стремление к свободе, понятой в качестве свободы воли и, преимущественно, в индивидуальных параметрах. Эти характеристи-

ки являются конститутивными элементами настроенности того типа культуры, который начал складываться в Европе в Новое время, и который к настоящему моменту в той или иной степени проявляется в глобальном масштабе. Конкретные культурные тренды, установки, языковые игры, порождённые этим настроем, уже актуализированы и остаются актуальными в различных культурах и регионах мира.

III

Онтическое стремление минимизировать влияние эпидемии Covid-19, а, в идеале победить её, лежащие в основе позиции ковид-лоялистов и ковид-паникёров, выражает общую новоевропейскую интенцию к рациональному (пере)устройству мира. Эта стремление в максимально ёмкой форме выражено в знаменитой формуле – scientia potentia est (scientia est potentia = знание – сила), приписываемой Ф. Бэкону. Хотя полного соответствия в текстах Бэкона этой формуле не найти (Дмитриев, 2015, с. 450-452), но она, именно в таком виде, хорошо передаёт и общий настрой новоевропейского мышления, и настрой мысли Бэкона. В частности можно привести цитату из «Нового Органона»: «Знание и могущество человека совпадают, ибо незнание причины затрудняет действие. Природа побеждается только подчинением ей …» (Бэкон, 1972, с. 12). Подчинение в данном случае не означает встраивание в природу в смысле органического приспособления, а, напротив, означает использование человеком открытых в процессе познания причин в практической деятельности. Знание или наука понимается, прежде всего, как естественнонаучное знание, а сила – как сила преобразования природы и жизни людей. Максимальное выражение этой интенции можно увидеть в универсалистских философско-исторических представлениях Нового времени, основанных на идее т.н. «конца истории».

Представления о конце истории в просветительском смысле – это картина будущей эпохи рационально-технического переустройства мира. Просветительско-новоевропейский взгляд оформил «картину человеческого рода, освобожденного от всех его цепей, избавленного от власти случая, как и от господства врагов его прогресса, и шествующего шагом твердым и верным по пути истины, добродетели и счастья…» (Кондорсе, 1936, с. 258). Безусловно, в новоевропейских концепциях истории присутствует и тема прогресса разума в смысле морально-юридического прогресса. Однако морально-этический и политико-правовой акцент в понимании истории – дело скорее последующей философской рефлексии (особенно в философии И. Канта и Г. Гегеля), а исходная интенция новоевропейской мысли – это вера в бла-

гую роль знания, прежде всего, как источника власти над природой. В любом случае такое понимание цели истории явным образом постулирует понимание человека в качестве творца истории – т.е. её субъекта. Отчётливо эта новоевропейская установка видна и в марксистском восприятии истории, когда история, с одной стороны, мыслится как объективно-исторический процесс, но, с другой стороны, человек понимается, пускай имплицитно, в качестве её субъекта. Речь идёт, конечно, не об индивиде, а скорее о субъекте в коллективном смысле. В качестве такого субъекта в разное время выступал: осознающий своё положение пролетариат, советский народ, прогрессивные силы всего мира и др. Такое отношение к человеку как субъекту истории определяет линии осмысления пандемии в современной философии. Неслучайно, Жижек рассуждает о коммунизме чрезвычайных мер в период пандемии (Žižek, 2020, pp. 92-93, 97-105) и, по сути, видит спасение от подобных вызовов в обретении коллективной субъектности человечества. Так, согласно словацкому философу, правительства государств более успешны как субъекты борьбы с пандемией, чем индивидуальные капиталисты и корпорации, а транснациональные институции более успешны, чем отдельные государства (Žižek, 2020, pp. 85-105). В любом случае как сама ограничительная (анти)ковидная политика, так и её поддержка ковид-лоялистами показывают то, что многие из нас не только не готовы допустить эпидемии подобные средневековым, но и то, что они не готов и принять эпидемии подобные эпидемиям XX века («испанка», «гонконгский грипп» и др.). Обобщая, можно сказать, что новоевропейская настроенность во многом не допускает ситуацию человеческой не-субъектность. Показательно в связи с этим что, для такого современного философа как А. Бадью в ситуации пандемии больше всего тревожит не что иное, как своего рода де-субъективизация перед лицом происходящих событий: «Кажется, что вызов эпидемии, повсеместно растворяет силы Разума, заставляя субъектов вернуться к печальным последствиям его отсутствия - мистике, слухам, молитвам, пророчествам и проклятиям…» (Badiou, 2020).

Таким образом, одно из настроенческих оснований фундирующих позицию ковид-лоялистов и отчасти ковид-паникёров – это стремление к сохранению человеческой субъектности, в том числе и через сохранение власти над природой. Естественно, что новый вирус, который ставит под вопрос эту власть – не может не восприниматься в превращённой форме врага, а не просто объекта медицинской науки. Необходимость борьбы с новым «врагом» легитимирует в глазах корона-паникёров и корона-лоялистов различные ограничения, запреты, переформатирования.

Принципиально важно, что повышение онтологического статуса человека до статуса субъекта культурно-исторического процесса предполагает деактуализацию ключевой характеристики экзистенции – смертности, и, именно, внезапной смертности. Идея господства над природой как пути обретения исторического могущества voles nolens предполагает забвение тех культурных установок, которые не состыковываются с таким пониманием. Речь не идёт о забвении в смысле прямого забывания, а об экзистенциально-этическом забвении.

В каком-то смысле пандемия бросает современного благополучного человека в ситуацию деактуализации его претензии на субъектность. В противовес, она открывает возможность понимания собственной (внезапной) смертности, смертности близких и значимых других. Подобный опыт мастерски показан в хрестоматийной повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Главный герой – Иван Ильич попадает в ситуацию тяжёлой болезни и постепенно приходит к пониманию ближайшей перспективы смерти, мысль о которой предельно тяжела для него, а заканчивает свои дни – продолжающимся несколько дней криком ужаса, и лишь перед самой кончиной обретает успокоение и прояснение. Примечательно, что повествуя, казалось бы, о частной истории жизни и смерти отдельного человека – Толстой определяет эту историю как «самую простую и обыкновенную и самую ужасную» (Толстой, 2006, с. 68). Литературный герой попадает в ситуацию, дискредитирующей тот **типичный** модус отношения к смерти, который М. Хайдеггер определяет как вытеснение смерти «на когда-то потом» (Хайдеггер, 2006, с. 257-259).

Экзистенциальная аналитика рассматривает такое забвение смерти в качестве характерной черты человеческой экзистенции в её наиболее близком модусе – т.е. в средней повседневности. Повседневное (средне-повседневное) – т.е. тот наиболее близкий опыт, в котором мы себя обнаруживаем, получает у Хайдеггера титул – das Man. Das Man, который в переводе В.В. Бибихина звучит как – люди (Бибихин, 2006), согласно переводу А.В. Михайлова – Среднее (с заглавной буквы), в переводческой стратегии Е.В. Борисова – некто (Борисов, 1998). По сути, речь идёт о господстве обезличенных усреднённых языковых игр, а также о самом модусе усреднённого существования, в котором господствуют такие языковые игры. Относительного этого модуса человеческого существования нельзя не только употребить титул – **своё (бытие)**, но даже нельзя как-то его охарактеризовать. Например, нельзя сказать мужское или женское, взрослое или детское, протекает в поле русской или немецкой культуры и др. Короче говоря, опыт das Man – это опыт такого модуса пребывания среди других, в котором

господствует обезличенное средне-принятое. В этом смысле обезличенные сентенции: «люди умирают», «люди в принципе смертны», закрывают возможность настройки собственного бытия, так как затемняют все экзистенциальные смыслы смертности. Das Man – способ экзистирования, который закрывает человеку его свою собственную возможность быть, нарекаемую Хайдеггером титулом – Dasein (Da-sein).

Конечно, здесь может быть выдвинуто возражение о том, что в истории Ивана Ильича показан собственный опыт тяжёлой болезни и встречи с близостью собственной скорой смерти, тогда даже в период настоящей пандемии такой собственный опыт приобрели и приобретут далеко не все. Могут добавить, что экзистенциальная аналитика, развёрнутая Хайдеггером в «Бытии и времени» предполагает принципиальное различение между собственной смертью и смертью других. Именно, собственная смерть понимается в рамках экзистенциальной аналитики как единственно необходимая и, одновременно, самая неопределённая возможность для экзистенции. Здесь мысль Хайдеггера, как нам кажется, оказывается в плену одного из классических шаблонов мышления, а, именно, различения: необходимое – случайное. На наш взгляд, случайному (заменимому, необязательному) в экзистенциальном смысле противопоставлено не столько необходимое, сколько напиленное смыслом, смыслопорождающее. Собственный опыт боли и тревоги, приобретаемый в связи со смертью и умиранием Других, может быть понят не просто в качестве психоэмоционального опыта, но в качестве экзистенциально-онтологического опыта. Соглашаясь с Е. Финком, можно сказать, что в принципе нельзя, однозначно решить вопрос о приоритете собственной смерти, данной нам всегда в качестве предстоящего, или смерти **ближнего другого,** которая задевает нас ϕеноменально (Финк, 2017, с. 137-143).

Конечно, опыт смерти Другого может быть купирован как опыт переживания смерти усреднённого, легко заменимого, а, по сути, и случайного другого. Вместе с тем, возможен и опыт переживания смерти Другого как близкого и значимого. Близкого и значимого уже сложно назвать случайным и легко заменимым. Важно и то, что в таком экзистенциальном опыте проще увидеть и свою смертность, пускай, хотя бы на малое время. Показателен момент в повести Толстого, когда коллега Ивана Ивановича – Пётр Иванович пусть и на короткое время, но ужасается мысли, что «это» (страдания и смерть) «и сейчас, всякую минуту может наступить» и для него (Толстой, 2006, с. 67). Так и современная пандемия (особенно, в силу представленности в СМИ и сети Интернет) в силу показа неожиданной смерти другого может способствовать выходу из экзистенциального «забвения» смерти, в ко-

торое погружает доминирующий культурный настрой. В этом смысле реакцию корона-паникёров можно уподобить реакции толстовского Петра Ивановича в момент узнавания своей смерти в смерти Другого.

Господство das Man в отношении к смерти проявляется и в вытеснении дискурса внезапной смертности из языковых игр, претендующих на серьёзность, а не на развлекательность. В связи с этим, показательно, что пандемия была слабо представима для ситуации средней повседневности в успешных странах современного мира как действительная возможность, а не как сюжет для фильма, книги, сериала. Как справедливо отметил А. Бадью относительно французского, а, шире европейского (со)общества: «…никто не предсказывал и даже не представлял себе проникновения во Францию пандемии такого рода, за исключением, пожалуй, отдельных ученых. Многие, наверное, считали, что подобное возможно в черной Африке или тоталитарном Китае, но не в демократической Европе» (Badiou, 2020). Таким образом, опыт пандемии COVID-19 – это ещё и **опыт экзистенциального напоминания современному человеку (по крайней мере, из благополучной части человечества) о его внезапной смертности, прежде всего, через демонстрацию смерти других.** В этом смысле позиция ковид-паникёров как обусловленная столкновением с этой внезапной смертностью может открыть человеку возможность к более подлинному бытия. Вместе с тем для этого необходимо, чтобы человек не прибывал в этой ситуации ковид-паники постоянно, а перешёл к следованию тому экзистенциальному принципу существования, который М. Хайдеггер обозначил как решимость (Entschlossenheit).

В основании новоевропейского настроения лежит и интенция к развёртыванию человеческой свободы. Сама же свобода понимается, прежде всего, в качестве свободы воли – т.е. в качестве свободы воления. Как показывает исторический опыт XX века, волящий субъект может пониматься и в качестве индивида, и в качестве коллективного субъекта: класса, народа, расы, государства и др. Коллективистское понимание на практике означает ограничение индивидуальной свободы воления, порождая определённую антиномию. Вместе с тем доминирующим с эпохи Просвещения остаётся понимание свободы как индивидуальной свободы, лишь согласующейся с коллективным волением. В этом смысле неслучайно, что в философско-этической мысли (от Б. Спинозы до Э. Фромма) такое значение приобретают темы прояснения подлинной свободы, критики произвола, утверждения связи свободы и разума и др. Смысл в том, что конкретизация этого этической порыва в целях борьбы с пандемией наталкивается на культурные разрывы в отношении к пандемии и её социальным и экзистенциальным

последствиям. Например, посыл о том, что «маска на лице – ответственность каждого» (Никитская, 23.12.2020) может быть актуален как этический призыв **только** для тех, кто **уже** участвует в языковой игре, в которой имеет смысл носить маску.

Рамки индивидуальной свободы в ситуации ограничительных мер оказываются серьёзно сжатыми. Сжатие требует легитимации, и не случайно в официальном дискурсе популярность приобретает метафора войны. На войне во многом не до индивидуального, соответственно, метафора должна как-то собрать человека, легитимировать ограничения и запреты в его глазах. Однако жёсткость принимаемых решений порождает реакцию, а метафорика воздействует в той степени, в которой она усваивается в конкретной языковой игре. В любом случае и окоп, и тюремная камера – это не дом.

В этом смысле современного нарушителя карантинных правил и ограничений отчасти можно понять, опираясь на позицию коронаскептика Агамбена (Agamben, 2020), в качестве человека недовольного той «голой» жизнью, которую оставляют ему принятые ограничения. И это лишь один аспект проблемы. В конце концов, значительная часть жизнь современного человека **уже** и так во многом протекает в виртуальном пространстве, кто-то и так по натуре является домоседом, а многие успели обнаружить, что удалённый формат работы им удобнее и др. Однако все эти плюсы разбиваются о факт директивности ограничений. В этом смысле есть очевидная разница между, например, решением об удалённом формате работы, достигнутом через соглашение работника и работодателя, и вынужденным переходом. В силу этого часто происходит настройка на тот негативный эмоционально-волевой тон, который поддерживает языковые игры, выражающие позиции ковид-скептиков и ковид-диссидентов. Думается, что не случайно так эмоционально негативны метафоры, выражающие недовольство ограничительными мерами: «цифровой концлагерь», «цифровая тюрьма». Если метафора войны должна мобилизовать человека, примирить его с ограничением (в окопе не до свобод), то противоположные метафоры концентрируют протестные настроения (тюрьма – не дом). В конце концов, любая война предполагает и синдром усталости от войны. В этом смысле позиции ковид-диссидентов и ковид-скептиков в экзистенциально-онтологическом смысле могут фундированы интенцией индивидуальной свободы воления.

Обобщая, в экзистенциально-онтологическом смысле мы можем говорить об обусловленности различия отношения к пандемии COVID-19 различием определяющих паттернов новоевропейского настроения. Соответственно, выделенные групповые позиции (ковид-

паникёры, ковид-лоялисты, ковид-скептики, ковид-диссиденты) являются онтическим выражением разных аспектов того исторического настроения, который во многом конструирует культурные практики, начиная с эпохи Нового времени.

В связи с этим важно усиления разрыва между позициям групп возможно в ситуации гипотетического повторения подобного опыта глобальной пандемии. Повторение подобных кейсов представляется вполне возможным, так как развитие технократической цивилизации предполагает сохранение трендов к росту народонаселения, высокой интенсивности контактов, росту миграционных и туристических потоков. Возможна и актуализация другой опасности со стороны микромира. Речь идёт об угрозе появления новых устойчивых (резистентных) к антибиотикам штаммов микроорганизмов, также способных потенциально вызвать глобальную эпидемию. Сама проблематика усиления резистентности микроорганизмов к антибактериальным лекарствам (прежде всего, к антибиотикам) уже оценивается некоторыми экспертами в качестве глобальной проблемы (Андрюков, Запорожец & Беседнова, 2018, сс. 44-45; Егоров, Уляшова, & Рубцова, 2018, сс. 33-34). Примечательно, что в современных условиях практики назначения антибиотиков для профилактики сопутствующих бактериальных инфекций, а также практики самолечения с помощью антибиотиков, способствуют актуализации этой угрозы. Конечно, может быть замечено, что эта опасность пока носит скорее теоретический характер, но, как уже проговаривалось, возможность глобальной вирусной пандемии ранее тоже воспринималась не более, чем теоретическая модель и интересная канва для научно-фантастического сюжета. В любом случае стоит иметь в виду вероятное усиление ожиданий чего-то похожего на текущий опыт пандемии. Соответственно, можно прогнозировать углубление культурных разрывов между позициями групп. Например, в крайнем случае, стремление к контролю может способствовать актуализации пост-гуманистических идеологий и практик, т.е. актуализовать описанную Ф. Фукуямой (2004) опасность «отмены человека» биотехнологическим средствами. Соответственно, следует ожидать и появление радикальных контр-трендов, подпитываемых не только традиционализмом, но и развёртыванием того же новоевропейского настроения, а, именно, установкой сохранения индивидуальной свободы воли.

ВЫВОДЫ

Резюмируя, стоит ещё раз проговорить, что самj различит групповых реакций в ситуации пандемии COVID-19 является интересным

кейсом для философского осмысления. Различные реакции, оценки, языковые игры, которые захватывают людей, продуцируют различия в позиции групп и размечают пока пунктирные границы новых культурных разрывов. В гипотетической ситуации повторения подобных глобальных вызовов возможно и углубление разрывов между позициями групп, а в крайнем случае появление новых зон культурного отчуждения.

В онтологическом плане ситуация различия позиций, выделенных групп (корона-паникёры, корона-лоялисты, корона-скептики, корона-диссиденты), конституируется антиномическим характером определённого исторического типа настроения, который сложился в эпоху Нового времени и продолжает влиять на культурные паттерны в глобальном масштабе. Речь идёт о таких паттернах как: 1) интенции к человеческой субъектности через власть над природой, 2) экзистенциально-этическом забвении человеком самого себя как внезапно смертного существа, 3) стремлении к индивидуальной свободе, понятой, прежде всего, в качестве свободны воления.

Стремление к власти над природой порождает интенцию максимально отгородиться от пандемии, покончить с ней с помощью ограничительно-запретительных мероприятий. Эта интенция фундирует позицию таких групп как ковид-паникёры и ковид-лоялисты. С другой стороны, стремление к свободе, понимаемой ближайшим и расхожим образом в качестве свободы индивидуального (произ)воления, конституирует и полное отрицание ограничительных мер, характерное для ковид-диссидентов, и, сомнение в их эффективности, легитимности и целесообразности, характерное для ковид-скептиков. Экзистенциальный опыт столкновения с возможностью своей внезапной смерти и/или смерти близких выталкивает современного человека из модуса забвения смерти, порождает различные панические реакции, конституируя сохранение в обществе определённого процента ковид-паникёров.

Безусловно, развёрнутая в статье теоретическая оптика не претендует на тотальную дискредитацию исследований, в которых групповые различия в восприятии различных проявлений пандемии COVID-19 увязываются с теми или иными «объективируемыми» культурными факторами. Речь идёт скорее об эвристическом дополнении, которое позволяет взглянуть на различия позиций выделенных групп под экзистенциально-феноменологическим углом зрения, открывая в онтических фактах их онтологические основания.

Список литературы

Agamben, G. (2020). Clarifications. Retrieved from An und für sich website: https://itself.blog/2020/03/17/giorgio-agamben-clarifications/

Badiou, A. (2020, March 23). On the Epidemic Situation. Retrieved from Versobooks.com website: https://www.versobooks.com/blogs/4608-on-the-epidemic-situation

Begun, B., Voloshuk, E., Chertenko, A., & Troitskiy, S. (2014). Strategies of studying zones of cultural exclusion. In *Modern studies of Russian society* (pp. 79–94). Helsinki: Unigrafia.

Latour, B. (1988). *The pasteurization of France*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Troitskiy, S. (2018). The problem of terminological precision in studies on cultural exclusion zones. *Rivista Di Estetica*, (67), 165–180. doi: 10.4000/estetica.2772

Zizek, S. (2020). *Pandemic!: COVID-19 shakes the world*. New York and London: OR Books.

Андрюков, Б. Г., Запорожец, Т. С., & Беседнова, Н. Н. (2018). Перспективные стратегии поиска новых средств борьбы с инфекционными заболеваниями. *Антибиотики И Химиотерапия*, *63*(1–2), 44–55.

Бибихин, В. В. (2006). Примечания переводчика. В М. Хайдеггер, *Бытие и время* (сс. 448–451). Санкт-Петербург: Наука.

Бибихин, В. В. (2015). *Пора (время-бытие)*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.

Бибихин, В. В. (2017). *Другое начало*. Санкт-Петербург: Наука.

Борисов, Е. (1998). От переводчика. В М. Хайдеггер, *Пролегомены к истории понятия времени* (сс. 342–344). Томск: Водолей.

Босс, М. (1994). Влияние Мартина Хайдеггера на возникновение альтернативной психиатрии. *Логос*, (5), 88–100.

Булгаков, М. А. (1989). Записки юного врача. В М. А. Булгаков, *Собрание сочинений в 5 томах* (Т. 1, сс. 69–176). Москва: Художественная литература.

Бэкон, Ф. (1972). Новый Органон. В Ф. Бэкон, *Сочинения в 2 томах* (Т. 2, сс. 6–224). Москва: Мысль.

Витгенштейн, Л. (1994). Философские исследования. В Л. Витгенштейн, *Философские работы. Часть I* (сс. 75–319). Москва: Гнозис.

Голованова, Е. И., & Маджаева, С. И. (2020). О словаре эпохи пандемии коронавируса. *Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филологические науки*, (7), 48–57. doi: 10.47475/1994-2796-2020-10 707

Гофман, Э. (2017). *Поведение в публичных местах. Заметки о социальной организации сборищ*. Москва: Элементарные формы.

Дмитриев, И. С. (2015). «Inquisitor de rerum natura»: Истоки экспериментalистской методологии Ф. Бэкона. *Вопросы истории естествознания и техники*, *36*(3), 433–454.

Егоров, А. М., Уляшова, М. М., & Рубцова, М. Ю. (2018). Бактериальные ферменты и резистентность к антибиотикам. *Acta Naturae (русскоязычная Версия)*, *10*(4), 33–48.

Закутина, Е. (2020, июль 24). «Не верю!» – социологический портрет ковид-диссидента. Извлечено от Проект коронаФОМ website: https://COVID19.fom.ru/post/ne-veryu-sociologicheskij-portret-kovid-dissidenta

Закутина, Е. (2021, февраль 2). Отказ от иллюзий. Извлечено от Проект коронаФОМ website: https://COVID19.fom.ru/post/otkaz-ot-illyuzij

Кондорсе, Ж. А. (1936). *Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума.* Москва: Гос. соц.-эконом. издательство.

Кузнецов, Г. (2020). Реституция власти: Пандемия, экспертократия и новая политическая реальность. В Г. Кузнецов, *Прощай, COVID?* (сс. 193–215). Москва: Издательство института Гайдара.

Малинов, А. В. (2016). Научный центр исследования зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН. *Петербургская Социология Сегодня*, (7), 431–434.

Михель, Д. В. (2008). Общественное здоровье и холерный вибрион: Российская империя, медицина и бактериология начала XX века перед угрозой холеры. *Известия Саратовского Университета. Новая Серия. Серия: История. Международные Отношения*, *8*(2), 64–75.

Никитская, Е. (2020, декабрь 23). Маска на лице—Ответственность каждого. Извлечено от MK.RU website: https://www.mk.ru/moscow/2020/12/23/maska-na-lice-otvetstvennost-kazhdogo.html

Николс, Т. (2019). *Смерть экспертизы: Как интернет убивает научные знания.* Москва: Эксмо, Бомбора.

Пешперова, И. Ю. (2016). Междисциплинарные исследования зон культурного отчуждения и пограничья. *Мысль: Журнал Петербургского Философского Общества*, (21), 179–183.

Сперанский, Л. (2020, апрель 4). Тайные развлечения коронавирусной Москвы: Подпольные тренировки и секретные банкеты. Извлечено от МК website: https://www.mk.ru/social/2020/04/04/taynye-razvlecheniya-koronavirusnoy-moskvy-podpolnye-trenirovki-i-sekretnye-bankety.html

Толстой, Л. Н. (2006). Смерть Ивана Ильича. В Л. Н. Толстой, *Сочинения в 90 томах* (Т. 26, сс. 61–113). Москва: Российская государственная библиотека.

Финк, Е. (2017). *Основные феномены человеческого бытия.* Москва: Канон +.

Фуко, М. (1998). *Рождение клиники.* Москва: Смысл.

Фукуяма, Ф. (2004). *Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции.* Москва: АСТ, Люкс.

Хайдеггер, М. (1993). Европейский нигилизм. В М. Хайдеггер, *Время и бытие: Статьи и выступления* (сс. 63–176). Москва: Республика.

Хайдеггер, М. (2006). *Бытие и время.* Москва: Наука.

Хайдеггер, М. (2013). *Основные понятия метафизики.* Санкт-Петербург: Владимир Даль.

Шейпин, С. (2020). Ковид и общество. В *Прощай, COVID?* (сс. 356–370). Москва: Издательство института Гайдара.

References

Agamben, G. (2020). Clarifications. Retrieved from An und für sich website: https://itself.blog/2020/03/17/giorgio-agamben-clarifications/

Andryukov, B. G., Zaporozhets, T. S. & Besednova, N. N. (2018). Projected strategies of finding new ways to combat infectious diseases. *Antibiotics and Chemotherapy*, *63*(1–2), 44–55. (In Russian).

Bacon, F. (1972). Novum Organum. In F. Bacon, *Works in 2 Volumes* (Vol. 2, pp. 6–224). Moscow: Mysl. (In Russian).

Badiou, A. (2020, March 23). On the Epidemic Situation. Retrieved from Versobooks.com website: https://www.versobooks.com/blogs/4608-on-the-epidemic-situation

Begun, B., Voloshuk, E., Chertenko, A., & Troitskiy, S. (2014). Strategies of studying zones of cultural exclusion. In *Modern studies of Russian society* (pp. 79–94). Helsinki: Unigrafia.

Bibikhin, V. V. (2006). Translator's notes. In M. Heidegger, *Being and Time* (pp. 448–451). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).

Bibikhin, V. V. (2015). *Time (time-genesis).* Saint Petersburg: Vladimir Dal. (In Russian).

Bibikhin, V. V. (2017). *Другое начало.* Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).

Borisov, E.(1998). Translator's note. In M. Heidegger, *History of the Concept of Time: Prolegomena* (pp. 342–344). Tomsk: Vodoley. (In Russian).

Boss, M. (1994). Martin Heidegger's influence on establishment of an alternative psychiatry. *Logos*, (5), 88–100. (In Russian).

Bulgakov, M. A. (1989). A Young Doctor's Notebook. In M. A. Bulgakov, *Collected Works in 5 Volumes* (Vol. 1, pp. 69–176). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russian).

Condorcet, J. A. (1936). *Sketch for a Historical Picture of the Progress of the Human Spirit.* Moscow: Gosudarstvennoye sotsialno-ekonomicheskoye izdatelstvo. (In Russian).

Dmitriev, I. S. (2015). "Inquisitor de rerum natura": sources of F. Bacon's experimentalist methodology. *Matters of History of Natural Science and Technology*, *36*(3), 433–454. (In Russian).

Fink, E. (2017). *The Basic Phenomena of Human Existence.* Moscow: Kanon+. (In Russian).

Foucault, M. (1998). *The Birth of the Clinic.* Moscow: Smysl. (In Russian).

Fukuyama, F. (2004). *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution.* Moscow: AST, Luks. (In Russian).

Gofman, E. (2017). *Behaviour in Public Places. Notes on Social Organisation of Crowds.* Moscow: Elementarnye formy. (In Russian).

Golovanova, E. I., & Madzhaeva, S. I. (2020). About the dictionary of the era of the coronavirus pandemic. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological sciences*, (7), 48–57. doi: 10.47475/1994-2796-2020-10 707 (In Russian).

Heidegger, M. (1993). European Nihilism. In M. Heidegger, *Time and Being: Articles and Speeches* (pp. 63–176). Moscow: Respublika. (In Russian).

Heidegger, M. (2006). *Being and Time*. Moscow: Nauka. (In Russian).

Heidegger, M.(2013). *The Fundamental Concepts of Metaphysics*. Saint Petersburg: Vladimir Dal. (In Russian).

Kuznertsov, G. (2020). Restitution of power: pandemic, expertocracy, and new political reality. In G. Kuznertsov, Goodbye, COVID? (pp. 193–215). Moscow: Izdatelstvo instituta Gaidara. (In Russian).

Latour, B. (1988). *The pasteurization of France*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Malinov, A. V. (2016). Research Centre for studying cultural exclusion and boundary areas at the RAS Institute of Sociology. *Petersburg Sociology Today*, (7), 431–434. (In Russian).

Mikhel, D. V. (2008). Public health and vibrio cholera: Russian Empire, medicine and bacteriology of the early 20th century on the cholera threat. *News of Saratov University. 2008. History Series. International Relations*, *8*(2), 64–75. (In Russian).

Nichols, T. (2019). *The Death of Expertise: The Campaign Against Established Knowledge and Why it Matters*. Moscow: Eksmo, Bombora. (In Russian).

Nikitskaya, E. (2020, December 23). The mask on the face is the responsibility of everyone. Retrieved from MK.RU website: https://www.mk.ru/moscow/2020/12/23/maska-na-lice-otvetstvennost-kazhdogo.html (In Russian).

Peshperova, I. Yu. (2016). Interdisciplinary studies of cultural exclusion and boundary areas. *Thought*, (21), 179–183. (In Russian).

Sheipin, S. (2020). COVID and Society. In *Goodbye, COVID?* (pp. 356–370). Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaydara. (In Russian).

Speransky, L. (2020, April 4). Secret entertainment in coronavirus Moscow: hidden fitness and secret parties. Retrieved from MK website: https://www.mk.ru/social/2020/04/04/taynye-razvlecheniya-koronavirusnoy-moskvy-podpolnye-trenirovki-i-sekretnye-bankety.html (In Russian).

Tolstoy, L. N. (2006). The Death of Ivan Ilyich. In L. N. Tolstoy, *Works in 90 Volumes* (Vol. 26, pp. 61–113). Moscow: Russian State Library. (In Russian).

Troitskiy, S. (2018). The problem of terminological precision in studies on cultural exclusion zones. *Rivista Di Estetica*, (67), 165–180. doi: 10.4000/estetica.2772

Wittgenstein, L. (1994). Philosophical Investigations. In L. Wittgenstein, Philosophical Works Part I (pp. 75–319). Moscow: Gnosis. (In Russian).

Yegorov, A. M., Ulyashova, M. M., & Rubtsova, M. Y. (2018). Bacterial enzymes and resistance to antibiotics. *Acta Naturae*, *10*(4), 33–48. (In Russian).

Zakutina, E. (2020, July 24). "I Don't Believe It! - A Sociological Portrait of a COVID Denier. Retrieved from KoronaFOM Project website: https://COVID19.fom.ru/post/ne-veryu-sociologicheskij-portret-kovid-dissidenta (In Russian).

Zakutina, E. (2021, February 2). Abandoning the Illusions. Retrieved from KoronaFOM Project website: https://COVID19.fom.ru/post/otkaz-ot-illyuzij (In Russian).

Zizek, S. (2020). *Pandemic!: COVID-19 shakes the world*. New York and London: OR Books.

Журнал Фронтирных Исследований. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Фронтир и воображаемые сообщества | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.275

BETWEEN SLEEP AND WILD PATIONS: EMOTIONS AND EMPATHY IN ETHNOGRAPHY OF THE 19th – 20th CENTURIES

Natalia B. Gramatchikova

Institute of History and Archeology, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, Russian Federation. Email: n.gramatchikova[at]gmail.com

Abstract

Evaluation of the emotional states of different ethnic groups is important for their images in the popular ethnographic prose of the 19th – 20th centuries. Reduced emotions are triggers for ethnos' "invisibility", emotional outbursts may be qualified as "savagery". Thus the problem of "right feelings" has become one of the most important topics for the ethnographers and researchers. The purpose of this study is to determine which emotional states in other communities are attractive or unacceptable for ethnographers. Our study is based on the book of essays written by K. Nosilov (1858–1923), an Ural traveler and ethnographer. "The Voguls" (1904) is written in the non-fictional style and describes the life, nature and emotions of northern peoples. In Nosilov's texts the Voguls (Mansi) are sensitive, quiet, open for communication with spirits. Although we can reveal some positions of colonialist discourse in Nosilov's essays, he actively builds a personal relationship with Voguls, trying to dive as deep as possible into their culture. The crucial point in the process is his participation in the sacrifice when the writer turns to affect (fear, terror, disgust), caused by the sight of a new image of his familiar hunters. Thus, the strong emotional component becomes an obstacle to acceptance of other cultures. However, a researcher can recreate the holistic view of the ethnic group only if he becomes a witness to ecstatic states, not just daily life. Nosilov found the emotional balance and paints a picture of the transformation of the cathartic emotions during a vogul theatrical performance.

Keywords

Voguls (Mansi); Bashkirs; feelings; emotions; frontier consciousness; V. Zefirov; K. Nosilov; ethnographic essays

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Journal of Frontier Studies. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Frontier and Imagined Communities | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.275

МЕЖДУ ДРЕМОЙ И ДИКОСТЬЮ: ЭМОЦИИ И ЭМПАТИЯ В ЭТНОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Граматчикова Наталья Борисовна
Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Россия.
Email: n.gramatchikova[at]gmail.com

Аннотация

На материале этнографической очеркистики конца XIX – начала XX века поднимается проблема зависимости восприятия этноса от тех эмоциональных состояний, которые этнограф определяет как доминирующие среди его представителей. Очерки и заметки, посвященные, в основном, народам Урала, свидетельствуют о тревоге русскоязычных авторов, вызванной кризисом собственной идентичности, в силу их близости и симпатии к иноязычным соседям. Эмоциональные режимы, которые определяются этнографами в характере «инородцев» (башкир, татар, самодийцев, манси), оказываются, с одной стороны, связанными с дискурсивными практиками колониального языка, а с другой, показывают, насколько узким был коридор эмпатического приятиях иных режимов чувствования и переживания. Центральным сюжетом исследования является анализ эмоциональных состояний, наблюдаемых и переживаемых уральским путешественником и литератором К. Носиловым на Северном Урале среди манси (К. Носилов «У вогулов», 1904). Важной чертой описания Носилова, всегда выстраивавшего личные отношения с северянами, становится демонстрация разрыва и контраста в их эмоционально-чувственных режимах: от камерной повседневности, открытой «знанию» о будущем, до экстатического ритуального исступления. Пережив эмоциональную травму на вогульском жертвоприношении, Носилов прибегает к разнообразным практикам восстановления эмоционального баланса и обращается к описанию культурных феноменов, где эмоции «иных» опосредованы и облечены в знакомую форму, например, «вогульскому театру». Таким образом, аналитическое чтение этнографических очерков уральских авторов позволяет реконструировать сложную сеть эмоциональных состояний, возникающих при контакте этнографа и представителей иного этноса, проследить зависимость оценок и степени приятия этнических групп от пережитых / опознанных чувств носителей разных культур. Удаленность уральского этнографического «поля», малочисленность русского населения и одиночество исследователя становятся важными условиями, при которых возрастает разнообразие зафиксированных в литературе фронтирных дискурсов.

Ключевые слова

вогулы (манси); башкиры; чувства; эмоции; фронтирное сознание; В. Зефиров; К. Носилов; этнографические очерки

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ВВЕДЕНИЕ: РЕЦЕПЦИЯ ЭМОЦИЙ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКАХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Уральский регион – давно и надежно обжитый русскими фронтир империи, во второй половине XIX века силами местных литераторов вновь открывающий себя России, представляет пестрое полиэтническое пространство, где «свое» и «иное» соседствуют, взаимопроникают, растождествляются повсеместно. Если понимать фронтир как зону постоянных этнокультурных контактов, формирующих особый тип *человека рубежа* (*фронтирмена*), обладающего предприимчивостью, решительностью, самостоятельностью и, как ни парадоксально, значительным уровнем доверия к окружающим в силу «разомкнутости» фронтирного топоса (Задорин, Немировская, 2017), то фронтирное сознание – несомненно, часть повседневного сознания русскоязычных жителей Урала XIX – начала XX века, в то время еще не именовавших себя «уральцами». Русские на Урале чувствовали себя связанными с «большой Россией», но отчетливо осознавали, что не только их уровень знакомства с уральскими народами (тюрками, финно-уграми), но и уровень понимания, приятия их своеобразия представляет определенную ценность.

Во второй половине XIX века одной из востребованных форм репрезентации культур народов России стали очерки, путевые заметки, рассчитанные на массового читателя и часто основанные на личном биографическом опыте автора, что придавало тексту убедительность и живость: путешественник-этнограф встречался с людьми, которые типизировались как *представители этноса*. Изучение подобных этнографических текстов второй половины XIX века показывает, что часто *чувства* оказываются *определяюще* важными и для литератора-этнографа, и для его читателей. Эмоционально окрашенное авторское восприятие носит отчетливо выраженный культурно-обусловленный характер, определяет субъективную ценность зафиксированного этнографом опыта. Эмоциональный диапазон восприятия иного, таким образом, ограничен и культурным контекстом, и личным опытом писателя-ученого. Народ, лишенный яркой (с точки зрения литераторов-этнографов) эмоциональности, рискует остаться «невидимым».

Даже одаренные авторы газеты «Оренбургские губернские ведомости» (далее – ОГВ) – такие, как В. Зефиров, видимо, тяготились описанием повседневности окружающих уральских этносов. Например, мещеряки для Зефирова («Удряк-баш, или 22 Августа в мещерякском кантоне», 1852) – это народ «дремлющего сознания», лишенный практической смекалки: «довольно неживописно отпечатана на физионо-

мии почти каждого Мещеряка, – какая-то сонливость, какое-то физическое изнурение. Вторая черта характера Мещеряков весьма ясно выражается в их беспрерывных жалобах и тяжбах…» (Зефиров, 2013, с. 42); их праздники «бедны и ничего не представляют любопытного для наблюдения…» (с. 45).

Известный этнограф С. Максимов («Год на Севере», 1859), говоря о своеобразии промысла «стрельна» у самоедов, при котором нужно часами лежать в лодке в ожидании, не мелькнет ли в водах голова морского зверя, связывает саму возможность моментального перехода от состояния многочасовой неподвижности к феноменально точному выстрелу не с ресурсами психической организации самоедов, но с отсутствием у них воображения: «Покажется один из этих зверей, самоед не замедлит выстрелить в него из заряженного уже ружья, прямо в морду, и не промахнется ни в каком случае… Но такое терпение – выжидать целыми сутками зверя на поверхности воды – может доставаться только на долю полуидиотов самоедского племени…» (Максимов, 1859, с. 53).

С другой стороны, нечастые случаи проявления темперамента среди «инородцев» попадают в фокус периодической печати как пример «диких нравов», также становящихся препятствием на пути развития эмпатии к ним. В таком ключе, например, построена заметка из криминальной хроники ОГВ о конфликте между казаками-башкирами, в ходе которого один в гневе ударил другого собственной новорожденной дочерью, выхватив ее из колыбели: «В кочевье деревни Хасяново-Бигильдиной из Башкир Казан Лукман Хасянов и брат его Шугаиб оказали буйство и дерзости Начальнику юрты Сотнику Глущенкову, при входе которого в кибитку Лукмана, для усмирения от буйства, сей последний, схватив дочь свою, имевшую от роду 20 дней, за ноги, ударил ею по виску Глущенкова и потом, бросив на пол, пал на нее ногою и задавил» (Б/п, 1847, № 38).

В этом диапазоне между *дремой* и *дикостью* литераторы-этнографы ищут понятные их культурному коду *чувства*, находя их, по большей части, в обращении к эпическому прошлому народа, которое актуализируется в праздниках и ритуалах. Зефиров так описывает реакцию мещеряков на скачки: люди словно пробуждаются ото сна, корреспондент воочию «видит» славное прошлое этого народа, знавшего лучшие времена:

> С любопытством и удовольствием смотрел я на эту дикую, воинственную картину народной потехи, и оглушительный крик народа уже не казался мне тревожным и бестолковым. Я слышал и видел в них восторг воспрянувшей души, отеческий вопль любви, при взгляде на единственную

> красу своих обширных степей, на своих неутомимых скакунов и это шумное выражение их душевного наслаждения одно уже может показать, что нынешнее сонное поколение Мещеряков принадлежит народу, для которого в старину молодечество и отвага не были качествами недоступными, как теперь, для которого добрый конь был также бесценным другом и товарищем, был любимым существом наравне с отцом или матерью, наравне с красивой подругой своей (Зефиров, 2013, с. 42).

Таким образом, рецептивный коридор «массовой» этнографии XIX века был неширок, но от него многое зависело.

КНИГА К. НОСИЛОВА «У ВОГУЛОВ». ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ И «ТАЙНОЕ ЗНАНИЕ» ВОГУЛОВ

Одним из деятельных исследователей Севера и популярных писателей рубежа XIX–XX вв. являлся уральский путешественник Константин Дмитриевич Носилов (1858–1923), член Уральского Общества Любителей Естествознания (УОЛЕ) и Императорского Русского географического общества, на счету которого десятки экспедиций в разные регионы страны (биографическую и исследовательскую литературу о К. Носилове см. (Омельчук, 1989, Созина 2010; 2014, Охапкин, 2012; Граматчикова, 2020)).

Этнограф обычно медиатор по роду деятельности и – нередко – по натуре (как К. Носилов) и / или воспитанию (как В. Зефиров). Сам Носилов вполне осознавал свою миссию медиатора и испытывал сердечную склонность к тем народам, среди которых работал и о которых писал. Погружаясь в мир «иных», такие этнографы-литераторы оказываются в зоне *кризиса собственной идентичности*: беспокойство по поводу ее изменений выражается в тексте, в том числе в извинениях, адресованных читателю (и самоцензурирующему «я»), относительно непривычных объектов любви (например, музыки и песен «дикарей», как это было у Зефирова).

Притягательность мира «иных», стремление проникнуть в него как можно глубже обнаруживается как основной мотив первых очерков носиловского сборника «У вогулов» (1904). Несмотря на документальный характер материала, входящего в этнографические очерки избранного периода, авторское концептуализирующее начало проявляется в них на разных уровнях текста, прежде всего организуя композицию сборника, даже в тех случаях, когда она выстроена как отражение реальной хронологии событий, как это происходит, например, в упомянутой книге «Год на Севере» С. Максимова, см. (Граматчикова, 2015).

Глава-введение у Носилова целиком посвящена своеобразию эмоциональной сферы вогулов (здесь и далее мы будем употреблять принятый в XIX веке вариант этнонима *манси*, дабы избежать стилистического разнобоя с цитируемым текстом – Н. Г.). Мотив «этнической памяти» о «другом солнце» (ибо народ этот, по Носилову, в тайгу «втиснут необходимостью» (Носилов, 2015, с. 2)), находящейся [мотив «этнической памяти» – прим. редактора] ныне в латентном состоянии, объясняет ему как ученому-путешественнику, почему «весь их интерес, вся их пытливая, чуткая душа ушла в тот неведомый мир духов, в ту сферу их верований, которыми они живут, который их занимает» (с. 2), почему «этот таинственный мир для них лучше всего, что они знают о земле, что составляет уже второстепенные, хотя сильные удовольствия, как то: охота, музыка, пение, былины и сказки» (с. 2). Более всего Носилова поражает общий высокий уровень «чувствительности» вогулов, тот богатый мир ощущений и предчувствий, который позволяет им «слышать» недоступное Носилову (= русским).

Для Носилова-литератора характерно построение повествования через истории личных отношений с представителями иных этносов, сборник «У вогулов» не исключение. Вводя читателя в мир Севера, Носилов последовательно знакомит его со своими приятелями из числа вогулов: страстным и наблюдательным охотником Лобсиньей, стариком по имени Налимий хвост, «почтальоном» Саввой, хранителем Сопрой и др. Таким образом Носилов объективирует собственный путь вхождения в мир Севера, одновременно достигая *кумулятивного эффекта*, который, очевидно, испытал и он сам при знакомстве с вогулами: каждая следующая история о «таинственном» в опыте знакомых охотников и рыболовов становится дополнительным аргументом в пользу реальности иного, непривычного русским, способа восприятия действительности.

Смена настроений вогулов подана Носиловым как наиболее естественный для них самих язык взаимодействия с окружающим миром. Так, перемены настроения проводника и спутника Носилова – Лобсиньи – есть для автора доступный способ получения информации об окрестных ландшафтах:

> Его беззаботное, веселое настроение сменялось только тогда, когда мы с ним проходили или проезжали мимо какого-либо священного для него места… Тогда он вдруг смолкал, делался сосредоточенным молчаливым, его шаги становились еще таинственнее, хотя он и без того так тихо ходил в своем родном лесу… шепотом, таинственно сообщал мне, что там… живет шайтан, покой которого не нужно нарушать человеку… (сс. 3–4).

После общения с Лобсиньей Носилов убеждается в существовании *особого предчувствия*, позволяющего вогулам направлять свои усилия туда, откуда придет зверь на охоте или гость. (Кроме «*знания*» Лобсинья прибегал к гаданию перед охотой на ноже и, «смотря по тому, куда повертывался кончик ножа, он угадывал направление, куда нужно идти на охоту» (с. 6)). Для Носилова способность вогулов «слышать в сердце, везде» – внутреннего происхождения: «Он жил, весь углубившись в тайники своей детской души, по движениям которой он узнавал: ждет ли его горе, неудача, ждет ли его разочарование, успех» (там же). Развивается она у человека по мере взросления, поэтому отсутствие таковых способностей у русского путешественника – повод для жалости вогулов (взрослый ли он? «Он даже жалел меня по этому случаю» (там же)) и удивления («Он… даже удивлялся, как это и я не чувствую того же, не могу знать хотя бы недалекое будущее. “Ты разве не слышишь?.. Зажми глаза и слушай”» (с. 6).

Сам Носилов страстно желает приблизиться к вогульскому миропониманию, отмечая при этом страх, внушаемый вогулам да и ему самому, их «шайтанами» (с. 4–5). Однако невидимый мир настолько реален, а способности вогулов так очевидны для автора (истории о «закрывшейся» щели в лодке, о шамане и ключах, о блуждании в болоте, о призраке-медведе (с. 7–9)), что Носилов прилагает все усилия, чтобы войти в доверенный круг вогулов, оказывая знаки почтения их идолам, чем вызывает одобрение спутников.

Важно отметить, что Носилов не экзотизирует вогульский мир, но, напротив, неоднократно помещает его в общемировой культурный контекст (тем более что путешествия на север в жизни Носилова хронологически перемежались посещением лекций в Сорбонне):

> У вогулов – все друзья с первого свидания, как и у *французов*, и свидание с ними всегда носит характер самых близких отношений, почему я не удивился, что обрадованный и польщенный моим визитом вогул, запросто поздоровавшись, полез меня лобызать и потом, в заключение, как бы выражая почтение, *по-китайски* поцеловал мою руку (здесь и далее курсив в цитатах мой – Н. Г.) (с. 40).

Вообще, деятельность Носилова по изучению и сохранению мансийской культуры была весьма разнообразна: этнографическая экспозиция на Урало-Сибирской выставке (1887), коллекция редких предметов быта и одежды, экспедиция за кондинским бобром для зоологического музея, проект водно-сухопутного пути через Урал в Печору (подробнее см. (Охапкин, 2012)). Встречаются в жизни, творчестве Носилова тенденции, характерные для энтузиастов-этнографов XIX века, и

фиксация собственного опыта длительного включенного наблюдения, попытка выразить взгляд человека иной культуры, что, собственно, станет стандартом научной антропологии и этнологии XX века.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬМИНАЦИЯ СБОРНИКА

Книга «У вогулов» позволяет с необычной стороны взглянуть на становление постколониального дискурса, заявка на который, несомненно, присутствует в прозе Носилова. Он обнаруживает в себе ряд общих с вогулами черт. Например, убежденность в том, что жизнь пронизывает все уровни бытия, не ограничиваясь миром материальным, глубоко свойственна не только вогулам, но и самому Носилову (характеристика брошенного людьми пауля как «несчастного» в равной степени принадлежит как автору очерка, так и персонажу – старику по имени Налимий хвост (с. 13)). Носилов сопереживает животным: вполне антропоморфно изображены не только олени и собаки, но и хищники – волки и медведи. Ценя жизнь, Носилов глубоко симпатизирует вогулу Савве, «детская душа» которого тяготилась убийством птиц и зверей, и, с другой стороны, каждый раз заново воспроизводит сцену свежевания оленя или лося – своеобразные *loci communes* вогульской повседневности, к которым до конца не может привыкнуть ни автор, ни читатель. Драматическое обнаружение «подводных камней» постколониального дискурса произойдет в пятичастном очерке «Из жизни вогулов», который Носилов, по собственному признанию, напишет «гораздо позднее» описанных в нем событий, «с отвращением» разбудив «уже полузабытые чувства» (с. 97).

Некоторые исследователи (в частности, Якушенков С. Н., Якушенкова О. С.) разрабатывают понятие гетеротопии как эффективное для анализа фронтирной ситуации (Якушенков, 2017a; 2017b; Якушенков & Якушенкова, 2014). В какой-то мере все пребывание этнографа Носилова в удаленных вогульских паулях имеет черты гетеротопии (в том числе и в отмеченной Фуко связи гетеротопии с гетерохронией (Фуко, 2006, сс. 200–201)), однако даже на этом фоне участие автора в жертвоприношении на капище является эмоциональной кульминацией сборника, требующей поэтапной сюжетно-композиционной подготовки.

Смятение чувств выражается «странной» авторской оценкой в первом рассказе цикла – очерке «Шома-пауль», где Носилов застает предпраздничную суету вогульского поселка:

> Две грязнейшие женщины, спустив с плеч для удобства паницы – меховые костюмы, – обнажив грязненькие худые плечики, с тонкими, сухи-

> ми, смуглыми руками, *отвратительно* вспарывали животы нельмам, выскребали оттуда кишки, отделяли желчь от икры и распластывали жирных рыб на части, в то время, когда около них на голом глиняном полу возились замаранные в крови дети, и пара щенят волочила по полу кишки рыб и, уперши лапами в пол, отнимая друг от друга, ворча, растягивала их зубами…(сс. 23–24).

Вся сцена явно неприятна автору, и все же наречие «отвратительно» отнесено к чистке нельмы, а не, например, к замаранным кровью детям вперемежку со щенками, оно кажется неточным, «заблудившимся», проспективно (для читателя) и ретроспективно (для автора) отражая пережитое автором потрясение. Е.К. Созина предлагает интерпретацию композиции всего сборника «У вогулов» как литературной хроники неудавшейся, незавершенной инициации, которую чаял, но не смог пройти этнограф (Созина, 2014). На наш взгляд, инициационный сюжет лежит в основе очерка «Из жизни вогулов», остальные тексты сборника, составляющие две трети его объема, представляют собой иной эмоциональный опыт автора.

Контрастные авторские впечатления и оценки проявляются и во втором очерке цикла («Вогульский праздник»), являющего «репетицию» главного жертвоприношения: веселая поездка на бестолковом, но преданном хозяину «собачьем поезде», совместный смех с проводником-вогулом сменяется сценой жертвоприношения в чуме перед иконой Николая Чудотворца, где жертвой оказывается годовалый пестрый олень, упирающийся и недоумевающий. «Жалея от души дрожащее животное», Носилов остро переживает момент его гибели: «и в то время, когда олень удивленно, невинно смотрел прямо в мои глаза, вогул с криком, воткнул ему нож под лопатку», он еще «вздрагивал, вертел хвостом и молча закрывал светлые, чистые глаза, когда уже вертели нож в его мозге» (сс. 30–31).

Эта сцена меняет восприятие вогулов Носиловым: теперь рассматривая во многом *иных* как *равных*, он не может не налагать на них определенных этических императивов. Моральный конфликт выражает себя в резком размежевании автора и его героев (даже на уровне лексики): «Глядя на их страстные лица при свете огня чувала, я видел перед собой настоящих *варваров*, каких еще не подозревал под их всегда скромной, тихой фигурой» (с. 31); однако волевое начало еще движет его к намеченной цели.

Носилов принимает участие в жертвенной трапезе, храбро пробуя предложенные ему окровавленные ухо, почку и легкое оленя. При этом его телесность, скорее, радуется расширению опыта: по крайней мере, сырое мясо плохо ободранного уха Носилов оценивает

как «что-то слизкое, теплое, но ничуть не противное», а последовавшая за ним почка «показалась с голоду, после дороги, уже вкусной, и я попросил еще, и мне дали легкого», удивляясь «сколько в олене нашлось лакомств, которых я даже не подозревал, по своему невежеству перед такими гастрономами» (с. 32).

Повторяющиеся после жертвоприношения пляски и песни вогулов не описываются вторично (что подтверждает значимость повторяющихся сцен свежевания добычи), а Носилов оказывается в лиминальном состоянии между сном и явью, где связь с прежней идентичностью выражена через образ Николая Угодника, «который как-то строгоспокойно… смотрел с полочки на все это дикое общество с замаранными кровью устами, словно сожалея их, словно говоря словами Спасителя: “Боже, прости их, они не ведают, что творят”...» (с. 35). Однако с этим чувством примиренности Носилову не удастся пройти весь путь погружения в вогульскую культуру: христианская этика, хотя и примиряет, но является отражением иной, европейской парадигмы ценностей.

Временное растождествление с собой прежним (европейцем, христианином, русским, этнографом и др.) артикулируется в третьей части цикла («На Северном Урале»), переносящей читателя на священную для вогулов гору, в семью обеспеченного молодого вогула Пакина, где Носилов проблематизирует эволюционный, цивилизационный подход современной ему науки:

> ...Жизнь наших инородцев в Сибири, бедная, замкнутая, одинокая, дикая, но скромная и честная, *которую даже как-то не хочется пробуждать, не хочется трогать* прежде, чем сами мы, в виде его ближайших соседей, учителей, начальников, не изменим на него взгляд и не станем на него смотреть не как на дикаря, а *как на человека*» (с. 71).

Кульминацией цикла становится пятая часть очерка («У Шайтана»), где логика инициационного акта должна была привести этнографа к обретению нового «я», однако в силу специфики обряда жертвоприношения, свидетелем которого стал Носилов, обернулась для него глубокой эмоциональной травмой.

Уже освоенные автором этапы иноэтничного быта в каждой следующей части очерков повторяются во все более «свернутом» виде: мертвый зверь – гости и теснота в чуме – веселье – пиршество – своеобразное опьянение от поедания мяса – героический эпос под звуки вогульских мелодий. «Мимикрия ради познания» дается все легче:

> Я без признака отвращения поедал вместе с ними сырое мясо, я туда же за ними хвалил теплую печень и почки лося, обмакивая их в теплую

> кровь, я с таким же видимым восторгом глотал мозг животного, стараясь много не разжевывать, и, когда они усиленно рекомендовали мне попробовать жирные железы уха этого зверя, которые они не постарались даже очистить как следует от шерсти, даже разгрыз их зубами и проглотил, чтобы только добиться быть с ними таким же, как они вогулом…(с. 83).

Роковой день жертвоприношения в очерке построен на эмоционально-художественных контрастах: суета и шум сборов / морозная тишина зимнего леса; торжественность хранителя Сопры в белоснежном совике среди великанов-кедров / настороженные самострелы вдоль тропы; страх Носилова при первом взгляде на идола:

> ...в темноте угла амбарчика, с громадным уродливым носом, который высунулся наружу, оно мне показалось сначала ужасным, оловянные глаза смотрели на меня так тускло, что я невольно даже отворотился. Передо мной сидел, словно мертвый, замороженный человек, который с ужасом смотрел на меня своими тусклыми, широко раскрытыми глазами (с. 83)

/ простота восприятия вогулов, смотревших, «как любопытные дети, когда видят что-нибудь неожиданное и интересное, но без боязни» (с. 89); / будничное переодевание идола, оказавшегося «простым обрубком дерева, которое творец его даже не потрудился обстругать, приделав к нему только пару рук в виде палочек, ковырнув ему ножом уши, вырезав длиннейший нос и прорезав ножом линии по лицу, которые и придали ему выражение ужаса» (с. 91)...

Однако ритуальное умертвление нескольких оленей («все молодые, обреченные на смерть, и один из них белый, как снег» (с. 92)) радикально меняет тональность текста: воспроизведенное во всех натуралистических подробностях жертвоприношение (с. 92–93) запечатлевается в очерке-воспоминании как ситуация травмирующего эмоционального насилия, лишающего рассказчика воли и способности действовать, т.е. фактически «опрокидывающая» его в состояние детской беспомощности:

> Лес шумел дикими звуками, и я готов был бежать, бежать от этой дикой, отвратительной, страшной картины, но меня что-то приковало к месту, и я смотрел, смотрел до конца, дрожа от жалости и страха, видя, как падали один за другим животные головой к кострам, обливаясь кровью, с торчащими стрелами, как бились они там в предсмертных судорогах, в то время как дикари изо всех сил затягивали петлю, упершись, войдя даже в снег от усилий ногами (с. 94).

Бежав к огню по окончанию процедуры, Носилов не обретает покоя. Стоит отметить высокую значимость резких аудиальных образов (дикий крик, хрип, вой, стоны и др.), контрастных по отношению к

тем, что ранее сопровождали рассказы о «слышимом» вогулами будущем.

При этом Носилов не сомневается в реальности и значимости увиденного религиозного акта: вогулы переживают экстатическое состояние молитвы, идол по-настоящему страшен («Он, как мертвец, смотрел на нас белыми, тусклыми глазами, и полумрак наступающей ночи придавал ему теперь такое страшное выражение, что я невольно попятился и прижался к стволу кедра» (там же)), а старик-хранитель видится ему «с поднятыми кверху руками, как приносящий жертву *апостол*» (там же). Но в этой сцене Носилов именует вогулов не иначе как «дикарями», наполняя стереотипную для XIX номинацию резким оценочным смыслом; что помогает ему дистанцироваться от иной культуры и вернуться в прежнюю культурную, религиозно-этическую парадигму. Измененное состояние возвращающихся после жертвоприношения к костру вогулов ощущается не только автором очерков, но и животными: «Олени, дрожа от страха, стали метаться у своих привязей, словно к ним шел *зверь*, и на площадке скоро показались *темные фигуры*, выходящие из лесу» (там же).

Пережитый крах ожиданий (вместо чаемого обретения сверхзнания автор оказался заложником чудовищных страстей) сложен для повествователя и своим продолжением: возвращение обыденного поведения его спутников («обычных людей, к которым я привык, которых я считал мирными жителями этого леса, добрыми знакомыми и даже друзьями») кажется ему несовместимым с только что виденным; приветливость и доброта Сопры невыносимо контрастируют с его служением «чудовищу, которому сегодня пролито столько крови» (с. 97). Носилов тщетно пытается соположить жуткий «молитвенный экстаз» вогулов с той «обыкновенной жизнью, в которой светился ум дикаря и сердце», с научной честностью отмечая, тем не менее, обратное преображение участников ритуала («только виденное словно чем-то уже было смыто с них» (с. 96)), пока недоступное ему.

АВТОРСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И БАЛАНС ЧУВСТВ

В очерке «Через десять лет», также включенном в этот сборник, Носилов отрефлексирует свое состояние в первой поездке и вынесет оценку прежней своей эмоциональной лабильности.

Популярная литературная маска ребенка / новичка, придающая свежесть восприятию, остраняющая ситуацию, оказывается проблемной для ученого-этнографа.

Мне очень жаль было тогда вогулов. Бедные, в жалких одеждах, сквозь которые так и проглядывало на свет темное смуглое тело, со всклокоченными волосами, растрепанными косами, полуслепые от вечного дыма, истощенные от вечного голода и житья под открытым северным небом, с испугом, заботой на добром, открытом лице, запуганные местными начальством, обобранные нашими купцами, казаками, торговцами, загнанные какими-то историческими передвижениями татарских орд в эти негостеприимные леса, но сами гостеприимные, простодушные, ласковые к чужому, незнакомому человеку, *они казались мне таким жалкими, такими несчастными, что я готов был для них сделать Бог знает что, чтобы они стали людьми*, а не пасынками природы (сс. 142–143).

Эмпатия оказывается своеобразной ловушкой для этнографа не только в отношениях человек – животное, но и в отношениях человек – человек. Дальнейшие изменения в жизни и вогулов, и Носилова показали, что для обретения известного уровня профессионализма этнографу необходимо расстаться не с эмоциями вообще, но с известным «автоматизмом эмоциональных реакций», выработанных в теле иной культуры, нередко вводящих в заблуждение при полевой работе.

Большая часть очерков повествует о том, как обрести необходимый баланс чувств и выстроить новую стратегию поведения взамен потерпевшей фиаско. Сборник «У вогулов» не есть летопись разочарований. Скорее, напротив: травматичному опыту участия в жертвоприношении противостоит, соседствуя с ним и контрастируя, один из наиболее светлых очерков цикла – «Рождество в снегу», где Носилов возвращается к прежней, скорректированной опытом, укорененности в христианском мире, переживая состояние глубочайшей связи с людьми, включая и вогула-проводника, и его роженицу-жену, и население приуральской деревушки в рождественские дни, ощущая единство рода человеческого перед лицом Христа.

«Рождество в снегу» изначально пишется с белого листа, обнулив ситуацию утраченного паритета: идея Носилова перевалить Уральский хребет, чтобы встретить Рождество с теми, для кого это тоже праздник, воспринимается им азартно и агонально. Соскучившийся по людям, новостям и движению автор не склонен слушать предостережения знакомых вогулов, «считая моих приятелей вогулов просто трусами и желая им доказать, что для русского все это пустяки» (с. 99). Однако, когда наконец находится «дышащий отвагой» вогул, готовый отправиться в путь, который остальные считают самоубийственной блажью, Носилов оказывается в ситуации, где «отступать уже было нельзя и я дал слово, что еду с ним завтра же» (там же).

Ассоциативно-символический ряд команды «корабля» («собравшись с силами, укупорившись, как следует, словно корабль перед

штормом, трогаемся и тихонько начинаем подниматься на хребет Урала» (с. 101)), странного экипажа санок в бешеной скачке (вогул Пензер, его беременная жена – «мохнатая дама» – и сам автор) продолжен их общей уверенностью в благополучном исходе, доходящей до куража.

> Чудный напиток – мы через минуту уже смеемся, как нас треплет буран, мы уже словно обстреляны вихрями и, павши на санки, так храбро наобум двигаемся вперед, что будь там пропасть, тысяча одно препятствие того страшнее, мы не остановились бы ни на минуту в раздумье (с. 102).

Рождение ребенка в семье проводников-вогулов, ночью, среди морозного заснеженного леса, наделяет для автора очерков сакральным смыслом и общность перенесенных тягот, и их совместные трапезы, ночлеги, преображая окружающее:

> И лес, и звезды, и эта тихая ночь кажутся мне совсем другими, я готов молиться и плакать. Родился человек, думаю я, и никак не могу постигнуть этой тайны, как никогда не мог я постигнуть другой – рождения в эту ночь Спасителя. Это что-то выше человеческого разума, это что-то выше нашей бедной обстановки жизни со всеми ее радостями, которые стушевываются перед тайнами мира (с. 106).

Тему возобновления жизни поддерживают счастливое их прибытие в оживленную рождественскими хлопотами деревню, детская забава с оттаиванием замерзших на лету птиц. «Тайна жизни», ее разнообразие, хрупкость и способность преодолевать несущие смерть преграды (снега, морозы, расстояния и др.) – несомненно более значимы для Носилова, нежели его способность или неспособность еще раз «постоять на краю» своего «цивилизованного мира».

Во второй части сборника мы находим несколько *личных историй*, где Носилов, расставшись, по-видимому, с масштабной идеей погружения в чужую культуру, переходит к «частным случаям», где можно услышать отзвуки важных для автора мыслей.

Герой очерка «Батя» – «вогульский поп» – рассказывает историю своего сложного вживания в быт отдаленного прихода, где он оказался «по гневу архипастырей». «Первый жиденький звук колокола», жалобно раскатившийся по лесу, оборачивается слезами, так как оживляет в памяти священника звук благовеста «на старом месте»: «Позвонил так с полчаса трапезник на колокольне, посмотрел я в окошечко: хоть бы душа какая откликнулась в юртах, словно не прихожане, а лес кругом стоит» (с. 127); зато рокот барабанов, с которыми ему пришлось тут же познакомиться, вызывает доходящий до дрожи страх, лишая способности молиться: «...Страшно так гудит и все громче и громче, словно

вот когда на заре в гарнизоне, в городе барабанят» (там же). Вспомним здесь значимость подобных аудиальных образов и для личной истории Носилова.

Впрочем, суждения священника о впечатлительности вогулов (вогул «весь соткан из одних нервов»), их опасениях и страхе перед «шайтанами» так же близки опыту Носилова:

> Веры как-то нет у этого дикаря в самого себя, теряется он перед каждой случайностью: тресни в лесу дерево и расщепи его, – он уже убежден, что это шайтан; ударь молния в дерево и расщепи его, – он уверен, что это нарочно дает о своем гневе понятие ему нечистый (с. 133).

Конфликт интересов священника и паствы доходит до столкновения, в котором решающую роль играет убежденность в своей правоте и определенное бесстрашие: «Видят – я прав, видят – я не струсил; видят – я не сдаюсь, стали со мной соглашаться, что шаманить им здесь, действительно не полагается» (с. 129). Временное перемирие дает священнику возможность приглядеться к прихожанам, обнаружив в них множество забавных, наивных и, в целом, привлекательных черт: «Один даже в алтарь чуть ко мне не забрался: так его разобрало любопытство, что я там делаю, стоя перед престолом»; так любят колокольный звон, что готовы все сидеть на колокольне и др. (с. 130).

При сопоставлении очерка К. Носилова с изображением поведения самоедов в церкви у С. Максимова видно, что вогулы Носилова ближе к категории детского, но вполне человеческого мира. У Максимова самоеды не выносят тепла изб, не могут стоять на службе, не носят шапок даже в мороз и др. Вогулами у Носилова движет потребность деятельности: «...Всю обедню, вечерню, утреню и ходят» со свечками от иконы к иконе. «Сгорят свечки, тогда успокоятся, соберутся куда в уголок и даже сядут. Не могут они подолгу стоять на ногах, привыкши все к сидячей жизни» (с. 138). Максимальное неприятие вогулов у Носилова демонстрирует попадья, не выносящая вогульского запаха:

> ...Матушка моя больно уже обижалась, сначала, что от них запах такой я приношу в дом, что даже дохнуть дома невозможно… И удивительное дело, как от них разит, бедных. Поверьте – побудешь только минуту, когда зайдешь к ним в юрточку, а уже матушка слышит (с. 130).

Служение среди «инородцев» предъявляет более высокие и менее формальные требования. *Русский* всей историей колонизации вытеснен в позицию доминирования, независимо от собственного желания, и это, поначалу вынужденное вытеснение, для батюшки оказывается

благотворным в тот момент, когда он принимает решение следовать не привычным путем сбора с прихода, а получить возможность помогать прихожанам, «добывать себе насущный хлеб рыболовством» (с. 135). За Уральским хребтом и в Приобье русские очерков Носилова демонстрируют вынужденность поведения, *мимикрию* и др. качества, подкрепляющие и, возможно, даже обогащающие репертуар релятивистских моделей постколониальной гибридности у ее истоков (Якушенкова, 2015a; 2015b; Bhabha, 1994; Злобин, 2014; Дорогов, 2017).

Первый же сезон летней рыбной ловли приносит вогульскому священнику определенный достаток, ощущение «приволья и свободы» на большой реке, острое чувство жизни природы (важное и для Носилова), более глубокое понимание характера и пристрастий вогулов, неожиданное проникновение в смысл привычных молитв (например, «за плавающих»). Отношения с прихожанами радикально меняются: «видят – в самом деле человек могущий, и сразу ко мне переменились: большое они уважение чувствуют к богатому человеку, самостоятельному… И вот я с той поры стал их учить уже лучше» (с. 136).

Обретенное «самостояние» человека в контексте этого очерка заставляет героя пересмотреть привычные прежде практики. Об этом – большая и не лишенная комизма сцена исповеди в Великий пост, когда искренняя обида прихожан-вогулов на дежурные вопросы исповедующего для автора и читателя очерков становится моментом истины: вопросы «не украл ли?», «не убил ли?» вогулы решительно отказываются воспринимать как формальную процедуру, тем самым лишая и священника права на формальное отношение и заставляя его перейти к импровизации, которая, в контексте всего жизнетворчества Носилова, оказывается ближе всего к истине. Общая отпустительная молитва (здесь – практика от бессилия объяснить смысл таинства пастве), желание многих причаститься по два раза за службу не меняют главного: вчерашние «оглашенные» пришли «такие чистенькие, смиренные, что даже я удивился: настоящие рабы Божьи, в чистых рубахах…» (с. 140).

Открытия батюшки не отменяют сложности взаимоотношений с местными: «Лаской станешь обходиться – норовят обязательно надуть. Строгостью – начинают дичиться и страшно обижаются» (там же). Однако в мире писателя-этнографа Носилова доминирующая позиция оправдана лишь при условии личного вклада в нее (noblesse oblige). Новое именование «вогульского батюшки» подтверждает его новый статус: из просителя он превращается в дарителя и помощника вогулов, сначала в мире материальном, а затем и духовном.

Концептуально важен для Носилова очерк «Вогульский театр», обращающийся к обозначенной в первой части сборника проблеме: каким образом в вогулах сочетаются нежная деликатность повседневного общения с людьми, с миром и буйное желание крови на жертвоприношении? Сам феномен вогульского театра известен автору и поражает его, с одной стороны, полным равнодушием к жизни человека («человек для него не интересен…» (с. 156)), с другой стороны, такой наглядностью представления жизни природы «при самой жалкой сценической обстановке», что авторское впечатление от представления сопоставимо с впечатлением от игры профессиональных актеров.

Слепой старик-музыкант, молодой вогул «в полном охотничьем костюме с запекшейся кровью на нем», пара ребят-подростков, «одетые в вывороченные оленьи шубы» – вот и вся труппа. Охотник – «весь одно движение и страсть» (там же), воображение зрителей, дорисовывающее декорации, миловидность и беспечность «оленей» – все это доказывает не только глубокое знание мира природы, но и способность к презентации ее в формах культуры, понятных «цивилизованному миру».

В аспекте нашей темы важнее всего реакция зрителей: не только актеры «отдаются впечатлению», но женщины-вогулки («возгласы сожаления и вздохи женщин»), мужчины («с пробудившейся страстью» комментирующие шепотом поведение зверей и охотника). «Публика ахает и жмется», новое одушевление – и «зрители снова падают духом, предчувствуя беду для бедных животных…» (с. 162). Все свидетельствует о богатом и разнообразном эмоциональном репертуаре вогулов, заполняющем страстный «звукоряд» между так поразившими автора регистрами «тишины-слушанья» и «экстаза».

Присутствие на представлении не только обогащает этнографический багаж Носилова, но и оказывает на него терапевтическое воздействие: во время импровизированного представления он убеждается сам и сохраняет свое свидетельство для читателя в том, что людям северных лесов доступны принципиально важные для автора чувства (эмпатия, сопереживание), а также тонкие, опосредованные культурой средства смягчения эмоциональных потрясений:

> …Публика, выходя из нашей юрты, с такой горячностью обсуждает сюжет драмы, так жалеет бедных зверей, что нам не верится, что перед нами дикари, у которых на глазах проливается столько крови, для которых, казалось, так обыкновенна должна быть смерть… А старик… между тем уже снова играет свои мелодии на «лебеде», словно стараясь шумными звуками сгладить впечатление драмы, как порой и у нас шумно провожает публику оркестр (с. 164).

Финальные тексты сборника рассказывают о тех катастрофических изменениях, которые претерпел Север, оказавшись включенным в специфический товарооборот. Не невозможность проникнуть в вогульский мир до сокровенных его глубин более всего гнетет Носилова, а невозможность сохранить открывшийся ему мир в том относительно чистом виде, в котором он его узнал и полюбил.

Ощущение катастрофы возникает, прежде всего, из того хаоса, который поражает эмоциональную жизнь вогульских поселений. Для путешественника очевидно, как изменилось поведение людей, их реакции. «Все пьяное возбужденное, с разгоревшимися, грубо обнаружившимися страстями прямо бросалось в глаза…» (с. 202): радушные вогулки стали сердитыми, смело кокетничавшие девушки стали прятаться, дети дичиться; «целый пауль в таком безобразном пьяном виде, что казалось – туда с неба свалилась целая бочка водки» (с. 147); безобразное пьянство сопровождается воем и криками, «и этот дикий гул так и раздавался по лесу и воде, которые, казалось, замерли, будучи свидетелями вместе со мной тому, чего они никогда не видали в старое время» (там же). «Гул, гам, драки, ссоры, таскание за волосы, крик и плач покинутых матерями детей, вой собак, открытые двери юрт, выбитые стекла, валяющийся на траве народ. Женщины, ползающие по берегу на четвереньках, бесстыдство девушек, грубые шутки парней, разврат, русская ругань в устах даже женщин и площадная брань мужиков, все это так поразило меня, что я долго не мог прийти в себя…» (с. 148). Жесткая структурированность прежних эмоционально-полярных состояний, казавшаяся писателю-этнографу странной, даже пугающей, уступила место хаотическому смешению пространств, религиозных и гендерных практик поведения.

В очерке «Ясак» хаос поражает все сферы жизни: вот окровавленные люди копошатся у дороги («Я думаю, что случилось несчастие, мертвый, но оказалось – тут распластывают оленя» и поедают сырое мясо и кровь (с. 187)); спать приходится на улице, потому что в доме заедают блохи; ночью пьяный вогул приходит к спящему на повозке Носилову исповедоваться, приняв его за батюшку: «Только отпустил я ему грехи, как подошел бродячий олень и ткнул меня холодной мохнатой мордой прямо в лицо…» (там же). И все это под «рев песен», ругань и женский визг.

Интересно, что в этом контексте вновь активизируется авторское внимание к «меньшим братьям» (оленям и собакам): «Один кряхтя ложится, другой обшаркивает пушистую теплую морду о рукав моей дохи, третий кладет на его спину голову и смотрит на меня, усталый, запыхавшись, свесив красный язык на сторону» (с. 167); ямщик ухажи-

вает за Носиловым, как за оленями: «трет им морды рукавицей, выправляет лямки на плечах… после них он подходит, улыбаясь, ко мне и, не говоря ни слова, лезет мне в лицо той же мохнаткой, сбивает снег с ресниц, бороды, усов, охлопывает мой воротник…» (там же).

Носилов не идеализирует вогулов, но сожалеет, что «легкая нажива» оказалась непреодолимым искушением для жителя Сосьвы, жаждущего «иметь то, к чему его приучили», и оставшегося «без средств для борьбы со страстями и пороками» (с. 155). Мир вогулов стремится к закату и по причинам внутреннего характера (о последних днях наследования традиции – очерк «Серебряная баба» (с. 109–119)). И все же именно здесь Носилов вербализует свою солидарность с вогулами:

> ..живи я в его грязной, бедной, темной, с одним ледяным, брюшиным окошечком в лес юрточке, ходи я вечно по этому мертвому лесу, мерзни я вечно на воде в долбленом челноке, таскайся по ловушкам… я тоже был бы таким вялым, безжизненным, с задавленной чем-то душой, словно неудачей, с опущенными руками, без сил, без порывов, без всего того, что двигает человека, заставляет его жить, бороться за свое существование, быть царем природы. И мне кажется, что я тоже зачах бы в этой тайге, тоже стал бы вымирать, ...тоже покорился бы чему-то более сильному, чему-то высшему… и я тоже, право, не мог бы заплатить ясака и тоже дрожал бы перед заседателем, который, право, страшнее здесь даже самого шайтана (с. 176).

Социально-экономические отношения определяются сиюминутной выгодой: нет ни планов на будущее, ни отчетливой памяти о прошлом. Стратегическое планирование отсутствует в принципе. В долг берут легко и много («берет все, чего не надо, только чтобы было не жалко промысла, про который он забудет скоро, как и то, сколько он отдал, почем и за что…» (с. 186)). Русских своих имен вогулы не знают, выручают прозвища; долги передают по наследству; ясак могут заплатить бесхвостыми белками, так как хвосты уже пропиты ранее; иногда на оплату долгов идет содержимое лесных потаенных капищ. «Другая сторона» не лучше: сборщики ясака воруют на всех уровнях, паули наводнены мошенниками разных мастей: например, вымогатель-фельдшер, запугивающий вогулок прививками («И они в ужасе от ножей, от мысли, что будут резать их ребят, несли ему все, что имели…» (с. 208)); земский заседатель – «вершитель судеб, которым еще богата наша Сибирь», и др.

И властная, и церковная вертикаль здесь держится на страхе. Батюшка, которого автор характеризует как веселого, открытого, беззаботного человека, доходит до резкой личной обиды на «братию»-паству («сволочь это, а не братие»), он даже прерывает службу и выбегает

из сборной избы. Однако и угроза адских мук здесь выглядит по-другому. Мерзлые налимы («скрючившись, загнувшись хвостами вверх, с раскрытыми белыми ртами, с застывшей мукой в движениях» – «жертвы мороза» (с. 200)) становятся наглядным образом, на примере которого старый батюшка объясняет «братии» необходимость заботиться о своем пастыре, иначе

> они так же будут корчиться на том свете в аду от страшного огня, если не будут почитать своего духовного отца, не будут кормить его…И те, тронутые таким живым примером, несли ему новых и новых жертв, увеличивая страшную кучу мучеников мороза…(с. 200).

Прежний страх перед «шайтанами» сменяется другим, однако способность «слышать» уже утеряна.

Последняя часть сборника «По следам князя Курбского (из путешествия по Северному Уралу)» возвращает автора и читателя к хронологически более раннему и потому более благополучному периоду северных путешествий Носилова. Хотя очерк, несомненно, принадлежит к числу лучших носиловских произведений, он не дает значимо нового материала в рамках избранной нами проблематики, так как повествует, в первую очередь, о *личных* отношениях Носилова со временем и пространством Урала. В контексте всей книги очерк акцентирует важнейшую для Носилова мысль о необходимости личного выбора и личной ответственности за него, чему и следовал сам ученый-путешественник.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, наблюдения над этнографической прозой второй половины XIX – начала XX веков открывают нам высочайшую значимость эмоционального контакта этнографа-литератора с изучаемым им иноэтничным сообществом. В какой-то мере эти тексты периода становления языка научной этнографии, основанные на личных впечатлениях автора, с высокой степенью субъективности повествования позволяют восполнить нехватку диахронического измерения эмоциональности. «Антропологические исследования эмоций имеют дело с ощущениями и *современными* практиками выражения эмоций. Прошлое служит лишь поставщиком бесконечных примеров и диковинных отличий – фоном, на котором европейское настоящее продолжает доминировать и определять границы человеческой природы через проведение границ внутреннего и внешнего, *своего* и *другого*» (Николаи, 2019), отмечают исследователи общую черту монографий по истории эмоций, вы-

шедших в последние годы (Плампер, 2018; Boddice, 2018; Rosenwein & Cristiani, 2018).

Урал, оставаясь фронтирной зоной встречи многочисленных этносов и культур, представляет собой пространство обжитое настолько, чтобы контакт был возможен для исследователя регулярно и на персональном уровне. В таком случае практически всегда автор текста отмечает преобладающий эмоциональный спектр иноэтничного сообщества, ибо выражение эмоций – важная составляющая того, что значит «быть человеком». «Эмоциональный рисунок» иного этноса, как правило, отличается от привычного в собственной культуре и может маркироваться как «дикий», «непросвещенный», «стертый», «скучный» и др. Однако в тех случаях, когда этнограф находит понятную ему область чувств, он рискует впасть в соблазн уподобления, предъявляя к представителям иного этноса требования своего, иного по структуре и ценностям мира. И в этом отношении постколониалистский дискурс оказывается склонным к достаточно жестким оценкам и высоким критериям, а этнограф, не найдя соответствия своим требованиям, легко может совершить возвратное движение в сторону колониалистских практик, утверждая ответственность прежде всего доминирующего субъекта / этноса.

Иноэтничная эмоциональная сфера, при всей ее необычности, представляет собой целостную структуру и в значительной мере отвечает за жизнестойкость этноса, а разрушение ее ведет к деформациям всей традиционной этнокультурной парадигмы. Тем значительнее, на наш взгляд, оказывается вклад в исследовательскую практику со стороны таких личных качеств исследователя, как любознательность, азарт, доверие и бесстрашие, тем более что этнографа в его попытках включенного наблюдения могут ожидать кризис собственной идентичности, разрыв с читательской аудиторией, научным сообществом и др.

В этом отношении художественно-беллетристическая ткань этнографического повествования, служа одним из средств популяризации материала, обладает мощными исследовательскими ресурсами, поскольку содержит плоды сознательных и бессознательных устремлений автора и эпохи, а также репертуар привычных для автора (и его современников-читателей!) сценариев, предоставляя нам возможность проникнуть в конфликт рационального и эмоционального содержания авторского мира.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено Н.Б. Граматчиковой за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00 221).

Список литературы

Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. London, New-York: Routledge.

Boddice, R. (2018). *The history of emotions*. Manchester: Manchester University Press.

Rosenwein, B. H., & Cristiani, R. (2018). *What is the history of emotions?* Cambridge: Polity.

Граматчикова, Н. Б. (2020). К. Д. Носилов. В *История литературы Урала. XIX век: в 2 кн.* (Т. 2, с. 1072–1104). Москва: Издательский Дом ЯСК.

Граматчикова, Н. Б. (2015). Финно-угорское население Севера России: Взгляд русского этнографа (по материалам очерков С. В. Максимова «Год на Севере»). *Известия Уральского Федерального Университета. Серия 2: Гуманитарные Науки* (3), 69–82.

Дорогов, Д. А. (2017). По ту сторону антагонизма: Гибрид как модель пост-колониальной квир-субъектности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, *20* (5), 39–58.

З-ф-р-въ В. [Зефиров], В. (1852). Удряк-баш, или 22 Августа в мещерякском кантоне. *Оренбургские губернские ведомости* (32).

Задорин, И. & Немировская, А. (2017). Русский фронтир: Гражданская идентичность на передовом рубеже страны. *Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв.*, 528–529. Санкт-Петербург.

Злобин, С. С. (2014). Концепция гибридности в творчестве индийского культуролога Хоми Бхабха. *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб.* (9), 199–206.

Максимов, С. В. (1859). *Избранные произведения: в 2 томах*. Санкт-Петербург.

Местные известия (1847). *Оренбургские губернские ведомости*, (38).

Николаи, Ф. (2019). История эмоции: Три версии. *Новое Литературное Обозрение* (2), 289–297.

Носилов, К. Д. (2015). *У вогулов*. Москва: URSS.

Омельчук, А. К. (1989). *К. Носилов*. Свердловск: Средне-уральское книжное издательство.

Охапкин, Ю. Д. (2012). *Зауральский странник: материалы к биографии К.Д. Носилова*. Екатеринбург: Банк культурной информации.

Плампер, Я. (2018). *История эмоций* (К. Левинсон, пер.). Москва: Новое литературное обозрение.

Созина, Е. К. (2010). Этнографически-колониальный субтекст в составе сибирского текста: По произведениям К. Носилова и П. Инфантьева. В *Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве* (с. 108–132). Красноярск: Издательство Сибирского федерального университета.

Созина, Е. К. (2014). 'Целый новый для меня мир': Этнографическая беллетристика К.Д. Носилова в русской литературе рубежа XIX–XX вв. *Quaestio Rossica* (2), 193–211. doi: 10.15826/qr.2014.2.050.

Фуко, М. (2006). Другие пространства. В. П. Большаков (ред.) & Б. М. Скуратов (пер.), *Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью* (с. 191–204; М. Фуко). Москва: Праксис.

Якушенков, С. Н. (2017a). Гетеротопия границы, или должна ли быть граница на замке. *Каспийский регион: политика, экономика, культур*а, (4), 171-178

Якушенков, С. Н. (2017b). Чужие пространства: новые формы гетеротопий современного города. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (12-2), 214-217.

Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2014). Трансгрессия в условиях гетеротопных пространств фронтира. *Каспийский регион: политика, экономика, культура,* (3), 276-284.

Якушенкова, О. С. (2015a). Религиозная трансгрессия в условиях гетеротопии. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета,* (113), 219-229.

Якушенкова, О. С. (2015b). Женская трансгрессия на гетеротопных пространствах фронтира. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (3), 321-326.

References

Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. London, New-York: Routledge.

Boddice, R. (2018). *The history of emotions*. Manchester: Manchester University Press.

Dorogov, D. A. (2017). Beyond Antagonism: Hybrid as a Model of Post-Colonial Queer Subjectivity. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, *20* (5), 39–58. (In Russian).

Foucault, M. (2006). Other spaces. In B. P. Bolshakov (Ed.) & B. M. Skuratov (Trans.), *ntellectuals and power Selected political articles, speeches and interviews* (pp. 191–204; M. Foucault). Moskow: Praxis. (In Russian).

Gramatchikova, N. B. (2015). Finno-Ugric Population of the North of Russia: the view of a Russian ethnographer (based on the essays by S. V. Maksimov "A Year in the North"). *Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 2, Humanities* (3), 69–82. (In Russian).

Gramatchikova, N. B. (2020). K. D. Nosilov. In *History of Literature of the Urals. XIX century: in 2 books.* (Book 2, pp. 1072–1104).Moskow: Publishing House YASK. (In Russian).

Local News. (1847). *Orenburg Provincial Gazette* (38). (In Russian).

Maksimov, S. V. (1859). *Selected works: in 2 vol.* St. Petersburg. (In Russian).

Nicolai, F. (2019). A History of Emotions: Three Versions. *New Literary Review* (2), 289–297. (In Russian).

Nosilov, K. D. (2015). *The Voguls: Essays and sketches* . Moskow: URSS. (In Russian).

Okhapkin, Y. D. (2012). *Trans-Ural wanderer: materials for the biography of K. D. Nosilov.* Yekaterinburg: Bank of cultural information. (In Russian).

Omelchuk, A. K. (1989). *K. Nosilov*. Sverdlovsk: Central Ural Book Publishing House. (In Russian).

Plumper, J. (2018). *History of emotions.* (K. Levinson, Trans.). Moscow: New Literary Review. (In Russian).

Rosenwein, B. H., & Cristiani, R. (2018). *What is the history of emotions?* Cambridge: Polity.

Sozina, E. K. (2010). Ethnographic-colonial subtext as part of the Siberian text: based on the works of K. Nosilov and P. Infantyev. In *Siberian text in the national plot space* (pp. 108–132). Krasnoyarsk: Publishing house of Siberian Federal University. (In Russian).

Sozina, E. K. (2014). "A whole new world for me": ethnographic fiction by K. D. Nosilov in Russian literature at the turn of the 19–20 centuries. *Quaestio Rossica* (2), 193–211. doi: 10.15826/qr.2014.2.050 (In Russian).

Yakushenkov, S. N. (2017a). Heterotopy of the Border, or Should the Border Be Locked Up? *Caspian region: politics, economy, culture,* (4), 171-178

Yakushenkov, S. N. (2017b). Alien spaces: new forms of heterotopias of the modern city. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Issues of theory and practice,* (12-2), 214-217.

Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2014). Transgression in heterotopic frontier spaces. *Caspian region: politics, economy, culture*, (3), 276-284.

Yakushenkova, O. S. (2015a). Religious transgression in the conditions of heterotopia. *Polythematic Network Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University,* (113), 219-229.

Yakushenkova, O. S. (2015b). Female transgression in the heterotopic spaces of the frontier. *Caspian region: politics, economy, culture,* (3), 321-326.

Z-f-r-v. [Zefirov], V. (1852). Udryak-bash, or August 22 in the Meshcheryak canton. *Orenburg Provincial Gazette* (32). (In Russian).

Zadorin, I. & Nemirovskaya, A. (2017). Russian frontier: civic identity at the forefront of the country. *Global social transformations of the 20 – early 21 centuries*, 528–529. St. Petersburg. (In Russian).

Zlobin, S. S. (2014). The concept of hybridity in the work of the Indian cultural scholar Homi Bhabha. *Crimean culture and special historical design* (9), 199–206. (In Russian).

Журнал Фронтирных Исследований. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Фронтир и воображаемые сообщества | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.277

CONSTRUCTING (POST)MEMORY OF TRAUMATIC PAST: TEENAGER'S IDEAS ABOUT THE ERA OF POLITICAL REPRESSION OF THE 1930-1950

Yulia V. Zevako

Institute of History and Archeology, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, Russian Federation. Email: milirita[at]rambler.ru

Abstract

The Museum of Yekaterinburg History, with the support of the Presidential Grants Fund, launched an educational project "You Can't Keep Silence: Practices in Memory of the Era of Political Repression" in 2019. It aimed at finding ways to form a balanced perception of the topic of political repression among contemporary schoolchildren and first-year students (14-19 years old).

The idea of the authors of the project was to find ways to translate dry numbers and facts of documents into a "human" dimension, to emotionally involve the participants and encourage them not only to learn more about the topic, but also to feel it, to shift the perception of the topic from detached to "personal" and "not indifferent".

The organizers asked participants to go through a number of stages to achieve this result. The measurement of the effectiveness of the selected memorization practices and general work on the project was carried out using a specially designed monitoring program. It included filling out "entry" and "exit" questionnaires at the beginning and at the end of the project, as well as questionnaires and short group interviews after participating in an immersive performance and acquaintance with the real archival investigation.

The results of the project allows us to assert that the work of adolescents in the project contributed to a deeper assimilation of humanistic values. This led to a rethinking of the relationship between the state, power and citizen, the strengthening of the separation of the state and power and the formation of reflective patriotism as the most important conditions for successful work with the traumatic, uncomfortable past of our country.

Keywords

memory-studies; trauma-studies; traumatic past; educational experiment; practices of memory; memory of the era of political repression; postmemory

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Journal of Frontier Studies. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Frontier and Imagined Communities | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.277

КОНСТРУИРУЯ (ПОСТ)ПАМЯТЬ О ТРАВМАТИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ОБ ЭПОХЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 1930-1950-Х ГГ.

Зевако Юлия Валерьевна

Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Россия.
Email: milirita[at]rambler.ru

Аннотация

В 2019 году Музей истории Екатеринбурга при поддержке Фонда Президентских грантов запустил просветительский проект «Молчать нельзя рассказывать: практики памяти об эпохе политических репрессий». Его цель состояла в поиске способов формирования взвешенного восприятия темы политических репрессий у современных школьников и студентов первых курсов (14 – 19 лет).

Замысел авторов проекта заключался в том, чтобы найти способы перевести сухие цифры и факты документов в «человеческое» измерение, эмоционально вовлечь участников и побудить их не просто узнать о теме больше, но прочувствовать её, сместить восприятие темы с «отстранённого» к личностному и «неравнодушному».

Для достижения такого результата участникам проекта предлагалось пройти через ряд этапов. Измерение эффективности выбранных практик памяти и в целом работы проекта проводилось с помощью специально разработанной программы мониторинга, которая включала в себя заполнение «входных» и «выходных» анкет в начале и в конце проекта, а также опросных листов и коротких групповых интервью после участия в иммерсивном спектакле и знакомства с настоящим архивно-следственным делом.

По итогам реализации проекта можно отметить, что работа подростков в проекте способствовала более глубокому усвоению гуманистических ценностей. Это привело к переосмыслению отношений государства, власти и гражданина, усилению растождествления государства и власти и формированию рефлективного патриотизма как важнейших условий успешной работы с травматическим, неудобным прошлым нашей страны.

Ключевые слова

memory-studies; trauma-studies; травматическое прошлое; образовательный эксперимент; практики памяти; память об эпохе политических репрессий; постпамять

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха политических репрессий и, в частности, «Большого террора» 1937-1938 гг. – до сих пор остаётся «разделённой памятью» (Сыров 2020, с. 44-52), одним из наиболее «травматичных» сюжетов в истории нашей страны, в отношении которого не достигнут общественный консенсус: он вызывает споры, политически ангажирован и эмоционально пристрастен (Феретти 2002; Ушакин 2009, Bogumil 2012, Sneagon 2019, Зевако 2019).

В 2019 году Музей истории Екатеринбурга при поддержке Фонда Президентских грантов запустил просветительский проект «Молчать нельзя рассказывать: практики памяти об эпохе политических репрессий». Его цель состояла в поиске способов формирования взвешенного восприятия темы политических репрессий у современных школьников и студентов первых курсов (14 – 19 лет) («Молчать нельзя рассказывать» 2020).

Выбор целевой аудитории проекта был продиктован следующими соображениями: как отмечает С. Г. Доронина, «личностная самоидентификация, связанная с принадлежностью индивида к определенному социальному коллективу (группе, корпорации, нации т.д.), активно участвующего в формировании его мировоззрения, осуществляется только в рамках процесса социализации, вместе с которой человек автоматически приобретает знание о коллективном прошлом, запоминание которого обусловлено существованием общих «свободных» мнемонических ассоциаций (2020, с. 37). Возраст 14-19 лет приходится на период осознанной, рефлексивной социализации, когда формируется ценностная и мировоззренческая сфера подростков, а нормы группы могут подвергаться критическому переосмыслению.

Замысел авторов проекта заключался в том, чтобы найти способы перевести сухие цифры и факты документов в «человеческое» измерение, эмоционально вовлечь участников и побудить их не просто узнать о теме больше, но прочувствовать её, сместить восприятие темы с «отстранённого» к личностному и «неравнодушному».

Для достижения такого результата участникам проекта предлагалось пройти через ряд этапов:

1. Погружение в тему репрессий, знакомство с материалами по истории репрессий в Екатеринбурге.

2. Сбор и изучение материала по выбранной тематике внутри темы проекта.

3. Создание собственного высказывания по теме репрессий с помощью кураторов одной из четырёх творческих лабораторий – театральной, арт, медиа и журналистики.

Измерение эффективности выбранных практик памяти и в целом работы проекта проводилось с помощью специально разработанной программы мониторинга, которая включала в себя заполнение «входных» и «выходных» анкет в начале и в конце проекта, а также опросных листов и коротких групповых интервью после участия в иммерсивном спектакле и знакомства с настоящим архивно-следственным делом.

Методологической основой разработки проекта и мониторинга стала концепция «постпамяти» М. Хирш. Согласно данной концепции, постпамять – это «память после памяти», память людей о событии, непосредственными участниками или свидетелями которого они не были. Исследовательница выделяет три уровня «постпамяти»: фамилиальный (функционирует внутри семьи), аффилиативный (вовлекающий; личностное эмоциональное переживание прошлого, которое не коснулось непосредственно твоих предков) и ассоциативный (общепризнанная версия прошлого, разделяемая всеми членами группы; как правило, поддерживается/распространяется государством) (2016а).

М. Хирш предполагает, что формирование «постпамяти» о травматических событиях, когда она выходит за пределы фамилиальной постпамяти и начинает «вовлекать» других людей в этот процесс, как правило, происходит/должно происходить на глубоком эмоциональном уровне за счёт воображения и проецирования, побуждая реципиента «пропустить через себя» «чужую боль», которую испытывали его предшественники, отдалённые от него во времени и пространстве, «присвоить» себе их эмоции и переживания, достигнуть определённой «со-настроенности» и «солидарности» с ними. Через три и более поколений это становится возможным только благодаря выработке специальных «механизмов передачи травматического знания и материализованного опыта» (2016 б).

Доронина С.Г. также отмечает важность появления «устойчивых формальных структур, благодаря которым воспоминания становятся транзитивными» (2020, с. 38).

Дорман В. обращает внимание на то, что «память о советских репрессиях возникает не изнутри и не вблизи, а снаружи и на расстоянии, и ее необходимо… провоцировать, организовывать и собственно формировать». Достижению «символической» близости с жертвами помогает особого рода «прикосновение» к истории: и как реальное прикосновение, телесный, непосредственный контакт человека с

«предметами истории», и как символическое «прикосновение» – через воображение, со-настроенность, эмоции (2010, с. 331).

К таким механизмам формирования, конструирования (пост)памяти можно отнести собранные в комплекс для проекта соответствующие мероприятия: автобусную аудиоэкскурсию «Маршрут памяти» (Автобусная аудиоэкскурсия «Маршрут памяти» 2017), иммерсивный спектакль «Дело Филиппа Загурского» (Автобусная аудиоэкскурсия «Маршрут памяти» 2017), архивную экскурсию в ГААОСО (Государственный архив административных органов Свердловской области, где хранятся архивно-следственные дела репрессированных), непосредственно работу с архивно-следственными делами 1937-1938 гг., встречи с родственниками репрессированных.

Участие подростков в проекте не предполагало навязывание и/или выбор конкретной стратегии постпамяти об эпохе репрессий, среди которых Кирзюк А. и Архипова А. выделяют следующие: (1) путь сопротивления, публичное заявление о преступных деяниях советской власти в отношении собственных родственников, участие в днях памяти репрессированных и т.д.; (2) путь примирения – перекладывание ответственности за репрессии на некомпетентных представителей местной власти; (3) путь бытовой рационализации – нарративы о личных конфликтах (позавидовал, захотел корову, захотел платье), [которые] являются причиной того, что человека сослали, арестовали или расстреляли, акт государства в таких рассказах полностью отсутствует» («Нам бы сейчас товарища Сталина» 2020). Задача состояла в том, чтобы предпринять попытку сформировать «неразделённый нарратив» о травматичном и «неудобном» прошлом с акцентом на ценность человеческой жизни, предоставив последующий выбор или выработку собственной стратегии постпамяти об эпохе репрессий на своё усмотрение каждому участнику.

Исходя из этого, на этапе разработки проекта и мониторинга были выдвинуты следующие предположения:

- на изучение эпохи политических репрессий в школе уделяется мало времени, как следствие, существует информационный дефицит относительно данной темы; информационные пробелы и намеренные умолчания об эпохе политических репрессий на разных уровнях одновременно отражают и порождают противоречивые и конфликтные по своей сути суждения и представления подростков об этой эпохе, способствуя усилению конфликта, а не поиску консенсуса в обществе в будущем, показывают «несостоятельность понимания своего прошлого» («Тяга к Сталину – моральная тупость общества» 2020), отсутствие

осознания важности этих событий в обществе и государстве («Стена скорби», Музей истории ГУЛАГа… 2018, с. 162).

Соответственно, более подробное изучение эпохи, включающее формирование аффилиативного уровня постпамяти, позволит подросткам переосмыслить прежние противоречивые суждения, сделать их более однородными, внутренне согласованными, аргументированными, поможет в большей степени определиться с собственной позицией и отношением к эпохе.

- Как правило, в образовательном, политическом, общественном пространстве говорят о жертвах политических репрессий в общеисторическом статистическом измерении; практика встреч школьников с родственниками репрессированных, как и организация «живых» мероприятий, воздействующих на эмоциональную сферу, спорадична, не выстроена в систему. Как следствие, относительно темы эпохи политических репрессий у школьников не сформирован аффилиативной уровень постпамяти, которая позволяет сочувствовать и проявлять эмпатию, испытывать эмоции по отношению к людям и событиям прошлого. Соответственно, организация для подростков мероприятий, связанных с изучением темы на «человеческом измерении» – через знакомство с судьбами отдельных людей, их опытом переживаний – будет способствовать формированию аффилиативного уровня постпамяти об эпохе политических репрессий, формированию личностного неравнодушного отношения.

- Приобретение опыта «горевания» (Эткинд 2016) как личной практики через формирование аффилиативного уровня постпамяти об эпохе политических репрессий может стать важным «мостиком» к корректировке/формированию более согласованной ассоциативной постпамяти – то есть социальной и политической рамки постпамяти об эпохе политических репрессий. Можно предположить, что схожесть переживаемых личных эмоций будет способствовать формированию схожих социальных представлений и суждений о той эпохе.

- Два ярких для России события XX века: самая главная победа (победа в Великой Отечественной войне), и самое жестокое преступление (массовые политические репрессии) пришлись на правление одного человека – И. В. Сталина. Ассоциативная рамка постпамяти о Великой Отечественно войне, поддерживаемая и пропагандируемая государством, подчёркивает героическую сторону победы и формирует образ И. В. Сталина как мудрого руководителя, «эффективного менеджера», «великого полководца», «модернизатора», который организовал прогресс в кратчайшие сроки («Тяга к Сталину – моральная тупость общества», 2020). Согласованной ассоциативной рамки постпамяти об эпохе

политических репрессий в нашей стране нет (Лебедева, 2018, с. 134)[1]. Фамилиальная и аффилиативная постпамять о данной эпохе по своему содержанию входит в противоречие с официальным дискурсом Великой Отечественной войны. Вероятно, несмотря на формирование афиллиативной постпамяти об эпохе политических репрессий, ассоциативная рамка постпамяти о войне будет эффективнее и не позволит дать однозначно негативную оценку главному организатору репрессий – И.В. Сталину и эпохе политических репрессий в целом, поскольку, по словам Л.Д. Гудкова, такой образ И.В. Сталина очень тешит массовое сознание общества – настолько, что оно готово закрывать глаза на историю террора и репрессий, то есть основу устойчивости тоталитарного режима («Тяга к Сталину – моральная тупость общества», 2020; Петров, 2012, с. 396; «Нам бы сейчас товарища Сталина», 2020)[2].

В качестве методических инструментов мониторинга были использованы Шкала дифференциальных эмоций (ШДЭ) К. Изарда (Куницына 2011), метод ограниченного ассоциативного эксперимента (ОАЭ) (Миронова, 2011, с. 108-119; Иванова, 2013, с. 116-122), метод ранжирования и метод открытых вопросов.

Участие в проекте происходило на добровольной основе, исходя из личного желания обучающегося, которое стало главным фильтром при наборе участников проекта. В начале проекта каждый заполнял «входную» анкету. Всего на участие в проекте заявилось 56 человек, из

1 Эта двойственность ярко показана О. Лебедевой в статье, посвящённой анализу двух музейных «лагерных» экспозиций: «Обе экспозиции признают, что в Советском Союзе лагеря существовали, однако остальные элементы прошлого представлены в них по-разному. В Повенце – героическое советское прошлое, сам канал представляется одним из символов мужества граждан. На Соловках же лагерь представлен как один из элементов широкой сети лагерей, а память о СЛОНе и ГУЛАГе – как память трагическая». Далее автор резюмирует: «В более широком контексте столь серьезная разница между двумя видами памяти показывает отсутствие однозначного отношения к собственному прошлому в России».

2 Гудков Л.Д. отмечает, что пик популярности И.В. Сталина пришёлся на 2012 год и с тех пор имеет тренд на снижение, хоть и незначительное. Петров Н. также в 2012 году указывал на то, что о Сталине «говорят как о «великом государственном деятеле», проводившем, пусть не бесспорную, но последовательную линию на укрепление могущества страны. В скандально известном вузовском учебном пособии А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина «История России. 1917—2009» говорится следующее: «...Сталин, с точки зрения государственности, — великий герой, с точки зрения прав человека, — душегуб и злодей»; Кирзюк А. и Архипова А. на круглом столе, посвящённом вопросам отрицания и памяти о репрессивной политике советского государства, также отмечают оправдательный по отношению к государству и лично тов. Сталину характер нарративов среди большой части населения: «Существует несколько устойчивых типов нарративов, которые смягчают память о репрессиях, делают ее приемлемой... репрессии — это результат каких-то личных конфликтов между людьми, ...результат некомпетентности местных властей, ... наказанные народы на самом деле не были наказаны, а таким образом товарищ Сталин их спасал от фашистов», то есть в любом случае репрессия выступает здесь не в качестве результата государственного насилия.

них – 39 девушек (70 %), 17 – молодых людей (30 %) из разных школ города.

В целом, на разных этапах реализации проекта, хотя бы в одном мероприятии (с заполнением «входной» анкеты) приняли участие 56 человек. Из них во всех мероприятиях от «входной» до «выходной» анкеты приняли участие 14 человек.

Просветительский проект «Молчать нельзя рассказывать» стал своеобразным образовательным экспериментом, попыткой реализации системы мероприятий, связанных с конструированием памяти у подростков о травматичном прошлом своей страны, формированием гражданственности и усвоением гуманистических ценностей.

Все выводы и наблюдения, представленные ниже, репрезентативны именно для исследуемой группы. Тем не менее, с учётом ряда допущений, они могут рассматриваться как тенденции, в целом характерные для учеников старших классов российских общеобразовательных школ, интересующихся эпохой политических репрессий.

В данной статье будут представлены результаты обработки «входных» анкет, в заключении будут выделены некоторые значимые результаты, зафиксированные «выходными» анкетами после реализации проекта.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ОБ ЭПОХЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ДО УЧАСТИЯ В ПРОЕКТЕ

Анализ ответов на вопросы, связанные с уровнем информированности и источниками информации по теме позволил составить первые «штрихи к портрету» группы подростков-участников проекта МНР:

1) только пятая часть участников точно знает, что в их семье были репрессированные («бэкграунд» фамилиальной постпамяти);

2) в разной степени обсуждают с родителями тему репрессий примерно 40% участников,

3) для большинства участников рейтинг основных источников информации о репрессиях распределился так: уроки, документальные фильмы и передачи, внеклассные мероприятия, – то есть образ данной эпохи создают, прежде всего, школа как социальный институт и телевизионно-коммуникационные сети, которые транслируют несформированную и достаточно внутренне конфликтную и неоднородную ассоциативную рамку памяти (или контрпамяти), заложенную в учебниках истории, в документальных передачах и фильмах, заключаю-

щих в себе проекты «политики памяти» об эпохе политических репрессий различных субъектов данной политики.

Отдельный блок вопросов, связанный с изучением мотивации подростков, пришедших в проект («Что вы хотите узнать/прояснить для себя в этой теме?» и «Что вы ожидаете для себя от участия в этом проекте?») позволил зафиксировать неудовлетворённый запрос на само «знание» о репрессиях, на информацию по самым разным аспектам данной темы. Если взять совокупность ответов по двум вопросам (56×2 = 112 – 10 (отказы) =102 как 100%), мы получим следующую конфигурацию:

1) *когнитивный уровень* (далее – К-уровень) демонстрирует знание и информацию = 63,7%;

2) *эвристический уровень* (далее – Э-уровень) демонстрирует понимание событий и мотивов людей = 21,5%;

3) а*ффективно-аксиологический уровень* (далее – АА-уровень) демонстрирует желание получить эмоциональный опыт и ожидание личностных ценностных трансформаций = 11,8%;

4) *прагматический уровень* (далее – П-уровень) демонстрирует желание создать конкретный продукт, достигнуть конкретную цель = ок. 3%.

Таким образом, структура запросов и ожиданий показывает те дефициты, которые существуют у заинтересованных подростков, а также достаточно высокий уровень личностной значимости темы для них.

С точки зрения концепции «постпамяти», информационный дефицит относительно эпохи репрессий во многом связан с отсутствием согласованности между ассоциативным и фамилиальным уровнями постпамяти, отсутствием общепринятого (не обязательно единственного) нарратива и его широкой популяризации. Всё это не позволяет подросткам самостоятельно найти однозначные ответы на стандартный набор вопросов относительно любых исторических эпох (что? кто? где? почему? зачем? для чего? как? и т.д.). Подобная неясность пробуждает интерес, любопытство, стремление узнать, понять и разобраться, почему эта тема такая спорная, неоднозначная и табуированная. Именно эмоции интереса, удивления и печали были зафиксированы с помощью шкалы Изарда как наиболее интенсивные у подростков в отношении темы эпохи политических репрессий.

Большой интерес представляют результаты анализа задания по работе с суждениями, тем или иным образом оправдывающими или осуждающими политические репрессии 1930-х-1950-х гг. Отсутствие единого консенсусного нарратива об этом периоде истории порождает неоднозначность в его оценках и, как следствие, неуверенность под-

ростков в правильности своих суждений и мыслей (поскольку «правильность» может быть подвергнута сомнению в связи со сменой угла зрения). Это было отчётливо видно по тому, что подростки гораздо чаще выбирали в качестве ответа не однозначный вариант «полностью согласен» / «полностью не согласен», а «сомневающийся» – «больше согласен, чем не согласен» / «больше не согласен, чем согласен». Подростки, выбиравшие ответ «мне всё равно», при интерпретации результатов объединялись в группу «неопределившиеся». Ввиду этих обстоятельств для удобства анализа ответы в диаграммах были сгруппированы следующим образом: а) «не согласен» / «больше не согласен, чем согласен», б) «согласен» / «больше согласен, чем не согласен», в) «мне всё равно», г) «больше согласен» / «больше не согласен».

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие наблюдения. Примерно пятая часть подростков-участников проекта склонна к оправданию политических репрессий 1930-х-1950-х гг., считая приведённые аргументы вполне достаточными. Только половина подростков отметила своё несогласие с представленными суждениями. Любопытно, что во всех трёх случаях доля неопределившихся также составляет примерно половину опрашиваемых. Однозначные ответы получили вопросы, связанные с преувеличением масштабов репрессий и оправданием репрессий победой в Великой Отечественной войне (несогласие выразили 2/3 подростков). Однако если посмотреть на долю неопределившихся, она вновь колеблется в районе 40-45 %.

Та же ситуация складывается и с зеркальными утверждениями, то есть осуждающими политические репрессии.

Примерно 2/3 подростков так или иначе согласились с представленными утверждениями, при этом вновь 1/5 часть респондентов выразила несогласие и более половины – не определились до конца с собственной позицией.

Эти данные подтверждают выдвинутый ранее тезис о наличии у заинтересованной аудитории участников проекта определённого информационного дефицита относительно данной темы, который не может быть восполнен привычными способами (информация из учебника, разговоры с родственниками, просмотр документальных фильмов и передач). Полученные данные показывают, что «спорность, неоднозначность и табуированность» не позволяют выработать чёткую и ясную позицию, побуждают сомневаться в верности собственного ответа. С другой стороны, именно «неопределившаяся» аудитория подростков в большей степени проявляет «интерес, любопытство, стремление узнать, понять и разобраться».

Несмотря на то, что ребята проявляют достаточно высокую информированность о том, кого считали репрессированными, более 60 % участников отмечают большой недостаток информации об эпохе политических репрессий как в семье (фамилиальный уровень постпамяти), так и в обществе (ассоциативный уровень постпамяти).

Любопытным моментом в заполнении анкеты был выбор суждения из предложенных для собственного комментария.

Анализ пояснений, которые респонденты давали к одному или нескольким утверждениям (по выбору), раскрывая свою позицию, позволяют сделать следующие заключения.

Даже при немногочисленной аргументации очевидно, что дискурс оправдания строится вокруг победы в Великой Отечественной войне, успехах и процветании государства, которое являются целью, а жизнь и смерть человека – это естественные состояния, которые нет необходимости драматизировать. Такую позицию можно назвать государственнической. Она вписывается в современный официальный дискурс памяти о Великой Отечественной войне, транслируемый государством. Сформированная таким образом ассоциативная постпамять о Великой Отечественной войне накладывает отпечаток на представления о предшествующем ей периоде Большого террора. В условиях отсутствия такого же большого консенсусного нарратива об эпохе политических репрессий для некоторой части подростков ассоциативная рамка памяти о войне перекрывает значимость памяти о репрессиях, искажает её масштабы.

Напряжение между необходимостью репрессий и страхом перед их ужасами раскрывается в ряде «двойственных» ответов, построенных по известной школьникам схеме «с одной стороны…, с другой стороны…».

В «двойственных» ответах ярко прослеживается столкновение эффективной ассоциативной рамки постпамяти о Великой Отечественной войне, которая закладывается с ранних лет через самые разные институты социализации и активно поддерживается государством, и гуманистических ценностей, развитие которых также поощряется государством через разнообразные программы повышения правовой и финансовой грамотности школьников, развитие волонтёрства. В итоге «в голове» подростков сталкиваются государственнические и гуманистические позиции, часто по своей сути противоречащие друг другу: если думать о прошлом предлагается с позиции «государство – главная ценность», то о современности «личность – главная ценность». Однако в реальности, особенно подросткам, довольно сложно провести подобную грань: сторонники государственнической позиции могут

экстраполировать её на сегодняшний день, поощряя и/или оправдывая те явления, которые были описаны ими в понятии «репрессии/политические репрессии», в то время как сторонники гуманистической позиции (в самых крайних взглядах) могут осуждать любое проявление «сильной руки государства» не только в настоящем, но и в прошлом.

Подобная рассогласованность ценностей затрудняет поиск общественного консенсуса по поводу эпохи политических репрессий, подрывает доверие государству со стороны подростков.

Третья группа ответов – осуждение репрессий – наиболее многочисленная и показывает высокий уровень усвоения гуманистических ценностей и их личностной значимости для большой части современных подростков, интересующихся эпохой политических репрессий. В данной группе можно выделить два крупных блока:

(1) «страдание невинных не может быть оправдано ничем».

(2) «СССР мог выиграть войну без политики репрессий, победа в Великой Отечественной войне не оправдывает репрессий».

Вновь основная риторика строится вокруг победы в Великой Отечественной войне. Здесь более чётко сформулирована и видна рассогласованность важнейших государственных идеологем (государственнической позиции, ориентированной, прежде всего, на прошлое, и гуманистической, ориентированной на настоящее и будущее), осмысление разницы между которыми требует значительных интеллектуальных и эмоциональных усилий и осознанного нравственного выбора.

Таким образом, ассоциативная рамка постпамяти о Великой Отечественной войне в определённой своей части входит в конфликт с современными и актуальными для подростков ценностями, подрывая доверие к главному актору официального дискурса – государству. Осмысление исторических событий, особенно столь важных, как победа в войне, с точки зрения предшествовавшего ей периода Большого террора 1937-1938 гг. в свете современных ценностей и ориентиров приводит не только к кризису доверия государству, но и, как следствие, дискредитации патриотизма.

Запрос на поиск такого согласования среди заинтересованной подростковой аудитории и желание говорить о том, что раньше скрывали и о чём говорить боялись, можно обнаружить в комментариях к тезисам про уровень информированности о теме. Комментарии можно разделить на 2 группы: (1) семья и память об эпохе политических репрессий, (2) государство и память об эпохе политических репрессий.

Подростки озвучивают трудности формирования постпамяти об эпохе политических репрессий как на фамилиальном, так и на ассоциативном уровнях, называя среди причин нежелание рассказывать об этом в семейном кругу, отсутствие интереса к семейной истории и истории вообще у подростков, желание государства «выставлять жизнь только с лучшей стороны» и, как следствие, отсутствие масштабных мероприятий, рассказывающих обо «всех ужасах прошедших лет» – то есть, прежде всего, информационный дефицит, зафиксированный нами по ответам на другие вопросы.

Какова внутренняя структура данного рассогласования? Есть ли возможности и предпосылки для такого согласования в представлениях/мировоззрении самих подростков? Данные ограниченного ассоциативного эксперимента (ОАЭ), где подросткам надо было написать по три ассоциации («что/кто?», «какой?», «что делает?») к 9 словам-стимулам: «государство», «СССР», «Родина», «гражданин», «власть», «Россия», «репрессии», «Сталин», «патриотизм», показывает следующее.

Для каждого слова-стимула в результате обработки данных было сформировано ассоциативное поле (далее – АП). Семантический анализ каждого АП помог выделить ключевые характеристики соответствующего концепта, а анализ концептов по группам с помощью кругов Эйлера позволил сравнить ассоциативные поля и выделить основные точки напряжения в соотношении и осмыслении предложенных концептов изучаемой группой подростков.

Ассоциативное поле концепта **«государство»** можно разделить на следующие смысловые группы:

1 Персонификации: *Россия2, РФ.*
2 Сущностные признаки: социальная организация *(институт3, система2, устройство, организованное, общество, общественный, социальный, государство, объединение),* территория *(страна7, территория5),* аппарат принуждения *(аппарат, работающий аппарат насилия, инструмент угнетения народа),* закон *(законы),* суверенитет *(автономная, самостоятельность),* *население *(народ), многофункциональное, монополия, экономическая, существует3*
3 Функции-ожидания: управление и контроль *(управляет3, правит2, регулирует3, контролирует3, руководит, власть3, властвует, властное, действует),* обеспечение безопасности и защита *(защищает8, защищает права, охраняет, бережёт, заботится о народе, обязано),* *анти-функции и негативные ожидания: подавление *(давит, убивает).*

4 Субъективно-оценочное ощущение: сила и мощь *(сильное3, сила3, мощное3, большое2, огромное, великое, величество),* значимость *(серьёзное, важность, родная),* развитие *(растёт, развивается, индустриальное),* единство и общность *(единство2, объединенная, общий, целостный)* свобода *(свободное3, независимый),* неопределённость будущего/настоящего/прошлого *(шаткое, неоднозначный),* неподконтрольность и опасность *(самоуправное, смертельный, гниль, за что?, то, с чем нельзя не согласиться).*

5 Институционально-политические характеристики: политический режим *(демократия, демократическое),* форма правления *(республика),* элементы и субъекты политической системы *(Госдума, Правительство, президент, граждане),* верховенство закона *(конституционный, справедливость),*

Человек и государство находятся в субъектно-объектных отношениях. Можно выделить страхи и опасения человека относительно того, что государство будет делать что-то против него, а человек в качестве объекта ничего такому поведению государства противопоставить не может, кроме надежды на то, что такого не произойдёт; в ином случае – это будет не зависящий от него факт, реальность, к которой человеку надо будет приспосабливаться.

Ассоциативное поле концепта **«власть»** можно разделить на следующие смысловые группы:

1 Персонификации: *люди2, государство2, страна, Дума, аппарат, правительство, правитель, лидер, Путин, твари.*

2 Сущностные признаки:
  2.a закон2, права, право,
  2.b инструмент,
  2.c способность, завораживать, власть это наркотик,
  2.d политическая, консервативна.

3 Функции-ожидания:
  3.a Положительные: управление и контроль *(управление5, правление2, направляет, контроль3, регулирует, руководит, чёткость),* обеспечение безопасности и защита *(защита2, наводит порядок, правила, обязывает, бдит, строгость,),* созидательность и подконтрольность людям/для людей *(послушный, создаёт, осуществляет, понимающая, решающий, решает, улучшать, творит, амбициозная);*
  3.b Вызывающие опасения = искажения: ~~управление и контроль~~ *=> диктует, командует, следит;* ~~обеспечение безопасности и защита~~ *=> убивает, убирает, карает;* ~~созидательность и подконтрольность людям/для людей~~ *=> подчи-*

няет, поглощающая, порабощает, обогащается, не понимает людей, ухудшает.

4 Субъективно-оценочное ощущение:

4.a Положительные: сила и значимость *(сила7, сильная5, важная, влияющая, влиятельный, могущество, обязательная),* созидательность и человекоориентированность *(ответственная3, справедливая3, социальная, подчинённая, равноправие, равноправная, общая);*

4.b Вызывающие опасения: тотальность *(абсолютная2 всеобъемлющая, самодержавная, диктаторская, неоспоримая, единоличность),* неподконтрольность и опасность *(подавляющая2, жестокая3, жесткий, концентрация насилия),* разрушительность и ориентированность на себя *(властная2, властвующий2, нечестная2, несправедливая, лгать, коррупционная, неустраивающая, привилегия).*

В структуре АП преобладают негативные коннотации.

Отношения с властью у человека также субъект-объектные, где власть – субъект, а человек – объект приложения её воли и действий, он чувствует себя дистанцированным от неё, этому произволу власти он ничего противопоставить изнутри не может. Более того, если государство ещё идеализируется, то власть в большей степени персонализируется и наделяется негативными чертами. Нынешняя власть мыслится подростками как уже искажённая – опасная, тотальная, ориентированная на себя.

Ассоциативное поле концепта **«гражданин»** можно разделить на следующие смысловые группы:

1 Персонификации: *человек21, житель7, физ.лицо, мы, Я, народ,*

2 Сущностные признаки: член общества, часть, основа, представитель государства,

3 Типы:

3.a положительный активный *(свободный3, ответственный5, права5, имеющий права2, отстаивает, действует, свобода, говорить, активный, человек с гражданской позицией, участвует, мнение, голос2, выбирает);*

3.b положительный пассивный *(законопослушный3, закон, послушный2, подчиняется2, соблюдает, выполнять, исполняет свои обязанности, обязанности2, примерный, молчит, беззащитен, наблюдает).*

4 Идеальный образ «Я»:

4.a Деятельность: *живёт9, живущий3, защищает, служит, существует, знает, уважает её, благоустраивает, работает, работающий, помогает, обеспечивает (нрзб);*

4.b Самоописание: *обычный2, усреднённый, честный6, важный, красивый, верный, умный, надеющийся, разные, преданный, порядочный, думающий, всесторонний.*

В структуре АП преобладают положительные коннотации. Чётко выделяются две противоположные стратегии поведения в обществе – активная и пассивная, при этом у участников проекта нет единства во мнении – каков он, «правильный гражданин»:

(1) положительный активный тип гражданина – это субъект, который хочет противопоставить себя произволу, искажениям власти в государстве, влияющим на её решения, отстаивающим свои права и т.д.;

(2) положительный пассивный тип гражданина – это объект, занятый своими повседневными делами, работает, благоустраивает свою жизнь, живёт, служит, защищает, но при этом послушно и молча выполняет то, что говорит власть и государство, даже если это искажённые функции и произвол.

Тем не менее, через данную категорию – «гражданин» – часть подростков себя субъективировала, отделила от фигуры государства (заботливого отца) и власти (своеобразного опекуна-управителя), то есть вышла за пределы классической патерналистской модели отношений «человек-государство».

Ассоциативное поле концепта **«Родина»** можно разделить на следующие смысловые группы:

- Персонификации: *мать4, семья, дом10, место2, место рождения3, земля, территория, край, страна, мир2, Екатеринбург, Россия4, Русь, отечество4, абстрактное место.*
- Сущностная характеристика*: моя2, начало, первый, одна.*
- Функции-ожидания:
  - От Родины к человеку: *защищает2, призывает2, заботится2, существует2, есть, растит, разрастается, рожает, развивается, выращивает чувство долга и патриотизма, патриотизм, держит, не сдаётся, воспитывает, ценит, охраняет, учит, принимает, возрождает, притягивает, определяет, создающее людей, слышит* [образ матери];
  - От человека к Родине: *защищаешь, защищать2, любовь3, любить2, гордиться, то, что нельзя предать, жить* [образ преданного сына и защитника].
- Субъективные характеристики:

- Позитивные: *родная8, любимая5, любимый2, разная2, красивая2, живая2, прекрасная, приватная, важная, важная часть, объединяет, своя, добрая, великая, комфортный, близкое, близкие;*
- Негативные: *проблематичная, проблема, убожество, страшный, сажает, слабая, не развивается, не помогает, инструмент, цепь для человека, тяжёлая, убежать.*

В структуре АП преобладают положительные коннотации. Отношения Родины и человека в большей степени субъективированы, нежели с государством и властью, но имеют предзаданный характер: активность человека предназначена для того, чтобы любить, защищать, оберегать свою Родину, то есть можно отметить, что это ограниченная субъектность.

Ассоциативное поле концепта **«Россия»** можно разделить на следующие смысловые группы:

1 Персонификация: *дом, государство4, родина9, страна12, страна, в которой проживает много наций, Путин.*
2 Сущностные характеристики: *моя, русская, территория, держава2.*
3 Функции/действия-ожидания:
   3.a Положительные: *живет, борется2, строит, управляет, делающая что-либо, побеждает, вспоминает, объединять, гонит вперёд, развивается2, процветает3.*
   3.b Вызывающие беспокойство и опасения (искажения): *продаёт (Китаю лес), не защищает, пугает, терять, конфликтует, мешать, воюет, падает.*
4 Субъективные характеристики:
   4.a Позитивные: *великая3, огромная3, разнообразная2, свободная3, большая10, современная, красивая, сильная, родная, любимая, близкий, священная, необъятная, круто, патриотизм;*
   4.b Негативные: *противоречивая, слабость, слабая, властная, ненависть, приходит в упадок, заблудившееся государство, недоразвитая, люди не развиваются, запущенная, дыра, кризис.*
5 Институционально-политические характеристики: *Федерация3, демократия, демократическая, республика, суверенная, светское, индустриальная.*
6 Темпоральная характеристика: *существует4, настоящее, традиции, холодная, дореволюционная, переворачивающаяся с ног на голову, сложная и невероятная история.*

С институционально-политической точки зрения Россия мыслится подростками ближе к государству, нежели текущей политической власти, которая представляется как исключительно авторитарная (в разных вариантах). Анализ АП показывает, что «власть» не равно ни «государство», ни «Россия», хотя негативное отношение к текущей власти накладывает отпечаток на восприятие государства, России и патриотизма.

В отношениях с «Россией» человек не выражен в качестве действующего субъекта; она выглядит как самоценное и самостоятельное антропоморфное существо: её можно любить, ненавидеть, чего-то от неё ожидать, но от этого она не перестаёт быть, её существование не связано с деятельностью и активностью отдельного человека.

Темпоральная характеристика привносит ясность в осмысление подростками концепта «Россия». Можно зафиксировать противоречие между настоящим, прошлым и будущим, где прошлое представлено достаточно положительными характеристиками, выражены надежды на будущее, в то время, как негативные характеристики описывают прежде всего настоящее

Можно предположить, что такая темпоральная конфигурация отражает недоверие и неприятие подростками России как текущего государства, текущей власти и навязанного ею патриотизма. В данном случае угол зрения определяет язык дискурса: «Как можно любить эту страну – ужасную, отсталую, недоразвитую, запущенную, с коррупционной властью?» не равно «Я очень люблю Россию – это мой родной дом, близкий, любимый, красивый, необъятный» (диапазон: от «критик=ненавистник» до «патриот=слепой патриот»).

Ассоциативное поле концепта **«Патриотизм»** можно разделить на следующие смысловые группы:

1 Персонификация:
   1.a адресат: *Родина, Россия, государство, страна;*
   1.b адресант: *гражданин, русские.*
2 Сущностная характеристика: *чувство7, любовь4, вера3, качество2, принцип, черта человека, черта, идея2, идеология, слово, убеждение.*
3 Функции:
   3.a функции по отношению к адресату*: любить, любовь к государству, искренняя любовь к своей стране, к родине, любовь к родине, защищать7, защищает родину, гордиться, служить, верность, верный, ответственный, долг;*
   3.b функции по отношению к адресанту*:*
      b.i положительные: *зарождающий гордость, даёт веру, даёт надежду, побуждает к действиям, сплачивает,*

поддерживает, вызов эмоций, объединяет, ставит приоритеты, воспитывается;

b.ii нейтральные: *возникает2, растёт, рассказывает, процветает;*

b.iii отрицательные: *навязывается3, удерживает, прокачало страну.*

4 Субъективные характеристики:

4.a позитивные: *сильный4, сила, крепкий, надёжный, достойный, честный, любящий, близкий, близкое, важное, святое, благо, верующий, нравственный, слава, повсеместные, неотъемлемый, природный, самоопределённый;*

4.b негативные: *лишний, презрение, неоправданная гордость, слепой, незаслуженный, отсутствует, спорный, всеобъемлющий, используемое чувство, прибежище, мерзкая, странность, ради чего?, дедовщина, не либерализм, лобызать, дурной.*

Можно отметить сложную «внутреннюю» структуру концепта «патриотизм». Здесь присутствует 3 субъекта: адресат патриотизма (Родина, государство), адресант (гражданин), неявный третий субъект – тот, кто воспитывает («воспитывается») или навязывает («навязывается») патриотизм. Согласно представлениям подростков, патриотизм может возникнуть естественным образом, но всегда подспудно присутствует направляющая сила, которой могут быть, например, родители, семья, а может быть «власть» как носитель «идеологии».

В таком случае противоречивое/негативное/недоверчивое отношение к власти переносится на её активность и идеологию, в том числе, на патриотизм.

Кроме того, необходимо различать патриотизм по отношению к родному дому и Родине и патриотизм к стране, государству: первый мыслится подростками как естественное «природное чувство», второе – как навязываемая идеология.

Ассоциативное поле концепта **«СССР»** можно разделить на следующие смысловые группы:

1 Персонификации: *Союз советских социалистических республик, союз9, государство3, страна2, большая объединённая страна, власть, пионер.*

2 Сущностная характеристика: *объединение, сверхдержава, держава, содружество, коллектив.*

3 Функции/действия, реализованные в прошлом:

3.a Созидательные: *строит2, объединяет, сплочает2, управляет, побеждает, сотрудничает, процветает, строит коммунизм, сыграло роль в развитии страны;*

3.b Разрушительные (то, что подросткам в советском прошлом, каким оно им представляется, не нравится): *вызывает ужас, угрожает, ущемляет, борется, диктует, страх, воевать, контроль, закрывается, репрессии, наказание, грубое отношение.*

4 Субъективные характеристики:

4.a Позитивные: *сильное2, сила, единое2, единство, равные2, нерушимый2, большой, прогресс, великое, привлекательное, дружный, многонациональный, мечта, патриотизм, коммунизм, гордиться, гордость, красивое, надежда, необычный, значимый;*

4.b Негативные: *отпугивающие извращённые идеалы, провалившийся эксперимент, одинаковость, несправедливый2, перемолотый.*

5 Институционально-политические характеристики: *социализм3, коммунистическая2, тоталитарный2, система, консерватизм.*

6 Темпоральная характеристика: *развалился3, распался2, прошлое3, прошедший, оставляет след, не существует, был, умерло, распадается, распад, страна, которой нет, тяжёлое время, период.*

Обращает на себя внимание темпоральная характеристика: для подростков-участников проекта «СССР» – это прошлое, период истории, который уже завершился, хоть и «оставил след», а сам СССР уже «развалился», «не существует», хоть и «сыграл роль в развитии страны». Эта тенденция подтверждается в персонификациях и сущностной характеристике – здесь нет притяжательных местоимений «моя», «своя», «родной», «дом» (как это было относительно концептов «Россия» и «Родина»), отсутствуют обозначения личной причастности и привязанности.

Временная и эмоциональная дистанцированность подростков от «СССР» подталкивает на мысль интерпретировать остальные реакции с точки зрения страхов и ожиданий (надежд) по отношению к настоящему и будущему в рамках своей страны – России. Страхи сконцентрированы вокруг консервации существующей политической системы и превращения её в тоталитарную, несправедливую, которая «вызывает ужас», «угрожает», «ущемляет», «борется со своим народом», «диктует», «контролирует», «осуществляет репрессии», грубо относится к своим гражданам. Ожидания-надежды («мечта») – что Россия (с)может быть «великим, «сильным», «дружным» и «нерушимым» государ-

ством, «сверхдержавой», «большой объединённой страной», «красивой» и «привлекательной», которая вызывает гордость и патриотизм. Несмотря на то, что для части подростков «СССР» – это «провалившийся эксперимент» и «извращённые идеалы», советский период мыслится подростками как неотъемлемая часть, неотчуждённое прошлое своей страны.

Ассоциативное поле концепта **«Репрессии»** можно разделить на следующие смысловые группы:

1 Персонификация (субъект): *Ленин, Сталин, государство.*
2 Характеристика:
   2.a Сущностная: *мера, меры2, средство, метод, инструмент государства;*
   2.b Институциональная: *политика, внутренняя политика, политические, очень строгий режим, придерживается системы;*
   2.c Темпоральная: *период, суровая эпоха, 1930.*
3 Объект: *раскулаченные, народ.*
4 Функции:
   4.a Негативные: *наказания3, расправа, карают, уничтожают.*
   4.b Позитивные: *помогают, очищают.*
5 Методы: *давление, притеснения, гонения, нападение, насилие4, ссылки людей или расстрел, ущемляет, подавляет, ломают, угнетали, убивают12, губят2, смерть, уничтожение.*
6 Субъективные оценки:
   6.a Отрицательные: *несправедливость, несправедливый, неоправданные2, жёсткость, жестокость4, жестокая, жестокие7, ужасное2, бессмысленные, кровавое, пугающие, несоразмерный (к мерам), незаслуженные, лицемерие, ошибка;*
   6.b Положительные: *правильные, необходимость, неизбежные*
7 Личные переживания/эмоции: *страшно3, ужас2, печально2, противостоять, месть, боль.*

Репрессии осмысливаются подростками как «жестокий», «бессмысленный» и «несправедливый» «инструмент», который «государство в лице своих правителей «суровой эпохи» 1930-х гг. направило против «народа», «уничтожая» неугодных с помощью «расправ» и «насилия». Всё это вызывает у большинства подростков «страх», «ужас», «боль», «печаль», желание противостоять подобным явлениям. Тем не менее, небольшая часть подростков считает репрессии

«необходимой» и «правильной» мерой, которая помогает «очистить» государство. Именно поэтому в АП появляются ассоциации «спорно», «обсуждают».

Если сравнивать концепты «репрессии», «государство» и «власть», можно отметить, что по смысловому наполнению репрессии ближе к власти, более того, они усиливают негативные черты власти, искажающие добрую природу государства, доводят их до предела (например, если власть «строгая», то репрессии «очень строгие» и т.д.) Соответственно, можно предположить, что репрессии в представлениях подростков – это не «безумие государства», а именно «безумие власти».

Если представить концепты «Родина», «государство», «власть» и «репрессии» в определённой взаимосвязи, то можно увидеть следующую конфигурацию: есть любимая Родина, на ней есть государство, которое нужно для защиты человека и выполнения важных жизнеобеспечивающих функций, но оно может портиться, часто его портит власть, которая искажает нормальное государство, противоречит нашим ожиданиям, думает только о себе, а репрессии – это доведённые до предела негативные черты власти, полное противоречие ожидаемым функциям государства (как они видятся подросткам), то есть они антиприродны и противоестественны.

Ассоциативное поле концепта **«Сталин»** можно разделить на следующие смысловые группы:

1 Персонификация (личный бренд): *усатый3, трубка.*
2 Сущностная характеристика: *человек7, человек, умело использующий власть, диктатор7, правитель6, строгий правитель, вождь5, тиран, революционер, личность, лидер, глава, деятель, товарищ, лицедей, грузин, предатель.*
3 Функции/действия/(анти)достижения:
    3.a Позитивные: *управляет2, правит, править, объединяет, защищает, поднимает страну, контролирующий, руководит, руководит страной, создал государство нового строя, управляющий, решительный, заботится, непреклонный, ведёт, делает, побеждает, победил, верующий;*
    3.b Негативные: *убивает2, уничтожает2, тиранизирует, расстреливает, репрессирует, подчиняет людей, угнетал, заставлять, война2.*
4 Субъективные характеристики:
    4.a Положительные: *строгий5, сильный3, могущественный, серьёзный, суровый, важный;*

4.b Отрицательные: *жестокий7, жестокость, неоправданная жестокость, властность жёсткий, несправедливый, опасный, не очень хороший, импульсивный.*

5 Личные переживания/эмоции: *отторжение.*

В сочетании с анализом предыдущих концептов, можно предположить, что концепт «Сталин», как и концепт «СССР», связан в большей степени не с осмыслением прошлого, а с переживаниями по поводу настоящего и будущего. Положительные характеристики Сталина коррелируют с положительными функциями-ожиданиями от государства, только персонифицированными в личности правителя. Негативные характеристики, в свою очередь, коррелируют с выявленными опасениями подростков по поводу искажения «здоровых» созидательных функций государства властью, высшей точкой которого становятся репрессии.

Любопытным является факт, что в отличие от «СССР», по отношению к которому у подростков можно зафиксировать сложившуюся темпоральную дистанцию, «Сталин» принадлежит одновременно и прошлому, и настоящему, воплощая в своей фигуре нарастающие в современной России противоречия между тенденциями политического развития (усиление государственничества) и усвоенными подростками гуманистическими ценностями. Данное напряжение отчётливо видно в схожих реакциях на концепты «СССР», «власть».

В представлениях подростков, общее ядро концептов «государство», «власть», «гражданин» составляют «важность», «обязанность» (человек=выполняет, государство= /само/ обязано, власть =/сама/ обязывает), «защита», «закон», то есть они связаны обязательствами по отношению друг к другу, основанными на праве и законе, которые каждый должен соблюдать и подчиняться им (власть создаёт, государство обеспечивает, человек подчиняется и соблюдает). Соответственно, власть наводит порядок, издаёт законы, государство заботится о народе, защищает его, обеспечивает права человека, который ведёт себя законопослушно и ответственно. С точки зрения подростков таков идеальный образ взаимоотношений человека, власти и государства.

Таким образом, выявленные представления подростков о 9-ти предложенных концептах показывают сильное внутреннее напряжение в осмыслении понятий «государство», «власть» и «гражданин» (как в отношении прошлого, так и в отношении настоящего), усиливающее диспозицию «государственническая концепция» vs «гуманистическая концепция».

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ОБ ЭПОХЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ПОСЛЕ УЧАСТИЯ В ПРОЕКТЕ

Представленный ниже анализ включает сравнение не только «общей» («до» начала участия в проекте) и «выделенной» («после» завершения участия в проекте) групп, но также сравнительную характеристику «общей» и «выделенной» групп до начала участия в проекте. Такой подход, продиктованный обстоятельствами, поможет более точно выявить и проанализировать эффекты, произведённые на подростков участием в проекте МНР.

Рассмотрим «входные» характеристики выделенной (N=14) и общей (N=56) групп подростков. Ответы на вопрос «Были ли в Вашей семье репрессированные?» распределились примерно одинаково: только пятая часть имеет бэкграунд фамилиальной постпамяти об эпохе политических репрессий, остальные либо не знают о репрессированных родственниках, либо таковых не имеют.

Тем не менее, в семьях примерно 50 % подростков выделенной группы (против 41 % в общей группе) родители также интересуются и обсуждают тему эпохи политических репрессий, тогда как 36 % (против 50 % в общей группе) участников эту тему с родителями не обсуждают. Таким образом, для половины выделенной группы подростков семья является средой, в которой они могут, хотя бы частично, реализовать свой интерес к теме. Тот факт, что они пришли в проект, говорит о более высоком, по сравнению с общей группой, уровне заинтересованности в изучении темы эпохи политических репрессий, стремлении углубить свои знания.

Несмотря на то, что родители проявляют интерес к обсуждению данной темы, первым источником информации об этой теме они стали лишь для 1/7 участников выделенной группы. По остальным позициям рейтинг основных источников информации распределился таким же образом, как и в общей группе: уроки, документальные фильмы и передачи, внеклассные мероприятия. Это говорит о произвольном, более осознанном и целенаправленном интересе выделенной группы подростков к теме репрессий.

Некоторую разницу между общей и выделенной группами показывает сравнение ответов на вопросы об ожиданиях и мотивации в «входных» анкетах:

1) *когнитивный уровень* [далее – К уровень] (ответы сформулированы со словом «узнать/знание/информация»: 63,7% против 53,6%);

2) *эвристический уровень* [далее – Э уровень] (запрос направлен на понимание происходивших в то время событий, а также мотивов лю-

дей, так или иначе участвовавших в этих событиях – палачей, жертв, общества в целом: 21,5% против 25%);

3) а*ффективно-аксиологический уровень* [далее – АА уровень] (ответы связаны с желанием получить эмоциональный опыт, поделиться впечатлением/мнением/узнанным, с ожиданием личностных эмоциональных/ценностных трансформаций: 11,8% против 21,4%);

4) *прагматический уровень* [далее – П уровень] (ответы связаны с желанием создать конкретный продукт, достигнуть конкретную цель: 3% против 10,7%).

Ответы на эти вопросы вновь показывают изначально более высокий уровень знаний и заинтересованности у выделенной группы в изучении темы эпохи политических репрессий, запрос на более глубокий уровень погружения в тему и её осмысления.

Таким образом, по сравнению с общей группой, выделенная изначально характеризовалась как более подготовленная (К уровень) и заинтересованная (Э уровень, АА уровень и П уровень) в теме исследования эпохи политических репрессий.

Перейдём к анализу изменений, произошедших у подростков в результате участия в проекте.

Данные по частоте встречаемости отдельных элементов в определении понятия «репрессии/политические репрессии» показывают, что, в отличие от общей группы, выделенная группа в большей степени делала акцент на субъекте и причинах (государство/правительство защищает строй и т.д.), нежели на объекте и методах (народ/группы людей … притесняли, угнетали и т.д.). Это значит, что выделенную группу больше интересовал политический аспект темы, она была изначально более заинтересована в изучении социально-политической действительности в стране. С точки зрения уровня понимания, для этой группы важнее было обозначить не знаниевую характеристику (репрессии – это *что* и в отношении *кого*, то есть запрос на когнитивном уровне), а выявить причинно-следственную связь – ответить на вопросы *кто* это делал и *почему* (запрос на эвристическом уровне).

После реализации проекта в ответах подростков значительно выросли показатели по всем элементам – определения стали более полными. Знакомство с личными историями через встречи с родственниками, иммерсивные практики, знакомство с архивно-следственными делами побудило выделенную группу подростков сместить акценты: связка «субъект-причина» уступает место связке «метод-субъект-причина», что говорит об осмыслении подростками таких вопросов в контексте темы эпохи политических репрессий, как «соразмерность преступления и наказания» и «оправдывает ли цель средства её дости-

жения». Близкое по количеству упоминаний в определениях причин и объекта показывает некоторую дилемму: что важнее – знать, *кого* репрессировали, или *почему*?

С точки зрения значимости элементов определение понятия «репрессии/политические репрессии» можно выстроить по схеме: метод-субъект-причина-объект.

Описание метода дополнилось деталями – *«наказание», «ограничения и другие виды наказаний», «методы карающего характера», «карательные меры», «карательные насильственные меры», «узаконенное насилие», «массовое проявление насилия», «особые силовые меры, сопровождающиеся массовым или точечным террором», «массовая «очистка», «подавление», «метод подавления человеческой воли», «уничтожение», «действия на уничтожение», «массовое угнетение, забирает право быть счастливыми», «жестокое отношение», «ряд жестоких мер».* Для большинства подростков важным оказалось точно назвать источник насильственных мер по отношению к объекту проявления несправедливости, то есть субъекта репрессий (присутствовал почти в каждом ответе): *«государство», «государственные лица и органы», «государственная власть», которые стремятся (причины) обеспечить себе «защиту своих интересов и строя», «сохранение своей власти…»*, *«урегулирование политической обстановки или удержание власти», «подавление нежелательных последствий и сохранение строя»*, *«предотвращения распада их* [тоталитарных государств] *авторитета»*. Кого власть считала настолько опасной, что защитить себя могла только карательными насильственными мерами? Объектом репрессий становились *«люди», «народ», «свой народ», «свои граждане»,* которые государством *«подозревались в совершении преступления»* – были в его глазах *«потенциальными политическими противниками»* и в силу этого становились *«неугодными… элементами общества»*.

Достаточно подробные и при этом довольно однородные определения, включающие уточнения и детали, позволяют говорить о высокой степени согласованности представлений подростков о репрессиях, о более глубоком усвоении материала и о формировании личностного отношения к изучаемой теме после участия в проекте.

Проверим данные предположения с помощью сравнительного анализа ответов на задание по работе с суждениями у общей и выделенной группы подростков до начала проекта и у выделенной группы после участия в проекте. Все суждения можно разделить на три совокупности: оправдывающие репрессии, осуждающие репрессии и связанные с уровнем информированности по данной теме.

I. Отношение к высказываниям, так или иначе оправдывающим репрессии:

- *«Репрессии 1930-х гг. были необходимым условием для ускоренной подготовки нашей страны к войне. В стране действительно было много «вредителей» и «врагов народа».* До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от общей группы большим количеством неопределившихся со своей позицией и незначительными отклонениями по остальным параметрам. В результате участия в проекте доля подростков, оправдывающих репрессии, осталась на уровне 1/5-1/4, резко сократилась доля сомневающихся (с 28,2 % до 7,14%), при этом значительно увеличилась доля тех, кто считает, что репрессии не были необходимым условием для подготовки нашей страны к войне (с 50 % до 64,2%). Таким образом, те, кто изначально был убеждён в необходимости репрессий для подготовки к войне, остались на своих позициях, часть сомневающихся сделала свой выбор, определилась со своей позицией.

- *«Масштабы и значимость репрессий 1930-х гг. преувеличивают, так как количество расстрелянных и сосланных в лагеря (около 4 млн человек) для такой огромной страны, как СССР, особенно перед войной, это совсем немного».* До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от общей группы отсутствием согласных с данным высказыванием (0% против 5,3 %), меньшим количеством неопределившихся (7,14% против 14,3%), большим количеством высказавшихся против данного утверждения (85,7% против 76,8%), значительно большим количеством сомневающихся (41,1% против 57,1%). После участия в проекте увеличилась доля согласных с данным суждением (до 14,3%), незначительным снижением доли неопределившихся с позицией (до 1,14%), заметным снижением сомневающихся (до 50%). Доля несогласных с данным утверждением осталась примерно на том же уровне (соответственно, доля точно определившихся со своим ответом увеличилась).

- *«Я считаю, что Сталин всё сделал правильно»*. Данное суждение оказалось довольно сложным в осмыслении: до начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы более низким количеством неопределившихся (7,14% против 19, 6%), большим количеством осуждающих данное утверждение (55,3% против 64,3%), а также значительно меньшим количеством сомневающихся (28,6% против 41,1%). После участия в проекте количество согласных с тем, что Сталин всё сделал правильно, достигло примерно 1/5, число не согласных с данным утверждением осталось примерно тем же, немного увеличилось число неопределившихся, примерно в два раза увеличилось доля сомневающихся подростков.

- *«Те успехи в науке, в промышленности, в строительстве новых городов и предприятий, которых достигла наша страна – всё это перевешивает жизни тех людей, которые пострадали в эпоху политических репрессий»*. До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы более низкой долей согласных с данным утверждением (14,3% против 21,4%) и более низкой долей сомневающихся (42,9% против 50%). После участия в проекте доля согласных с данным утверждением составила примерно 1/7-1/5 участников, незначительно снизилось количество не определившихся с ответом (с 25-28% до 21,4%), значительно увеличилось количество не согласных с данным утверждением (на 14%), значительно снизилось количество сомневающихся (до 35,7%). Таким образом, по данному вопросу также значительно возросло число тех, кто в результате участия в проекте более чётко определился со своей позицией.

- *«Победа в Великой Отечественной войне оправдывает те жертвы, которые были принесены в эпоху политических репрессий»*. Данное суждение оказалось довольно сложным в осмыслении: до начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы более низким количеством согласных с данным утверждением (7,14% против 17,8%), большим количеством неопределившихся (21,4% против 14,3%), чуть большим количеством не согласных с утверждением и сомневающихся. После участия в проекте доля согласных вновь составила 1/5 участников, 1/6-1/5 участников так и не смогла определиться с позицией, упало количество не согласных с данным утверждением (с 66,1-71,5% до 57,1%) при том, что доля сомневающихся также значительно сократилась (с 50% до 28,6%). Таким образом, несмотря на снижение количества осуждающих ответов, по своему качеству они стали более определёнными («совершенно не согласен»). То же касается и тех, кто выразил согласие с данным утверждением.

II. Отношение к высказываниям, так или иначе осуждающим репрессии:

- *«Я считаю, что политические репрессии – это неоправданное преступление против своего народа, так как пострадало большое количество невинных людей»*. До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от общей группы чуть большим количеством не определившихся со своим мнением (57,1% против 55,3%) и меньшим количеством не согласных с данным утверждением (14,3% против 21,4 %). После участия в проекте количество согласных с данным утверждением осталось на отметке чуть более 3/4 участников, отсутствовали ответы, опровергающие данное утверждение, и значительно снизилась доля сомневающихся (с 55,3-57,1% до 35,7%). Соответственно, несмотря

на то, что общее количество подростков, согласных с данным утверждением, не изменилось, у большой части из них ответы содержали чёткую позицию («полностью согласен»). Участие в проекте позволило им сформировать более чёткую собственную позицию по отношению к репрессиям.

- *«Я считаю, что Советский Союз мог подготовиться к Войне и выиграть её без политики репрессий в отношении своих граждан*». Вновь суждение о связи Великой Отечественной войны и репрессий стало сложным в осмыслении и выражении собственного мнения: до начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы незначительной разницей в количестве согласных с данным утверждением и затруднившихся с ответом, большим количеством не согласных с данным утверждением (21,4% против 35,7%) и большим количеством сомневающихся (53,6% против 64,2%). После участия в проекте доля несогласных упала с 1/5-1/3 участников практически до 0, значительно увеличилась доля согласных с данным утверждением (с 57,1-60,7% до 71,4%), не изменилась доля сомневающихся при увеличении доли затруднившихся с ответом до 1/4.

Участие в проекте позволило подросткам переосмыслить необходимость и роль репрессий в подготовке к Великой Отечественной войне. Часть из тех, кто был не согласен с данным утверждением в начале проекта, либо изменили собственное мнение на противоположное, либо отказались от прежней позиции, но пока не выработали более или менее понятного для себя нового мнения.

III. Отношение к высказываниям, связанным с оценкой уровня информированности об эпохе политических репрессий:

- *«В нашей стране во многих семьях есть люди, которые пострадали от репрессий, но об этом боялись говорить, и даже не все сейчас знают, что среди их родственников были репрессированные».* До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы незначительной разницей в количестве согласных и не согласных с данным утверждением. После участия в проекте все подростки определились с ответом, но при этом в 1,5-2 раза увеличилось количество сомневающихся (с 26,8-28,6% до 57,1%), в 2,5-3 раза увеличилось количество несогласных. Таким образом, погружение в исторический контекст эпохи политических репрессий, участие в разнообразных мероприятиях усложнило представление подростков о состоянии памяти об этой эпохе, об уровне информированности о ней в разных социальных группах.

- *«К репрессированным относятся не только люди, которых арестовывали как «врагов народа» в 1937 – 1938 гг., но также раскулаченные, вы-*

сланные со своих прежних мест жительства по национальному признаку, а также их дети». До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы большим количеством затруднившихся с ответом (28,6% против 17,8%) и отсутствием не согласных с данным суждением (0% против 7,14%). После участия в проекте все подростки смогли определиться с собственным мнением: увеличилось количество согласных с предложенным утверждением (с 69,1-71,5% до 78,6%), 1/7-1/8 часть высказали своё несогласие, значительно увеличилось количество сомневающихся (с 48,2-50% до 64,2%). Возможно, это связано с тем, что проект был направлен именно на знакомство с эпохой политических репрессий через проработку эпохи Большого террора 1937-1938 гг.; архивно-следственные дела, с которыми работали подростки, также относились к эпохе Большого террора.

- «Я считаю, что в России мало рассказывают про эпоху политических репрессий, проводится мало мероприятий, и люди не имеют ясного представления о том, что это было за время». До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы большим количеством затруднившихся с ответом (14,3% против 7,14%), меньшим количеством несогласных (14,3% против 26,8%) и сомневающихся (50% против 62,5%). После участия в проекте в выделенной группе подростков снизилось количество согласных с утверждением (с 64,2% до 57,1%) и увеличилось количество не согласных с ним (с 14,3% до 28,6%) при том, что количество сомневающихся осталось прежним. Возможно, посещение мероприятий в рамках проекта позволило увидеть разнообразие практик памяти об эпохе политических репрессий, получить больше информации и пересмотреть своё мнение об информированности людей о данной эпохе.

Можно констатировать, что характер ответов на блок вопросов, связанных с оценкой уровня информированности об эпохе политических репрессий, оказался весьма противоречивым: в отличие от суждений, связанных с осуждением или оправданием репрессий, где результатом работы в проекте стало формирование у подростков собственной чёткой позиции по данным вопросам, суждения об уровне информированности показывают *обратный эффект* – увеличение доли сомневающихся и несогласных. Можно предположить, что это связано с неразработанностью политики памяти об эпохе политических репрессий, фрагментарностью мероприятий и дискуссий, одновременно как бы присутствием и как бы отсутствием в общественном сознании данной темы.

Рассмотрим подробнее изменения в выборе суждения для аргументации и изменения в комментариях к выбранным утверждениям.

Собранные по «входным» и «выходным» анкетам данные показывают, что суждения, оправдывающие репрессии, в начале проекта выбрали для комментирования около 50% выделенной группы участников, осуждающие репрессии – 21,4%, связанные с уровнем информированности о репрессиях 1930-х – 1950-х гг. – 42,8%. Это подтверждает большую заинтересованность среди выделенной группы ребят в исследовании данной темы (по сравнению с общей группой участников, у данной группы показатель выбора суждений, связанных с уровнем информированности, выше в 2 раза).

После реализации проекта суждения, оправдывающие репрессии, для комментирования выбрали 79,3 % выделенной группы участников проекта, осуждающие репрессии – 35,7 %, связанные с уровнем информированности о репрессиях 1930-х – 1950-х гг. – 21,7%. Можно предположить, что, с одной стороны, информационный дефицит для этих ребят в большей степени был устранён в ходе реализации проекта (выбор суждений с этой тематикой упал в два раза), а с другой – противоречивая ситуация с информационным полем вокруг эпохи политических репрессий усложнила представления об этом вопросе. Показатели по оправдывающим и осуждающим суждениям стали выше на 15-20%. Вероятно, получив определённые знания и представления об эпохе политических репрессий и восполнив информационный дефицит, участники проекта сформировали собственную позицию и готовы были её озвучить, высказаться.

Если обратиться к конкретным суждениям, то можно отметить, что после участия в проекте смысловые акценты в данной теме для подростков сместились: если во входной анкете наиболее популярными для комментирования были суждения *«Репрессии 1930-х гг. были необходимым условием для ускоренной подготовки нашей страны к войне. В стране действительно было много «вредителей» и «врагов народа», «В нашей стране во многих семьях есть люди, которые пострадали от репрессий, но об этом боялись говорить, и даже не все сейчас знают, что среди их родственников были репрессированные», «я считаю, что Сталин всё сделал правильно» и «Я считаю, что в России мало рассказывают про эпоху политических репрессий, проводится мало мероприятий и люди не имеют ясного представления, что это было за время»* (два из четырёх связаны с уровнем информированности), то в выходных анкетах для комментирования чаще всего выбирали такие суждения, как *«Победа в Великой Отечественной войне оправдывает те жертвы, которые были принесены в эпоху политических репрессий», «Те успехи в науке, в промышленности, в строительстве новых городов и предприятий, которых достигла наша страна – всё это перевешивает жизни тех людей, кото-*

рые пострадали в эпоху политических репрессий», «Масштабы и значимость репрессий 1930-х гг. преувеличивают, так как количество расстрелянных и сосланных в лагеря (около 4 млн человек) для такой огромной страны, как СССР, особенно перед войной, это совсем немного», «Я считаю, что политические репрессии – это неоправданное преступление против своего народа, так как пострадало большое количество невинных людей» (ни одного утверждения про уровень информированности).

Изучение исторического контекста, участие в различных мероприятиях, посвящённых эпохе политических репрессий, знакомство с судьбами отельных людей по настоящим архивно-следственным делам 1937-1938 гг. актуализировали осмысление «человеческого» измерения истории и оценки исторических событий с точки зрения ценности человеческой жизни. Данный ракурс входит в противоречие с официальным дискурсом памяти о Великой Отечественной войне, который функционирует на уровне ассоциативной постпамяти и поддерживается государством. Можно предположить, что столкновение государственнической и гуманистической концепций в рамках работы в проекте побудило подростков переосмыслить уже сложившиеся представления и найти новые аргументы. Это довольно сложная работа, требующая определённых эмоциональных и интеллектуальных усилий. Тем не менее, выбор для комментариев именно этих суждений после участия в проекте говорит о том, что такая работа выделенной группой подростков проведена была.

Обратимся к содержательной части комментариев. При анализе входных анкет все комментарии были распределены на 4 группы: «оправдывающая», «сомневающаяся», «осуждающая» аргументация и «аргументация про информацию». Сравнительный анализ комментариев по данным группам показывает следующее:

1. Если в начале проекта «оправдывающая» аргументация строилась вокруг Великой Отечественной войны (см. выше), после проекта она касается в большей степени ограниченности репрессий *(«репрессии не были столь широки, что они затронули всё население, репрессии имели ограничительный характер»)*, ошибок в системе оценивания масштабов репрессий *(«сегодня в число невинно репрессированных вписывают и участников УПА, и троцкистов, и «лесных братьев», и бандитов (дело Зигмаса Баускуса)»)*, оправдании инициатора репрессий – Сталина (*«Ряд действий Сталина был не везде верен. Он безоговорочно верил письменным заявлениям, в которых обвинялись с настоящими преступниками невинные люди»*) – то есть от критического взгляда до реанимации мифов про «хорошего царя и плохих бояр». Здесь можно отметить уход от оправдательной риторики официального дискурса памяти о

Великой Отечественной войне, переосмыслении стереотипов ассоциативной постпамяти об этом важнейшем в истории нашей страны событии.

2. Если в начале проекта «сомневающаяся» аргументация занимала значительную часть комментариев, после проекта к формуле «с одной стороны… с другой стороны…» подростки практически не прибегают. Единственный пример в данном случае – полемический ответ-рассуждение одного из участников проекта: [с одной стороны] *«На мой взгляд, седьмой вопрос поставлен некорректно. Когда мы говорим о том, правильно было что-то сделано или нет, нам нужно сказать относительно достижения какой цели. Изначально репрессии тридцатых (на мой взгляд) были направлены не на экономическое укрепление, а на политическое, когда репрессии проводились в высших кругах (сталинские чистки), и ещё не захлестнули народ морем врагов народа и вредителей. Массовые репрессии, как мне кажется дали очень сомнительный результат в экономическом плане, ведь они были ПОЛИТИЧЕСКИМИ (ремарка к третьему вопросу). Но если считать, что целью Сталина было политическое укрепление – он всё сделал правильно, его не свергли фантомные троцкисты (экзистенциальный страх).* [С другой стороны] *Однако моральная оценка таких методов даёт отрицательный результат».*

3. «Осуждающая» аргументация после проекта стала более развёрнутой, обоснованной, с выраженной личностной позицией и эмоциональным отношением; можно выделить следующие подгруппы «осуждающей аргументации»:

- репрессии как преступление;
- репрессии и Великая Отечественная война;
- репрессии и статистика.

Здесь также обращает на себя внимание тот факт, что по большей части «осуждающая» аргументация строится не вокруг Великой Отечественной войны, а вокруг гуманистических ценностей, прежде всего, ценности человеческой жизни.

4. Если в начале проекта аргументация суждений об уровне информированности занимала значительную часть среди остальных комментариев, после проекта только два человека выбрали данные суждения, но их комментарии отличаются глубиной и рефлексивностью.

Можно отметить, что в данных комментариях участники проекта не отделяют фамилиальную и ассоциативную постпамять, а показывают важность соединения этих уровней памяти об эпохе политических репрессий для преодоления «по каким-то причинам» сформировав-

шегося информационного дефицита и ситуации «как бы присутствия и как бы отсутствия» в общественном сознании данной темы.

Анализ аргументации выбранных суждений фиксирует интериоризацию, осмысленное присвоение и встраивание подростками в свою систему взглядов гуманистических ценностей. Можно предположить, что в условиях рассогласованности государственнической и гуманистической концепций подробное изучение эпохи политических репрессий в «человеческом» измерении позволяет создать условия для более глубокого осмысления данных ценностей, развитие критического взгляда на соотношение целей и средств в связке «государство»-«гражданин» и сопутствующих им категорий.

Анализ АП концептов «государство», «власть», «гражданин», «Родина», «Россия», «СССР», «репрессии», «Сталин», «патриотизм» в «входных» и «выходных» анкетах помогает проверить данную гипотезу:

(1) практически по всем категориям после участия в проекте увеличилась наполненность концептов ассоциациями, что можно интерпретировать как усиление интереса подростков к тематике проекта, к осмыслению социально-политической жизни в России в целом, как усиление самосубъективации подростков (желание высказать собственное мнение, своё видение и позицию);

(2) практически по всем категориям после участия в проекте увеличилась доля одиночных реакций, что указывает на обогащение индивидуального опыта осмысления и переживания данных категорий выделенной группой подростков;

(3) относительно концептов «государство», «Родина», «патриотизм» в «выходных» анкетах различных и одиночных реакций было больше, чем в «входных». Можно предположить, что данные понятия в представлениях подростков наименее согласованы и противоречивы, представления о них тяготеют к крайностям; участие в проекте и глубокое погружение в тему эпохи политических репрессий не сняло, а, наоборот, усилило противоречивость представлений об этих категориях;

(4) относительно концептов «СССР», «репрессии», «Сталин» в выходных анкетах количество различных и одиночных реакций снизилось незначительно, соответственно, уровень согласованности представлений подростков о данных категориях остался примерно тем же, что был до участия в проекте;

(5) относительно концептов «Гражданин», «Власть», «Россия» количество различных реакций после проекта стало значительно мень-

ше, что говорит об усиление согласованности и однородности в представлениях подростков о данных категориях после участия в проекте.

Рассмотрим более подробно содержательные изменения в каждой группе категорий с помощью анализа их АП. Сразу необходимо отметить, что в целом структура АП каждого концепта повторяет выделенные во входных анкетах элементы; соответственно, ниже будут представлены только существенные изменения.

I. «Государство» – «Родина» – «патриотизм».

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **Государство** – *территория*, на которой существует *сильная власть*, с помощью которой, с одной стороны, оно *управляет*, *защищает, объединяет*, а с другой – *контролирует, угнетет, давит, подавляет.*

Обращает на себя внимание усиление положительных характеристик «государства»: *центр, страна, держава, всеобъемлюща, суверенная, крепкое, борется, меняется, сплочённость, порядок, организованное, легитимная, правовое, соблюдает закон, помогает, прислушивается к гражданам, охрана прав человека.* Образ идеального государства («функций-ожиданий») приобретает более ярко выраженный гуманистический характер. «Отрицательное» включает следующие значения-антиподы: *жёсткое, бесчеловечная, машина, оказывает прессинг, злоупотреблять, непонимание.* Таким образом, желаемой «человечной» природе государства (человек – высшая ценность) противопоставляется «бесчеловечная» (человек – средство достижения целей самого государства).

Любопытно появление темы «необходимости» и «неизбежности» такого института, как государство, включая его искажённые черты. Вероятно, это может говорить о более осознанном отношении подростков к самому институту государственности: государственные институты могут нравиться или не нравиться, удовлетворять ожиданиям или нет, они могут ухудшаться или улучшаться, но сама государственность как таковая нужна в любом случае, так как она выполняет жизнеобеспечивающие функции.

При некоторых содержательных дополнениях, субъект-объектные отношения человека и государства здесь не претерпели изменения.

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **Родина** – это *мать, родная, дом, родной, место, важная часть, Россия, мир, любовь, любимая, защищать, объединяет, близкое, слышит.*

В «выходных» анкетах увеличилась доля положительных характеристик, связанных с функциями-ожиданиями (*успокаивает, вызывает чувства, трудится, хранит, воспитывает, сохраняет ценности, оберегает, поддерживает, даёт кров*). Негативные характеристики стали мягче и перешли в ассоциативную связку с государством: *государство, гро-*

моздкая конструкция, обременяет. Можно отметить дополнение списка функций-ожиданий от Родины, за которые подростки готовы её любить и защищать. Образ Родины стал ещё более антропоморфным, приобрёл более выпуклые материнские (родительские) черты. В связи с этим можно предположить, что противоречивое отношение к Родине среди подростков может быть связано в том числе с особенностями подростковой психологии, началом сепарации от родительской семьи, переосмыслением и отчасти «обесцениванием» семейных ценностей и традиций.

Если Родина «даёт» (*кров, успокоение, жизнь*), то искажённое негативной стороной власти и высшим проявлением её негативности – репрессиями, «государство» («власть») *угнетает-подавляет-убивает*, то есть забирает жизнь. В этом проявляется противостояние гуманистической концепции и государственнической концепции, «человечности» и «бесчеловечности» в представлениях подростков.

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **Патриотизм** – *чувство, идея, идеология, слепой, прибежище, принцип, нравственный, Родина.*

Здесь ярче выделяются два противоположных полюса представлений:

- в связке с «Родиной» патриотизм представляется как *самоотверженный, важный, честный, добросовестный, защищает, сплачивает, воспитывает, помогает, объединяющий, преданный, сила, усиливает, мотивирует, побуждает* (человек выступает как субъект, добровольно проявляющий свои чувства и активность);

- в связке с искажённым «государством» (функции-опасения) патриотизм выступает как *фальшивая* [идеология], *управляет сознанием, необоснованный, восхваляет, громоздкая конструкция, массовый, развращает* (здесь человек выступает как объект воздействия государства).

В идеальном неискажённом государстве-родине «патриотизм» – это *светлое важное чувство, вера, преданность, уважение, нравственное морально-этическое понятие, он важен, растёт, скрепляет народ, побуждает к действиям, проявляется по-разному* (человек одновременно активный субъект и объект воздействия).

Однако в силу выявленной двойственности («разный») и невозможности достижения идеального государства понятие «патриот» в разных дискурсах имеет разное (часто противоположное) наполнение и становится спекулятивной категорией, в результате чего доверие подростков к этому понятию, имеющему большой положительный потенциал, сильно падает.

Таким образом, «выходные» анкеты зафиксировали усиление внутренней противоречивости и напряжения между понятиями «государство», «Родина» и «патриотизм».

II. «СССР» – «Репрессии» – «Сталин»

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **СССР** – *страна, союз, прошлое, прошлый, борется, тоталитарный, тоталитаризм, распад, полураспад, страх, красный, сплачивает, сплочённый.*

Можно отметить некоторое смещение темпоральной характеристики в сторону настоящего: если во входных анкетах была чётко обозначена дистанцированность подростков от советского прошлого, то в результате участия в проекте и более глубокого погружения в исторический контекст советского периода произошла определённая актуализация прошлого для подростков. Об этом говорит наличие большого количества глаголов в настоящем времени: *угнетает, подавляет (как своих людей, так и другие страны), репрессирует, диктует, живёт, придумывает, строит, принимает решения, ошибается, побеждает, протягивается, правит*. Кроме того, слово «распад» здесь преобразуется в «полураспад», также указывая на связь прошлого и настоящего. В данном аспекте «СССР» близок к концепту «государство» – как в положительном, так и в искажённом значении.

В целом, у подростков выделенной группы после участия в проекте можно отметить усиление ощущения советского прошлого как «неотчуждённого прошлого своей страны» и более глубокого осознания исторической преемственности.

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **Репрессии** – *жестокие, жестокость, убивать, убийство, убивают, уничтожали, страшно, страшны, страшная, *необходимость, необходимые.*

Наряду с устойчивым негативным отношением к репрессиям можно отметить усиление акцента на античеловеческом характере данного явления (*разрушают жизни, рушат жизнь, приносят боль, плачевные, обезличивание, травматичный способ*), появление конкретизаций (не просто *убийство*, а *убийство образованного будущего страны*), использование негативных эмоциональных характеристик высокой степени интенсивности (*отвратительны, кошмар, ужас*). Знакомство с личными историями и судьбами репрессированных через разные практики памяти (встречи-беседы, работа с архивно-следственным делом, участие в иммерсивном спектакле) углубило неприятие подростками насильственных мер со стороны государства по отношению к невиновному человеку, позволило более осознанно интериоризировать гуманистические ценности.

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **Сталин** – *усатый человек, революционер, личность, вождь, правитель, руководит, правит, строгий, убивает, противоречивый, культ.*

Обращает на себя внимание увеличение доли положительных характеристик: *лидер, руководитель, государственный деятель, стратег, расчётливый, практичный, деятельный, ведёт игру, влиятельный, великий, побеждает, известен в истории* (функции-достижения как функции-ожидания от государства, персонифицированного в лице правителя). Негативные характеристики приобрели более чёткую связь с ценностями гуманистической концепции (*нарушает права и свободы граждан*), стали содержательно ближе к АП репрессий *(разрушительный, страшный (веющий ужас), контролирует, подчиняет, жестокость, жёсткий, уничтожает*).

Таким образом, концепт «Сталин» приобрёл более позитивную окраску: образ мудрого руководителя-победителя в войне оказывается значительно сильнее образа преступника против своего народа – при том, что образ репрессий стал более негативным. Ассоциативная рамка памяти о Великой Отечественной войне, одобренная государством, поддерживает положительный образ Сталина и оказывает сильное влияние на подростков. Знакомство с «человеческим» измерением истории, судьбами отдельных невинно пострадавших людей в рамках проекта позволило более чётко связать негативные характеристики данной исторической личности (эпохи/типа государственности) с нарушением прав человека и в целом гуманистических ценностей.

Вероятно, при осмыслении концепта «Сталин» происходит столкновение ассоциативной постпамяти о Великой Отечественной войне, поддерживаемой государством, и аффилиативной постпамяти об эпохе политических репрессий, формирующейся при знакомстве с «человеческим измерением» этого сюжета истории. Каждая из версий постпамяти формирует и поддерживает свой образ Сталина. Можно предположить, что в условиях противоположных оценок, эмоционального и интеллектуального диссонанса двух версий постпамяти об одном историческом персонаже, доминировании сильной ассоциативной постпамяти о Великой Отечественной войне в сознании подростков происходит отделение ключевого субъекта репрессий 1930-х-1950-х гг. от самих репрессий (Петров 2012, с. 396).

III. «Гражданин», «Власть», «Россия»

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **гражданин** – это *свободный, ответственный, честный, законопослушный человек*, [который имеет] *права и обязанности, житель,* [который] *живёт* [в своей стране] и *служит* [ей].

После участия в проекте большинство подростков стали придерживаться положительного пассивного образа гражданина: это любой сознательный, добросовестный, достойный, человек, который проживает в этой стране, имеет гражданство и паспорт, работает или учится. Негативный пассивный тип (созерцает, ничтожно маленький, выживает, терпит, безопасный) и положительный активный (требовательный, бороться) получают маргинальные позиции.

Можно предположить, что в представлениях подростков «игра по правилам» (законопослушность, выполнение своих обязательство честно) должна обезопасить их от произвола государства: в правильном государстве все субъекты должны действовать по правилам. Наличие крайних позиций в АП концепта «гражданин» показывает неуверенность подростков в эффективности данной позиции: власть искажает государство, и оно начинает подавлять человека, пренебрегая его правами, а человек либо теряет своё достоинство, свою субъектность, становясь ничтожно маленьким, терпит, выживает и лишь созерцает со стороны творящуюся несправедливость, либо начинает бороться и требовать соблюдения своих прав, отстаивать своё право на игру по правилам. Таким образом, первая стратегия – безопасна, но делает человека ничтожно маленьким, вторая – опасна, но позволяет сохранить человеческое достоинство. Возможно, маргинальный характер данных стратегий в представлениях подростков связан с тем, что они не имели личного опыта переживания государственного давления, и перспектива выбора любой из этих стратегий представляется им страшной, сложной и болезненной (исходя из исторических и современных примеров). Кроме того, отсутствие подобного опыта подкрепляет веру в то, что жизнь по правилам оградит их от государственного произвола и от необходимости этого выбора.

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **власть** – *сила, сильная, могущество, могущественная, управляет, контроль, контролировать, диктаторская, диктатура норм/правил.*

Можно отметить усиление негативных характеристик – искажений, вызывающих опасения (власть как враг государства и гражданина): *развращает, угнетающий, давление, огромная, повсеместная, параноидальная, твердолобый, застой, устаёт, жестокая, обязует, борется, работает против интересов, желаемый, деньги, коррупция, шаткая.* Тем не менее, появляется мотив партнёрства (власть как партнёр государства и человека): *глава, правит, управление, управляющий, руководит, действует, мощь, мощная, формирует гражданскую идентичность, необходимая, демократическая, слышит народ, централизованная, это люди, которые получают возможность созидать («законодательная»).* Такая дихотомия

вновь показывает нам страхи подростков относительно власти, которая даже честного человека/государство может «развратить» и испортить (субъект-объектные отношения), и одновременно желаемый образ власти-партнёра, которая обеспечивает «игру по правилам» и соблюдение прав человека (субъект-субъектные отношения).

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **Россия** – *страна, государство, Родина, большая, огромная, свободная, процветает, существует, сложная.*

В целом образ России остался достаточно положительным, но смещение темпоральной характеристики указывает на переосмысление данного концепта подростками: акцент сделан на настоящее, которое ощущается как безвременье, отсутствие движения (*живёт, существует сейчас, нынешняя, статичная, неразвивающаяся, спит, раздумывает*), отсутствие внутренних потенций для изменений (*катится, продолжает ошибаться, отсталая, усталость*) при стремлении к таким изменениям (*меняется*) на основе наследия прошлого, которое либо помогает (*великая, уникальное, могущественная, многонациональная, конституционная*), либо мешает (*монархическая*) будущему процветанию. Анализ АП концепта «Россия» выделенной группы подростков после участия в проекте показывает более мягкое, сочувственное отношение к своей стране. Образ России-Родины, *большой, сильной, уникальной и великой страны*, которая именно сейчас *потеряла ориентиры, растерялась, не понимает*, что делать, куда двигаться, в каком направлении развиваться, чтобы выбраться из этого *безвременья* и вновь ощутить себя *полной сил.*

Таким образом, после реализации проекта сохранились рассогласованность, поляризация и внутреннее напряжение в осмыслении ключевых категорий политической жизни («государство», «власть», «патриотизм», «Родина», «государство», «Сталин», «СССР», «репрессии»), однако, глубина и вектор осмысления претерпели определённые трансформации:

- повысилась наполненность АП практически каждого концепта,
- увеличилась доля ассоциаций, связанных с уважением к личности, защитой прав и свобод человека, в целом с гуманистическими ценностями,
- определился оптимальный образ гражданина (пассивный положительный тип),
- выделились наиболее важные интенции в отношении к ключевым категориям политической жизни государства: стремление подростков к субъективации (стать значимым субъектом политической жизни в государстве через «игру по правилам») и страх подобной

субъективации (субъект должен как-то реагировать на нарушение правил, а обе очевидные для подростков стратегии опасны, неприятны и болезненны);

- произошло смещение темпоральных ощущений от прошлого и будущего к настоящему: более глубокое погружение в исторический контекст эпохи политических репрессий и знакомство с судьбами отдельных людей актуализируют прошлое и побуждают встраивать прошлое в осмысление настоящего, формировать собственную оценку исторических и современных явлений и процессов.

Данные выводы созвучны результатам анализа измерения интенсивности эмоций с помощью ШДЭ К. Изарда до и после участия в проекте выделенной группы подростков. Анализ данных показывает, что по сравнению с большой и выделенной группой «входных» анкет, в которых обозначилась «тройка» ключевых эмоций – интерес, печаль и удивление, – в конце проекта добавился страх, фактически не поменяв своих позиций по сравнению с другими эмоциями. Неизменная позиция страха на протяжении всего проекта указывает на достаточно устойчивый фон тревожно-депрессивных переживаний подростков, связанных с эпохой политических репрессий. Тем не менее, можно предположить, что высокие позиции «интереса» и «удивления», которые относятся к позитивным эмоциям, позволяют уравновесить негативные переживания и побуждают к дальнейшему исследованию данной темы.

Комментарии к ШДЭ К. Изарда с пояснением выбора степени интенсивности эмоций позволяют более детально проанализировать полученный эмоциональный профиль выделенной группы подростков после участия в проекте.

Интерес: *«интерес – история своей страны», «было на самом деле интересно читать архивные документы, расшифровывать письма, работать с базами данных», «эта тема – непаханое (для нашего поколения) тема для исследований, поэтому интерес здесь более чем уместен», «сложно не испытывать интерес к чему-то неясному и столь скрытному. Об этом мало говорят, соответственно, мало знаешь».*

Радость: *«тема репрессий не вызывает данного эмоционального состояния, ведь в ней нет ничего радостного», «абсолютно нет. Даже радость самого исследования вытеснялась теми фактами, с которыми мне довелось работать».*

Удивление: *«где есть исследования, там точно есть место удивлению», «я удивился масштабам Большого террора», «некоторые события были мне не известны до проекта», «некоторые моменты меня на самом деле удивили, например, тот факт, что не все репрессированные занесены*

в книги памяти, или что глава государства фактические санкционировал пытки».

Печаль: *«печаль можно испытывать из-за того, что мы узнаём», «она в основном появлялась после прочтения писем. Грустно было осознавать то, сколько жизней было загублено, сколько людей умерло со слепой верой в партию, сколько семей годами носили передачки своим близким в тюрьму, не зная, что их давно нет в живых…», «сожалею, о том, что людям пришлось пережить такое страшное и тяжелое время. Мне хотелось бы, чтобы люди и их семьи могли пережить это время менее болезненно и без таких потерь», «мне становится очень грустно, что я не могу это никак предотвратить».*

Злость: *«в основном, на государство, которое не просто санкционировало весь тот ужас, но и стремилось к нему», «злобно за людей, кто служил своей Родине честно и верил в вождя».*

Отвращение: *«к людям, веривши, что можно построить государство на массовом терроре», «в основном я испытываю отвращение и непонимание, потому что считаю репрессии отвратительным и ненужными», «я не понимаю, как государство, главной целью которого является создание условий жизни, могло так легко этой жизни лишить», «неприятен факт обесценивания человеческих жизней и судеб, это вызывает отвращение к государственной системе в целом».*

Презрение: *«это, как по мне, слишком «низкая» эмоция, которую вряд ли вообще хоть что-то или кто-то заслуживает».*

Страх: *«мне было ужасно от знания, что такое происходило именно там, где мы живём меньше века назад», «иногда, когда начинаешь видеть аналогии с современностью», «страх, что такое может повториться в человеческой истории», «испытал страх за то, что могло бы произойти, если бы подобное событие произошло в наши дни».*

Вина: *«странно, но, наверное, это вина за то, что сейчас я не могу ничего сделать, чтобы предотвратить то, что произошло; за то, что все, что мы можем сейчас сделать – это помнить, но зачастую мы и с этим не справляемся», «я не должна испытывать чувства вины за то, чего не совершала и к чему не причастна. Я не хочу усиливать комплекс вины. К тому же это всё давно уже прошло, и мы должны просто смотреть».*

Стыд: *«мне стыдно за незнание еще очень многого что происходило», «что происходящее происходило в стране, в которой я живу», «за то, что живешь в государстве, построенном на крови и костях (хотя как и многие государства)», «стыд перед всеми жертвами репрессий за то, что все эти «усилия» по построению «коммунизма» – напрасны, что их смерти – бес-*

смысленны и необоснованны, что партия и Сталин – не такие уж непогрешимые».

Интересно, что, с одной стороны, можно отметить успешность опыта по формированию аффилиативной постпамяти об эпохе политических репрессий через взаимодействие с аутентичным пространством и аутентичным артефактом, которое было реализовано на этапе «погружения в тему» (усиление чувства сопричастности, сопереживания людям прошлого, формирование личностно окрашенного эмоционального отношения к событиям той эпохи и т.д.), с другой – стремление дистанцироваться от болезненных эмоций, оставить прошлое в прошлом, поставить границу между прошлым и настоящим (механизм «остранения»). Эта тенденцию проявляется и в пояснениях к конкретным эмоциям («печаль», «злость», «отвращение», «вина», «стыд»); её можно сформулировать следующими вопросами: должна ли быть преемственность ответственности за деяния, совершённые предыдущими поколениями жителей нашей страны? Должна ли быть преемственность вины и стыда? А страха? Нужна ли такая преемственность для преодоления разного рода последствий эпохи политических репрессий?

Если эмоции интереса, печали и удивления показывают отношение к данной эпохе со стороны, из настоящего к прошлому, позволяют дистанцироваться от прошлого, то эмоция страха, инициируемая знанием и «вчувствованием» в прошлое, переживается как актуальное и адресованное настоящему. Другими словами, подростки с интересом, печалью и удивлением всматриваются в прошлое, а боятся настоящего.

Справиться с такими эмоциями оказывается очень непросто: *«тема «репрессии» не так уж и легка. Она печальна и сложна. Я с трудом ее осилила».*

Ответы на два вопроса «выходной» анкеты: «Что нового и важного для себя вы узнали в этой теме в результате участия в проекте?» и «Сформулируйте 2-3 предложения о том, что Вам дало участие в этом проекте», которые предлагали подросткам подвести личные итоги участия в проекте, помогают выявить произошедшие изменения в осмыслении эпохи политических репрессий, понять, получилось ли преодолеть информационный дефицит, удовлетворить потребности в познании темы на эвристическом, аффективно-аксиологическом и практическом уровнях.

В идеальном варианте каждый участник проекта в своих ответах должен был отметить результаты на всех четырёх уровнях (100% результат).

Таким образом, можно отметить удовлетворённость результатом работы в проекте:

1) на *когнитивном уровне* 85,7% участников выделенной группы;

2) на *эвристическом уровне* 42,8% участников выделенной/расширенной групп;

3) на а*ффективно-аксиологическом уровне* 78,6% участников выделенной;

4) на *прагматическом уровне* 35,7% участников выделенной.

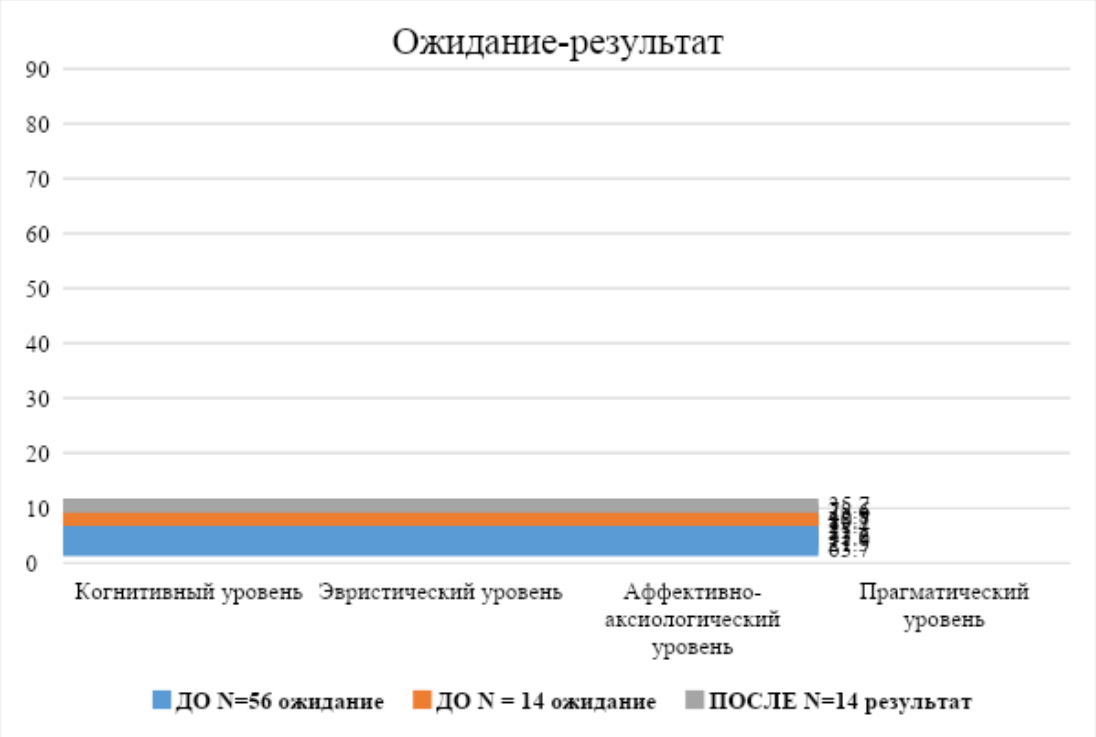

Рис. 1.

Данные диаграммы показывают отчётливый рост по всем показателям: обозначенные в начале проекта запросы были не только удовлетворены, но способствовали формированию и удовлетворению новых, более глубоких запросов на осмысление темы эпохи политических репрессий.

Как и ожидалось, в ответах практически всех участников прослеживается когнитивный уровень (например, *«я узнала много нового из истории»*, *«участие в проекте дало мне новые знания про свою страну»*, *«за время участия в проекте я узнала истории людей и их родственников, переживших репрессии, узнала подробности по этой теме, точные даты, лучше изучила историю того времени… участие в этом проекте дало мне составить более четкую картину времен репрессий, узнать подробности того времени»* и т.д.).

Обращает на себя внимание отмеченный подавляющим большинством участников аффективно-аксиологический уровень. Его формирование стало результатом обращения в рамках проекта к «человеческому» измерению истории данной эпохи через иммерсивные практики памяти и работу с аутентичными архивно-следственными делами, которые позволили подросткам не только узнать, но и прочувствовать судьбы отдельных людей, получить эмоциональный опыт сопереживания *(«работа в проекте позволила мне соприкоснуться с другими семейными историями, которые открылись мне в результате работы в архиве, и ментально пройти с каждым героем моего дела их путь», «[я] познакомился с частными историями некоторых репрессированных, думаю, это полезно при дополнительной моральной оценке тогдашних событий… самое важное, по моему, это погружение на личную сторону событий, куда не могут погрузить обычные школьные уроки»* и т.д.).

Больше трети участников отметили наличие прагматического уровня, то есть достижения определённой практической цели, поставленной либо в самом начале проекта, либо сформулированной в ходе реализации проекта – в соответствии с выбранной лабораторией: *«я ознакомилась со следственным делом того времени и провела его анализ»* [написала исследовательскую работу – прим. авт.], *«благодаря участию в проекте я начала заниматься своей семейной историей и сейчас пытаюсь выяснить судьбу моего репрессированного в 1940-ом году прадеда»* [также написала исследовательскую работу – прим. авт.] – исследовательская лаборатория; *«я улучшила навыки рисования, узнала детали работы с графическими романами и попробовала себя в этом направлении», «после участия в этом проекте у меня останется готовый комикс, созданный на основе реального дела пострадавшего от политических репрессий человека, который я дам прочитать людям, чтобы поделиться с ними тем, о чем нельзя молчать»* – арт-лаборатории; *«меня оно [проект – прим. авт.] научило писать эссе на проблемные темы»* – лаборатория журналистики; *«неплохие знакомства и интересную работу»* – медиа лаборатория.

Любопытно, что при высоких показателях удовлетворённости на аффективно-аксиологическом и прагматическом уровнях (по сравнению с первоначальными параметрами), соответствующие показатели на эвристическом уровне не столь впечатляющи – менее половины выделенной группы подростков обозначили в своих ответах данный уровень: *«участие в проекте позволило мне ответить на вопросы о том, необходимы ли были репрессии, был ли Сталин виноват в них единолично, как можно восстановить память об этих событиях», «участие в этом проекте дало мне понимание того, что значит определение “Сталинские*

репрессии”», «дало мне понимание, почему стоит освещать тему Большого террора», «дало больше понимания о политике в СССР, о влиянии того периода на сегодняшний день», «понимание важности этой темы», «проект помог мне более чётко разобраться в событиях того времени…, обратить внимание на современное ведение политики».

Вероятно, это связано с рядом факторов: во-первых, работа в рамках проекта была выстроена в основном вокруг «человеческих» историй и индивидуальных переживаний, а не в большом документально-повествовательном жанре; во-вторых, на это оказали влияние противоречивость и неоднозначность самой темы; в-третьих, важное значение имеет отсутствие консенсусного нарратива об эпохе политических репрессий в нашей стране. Всё это в совокупности не позволило многим ребятам до конца «понять и разобраться» в теме эпохи политических репрессий. Однако это обстоятельство не стало препятствием для осмысления темы и формирования собственной позиции по отношению к ней: *«Вопрос необходимости репрессий так и остался загадкой, но теперь я не считаю это чем-то странным. Раньше я чувствовала необходимость ответа на этот вопрос, окончательного ответа. Узнав нюансы этой темы, сопоставив все за и против, сделать окончательный выбор мне не удалось. Но я поняла, что не иметь однозначного ответа в этой теме – нормально. Проект дал мне структурированное видение тех лет, исходя из которого, я сделала свои уже личные выводы».*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя краткие итоги, можно отметить следующее.

Удовлетворение первичного информационного дефицита подростков-участников проекта МНР привело к усилению интереса к теме и возникновению новых уровней запроса на достоверную и объективную информацию.

Формирование аффилиативного уровня постпамяти об эпохе политических репрессий у подростков стало попыткой создания дополнительного к ассоциативной рамке постпамяти (с учётом всей её противоречивости) пласта индивидуальных воспоминаний через уникальный индивидуальный эмоциональный и интеллектуальный опыт реального и символического прикосновения к истории. Как отмечает С. Г. Доронина, «удвоенное значение памяти (коллективной и индивидуальной) повышает уровень человеческой ответственности, взывающей к осознанному и правдивому исследованию прошлого» (2020, с. 41). Использованные практики памяти в определённой степени позволили достигнуть именного такого результата.

Работа участников проекта с «человеческим измерением» истории способствовала более глубокому усвоению гуманистических ценностей, что привело к переосмыслению отношений государства, власти и гражданина, усилению растождествления государства и власти и формированию «конструктивного» (Снеговая, 2016), «критического» (Механик & Скоробогатый, 2019), рефлексивного патриотизма. Именно такой патриотизм, по мнению Н. Эппле, является одним из важнейших условий успешной работы с травматическим, неудобным прошлым нашей страны (Эппле, 2020).

Усиление значимости гуманистических ценностей, их актуализация и встраивание в осмысление «трудного прошлого» для подростков-участников проекта стало основой для формирования своеобразного «неразделённого нарратива» об эпохе политических репрессий, в котором ценность человеческой жизни и справедливость становятся ключевыми категориями.

Тем не менее, активно отстаивать эти ценности через индивидуальное проявление гражданской позиции и социальной активности в большинстве своём подростки не готовы. Можно отметить нарастающее напряжение между желаемыми образами государства, власти и гражданина и реальными отношениями между ними (по представлениям подростков), которое мешает достижению необходимого уровня доверия для формирования консенсусного нарратива об эпохе политических репрессий и совместной работы над трудным пошлым.

Список литературы

Bogumił, Z. (2012). Stone, Cross and Mask: Searching for Language of Commemoration of the Gulag in the Russian Federation. *Polish Sociological Review*, *177*(1), 71–90.

Sneagon, T. (2019). Dying in the Soviet Gulag for the Future Glory of Mother Russia? Making «Patriotic» Sense of the Gulag in Present-Day Russia. In N. Bernsand & B. Törnquist-Plewa, *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia* (pp. 105–140). Amsterdam: Brill.

«Нам бы сейчас товарища Сталина». Почему россияне отказываются верить в репрессии и готовы прощать советскую власть. (2020, июнь 10). Извлечено от https://lenta.ru/articles/2020/06/10/istpam/

«Тяга к Сталину – моральная тупость общества». Директор «Левада-центра» о настроениях россиян (фото). (2020, январь 8). Извлечено от Фонтанка-ру website: https://www.fontanka.ru/2020/01/08/020/

Богумил, З., & Романов, Р. (2018). "Стена скорби", музей ГУЛАГа и другие практики мемориализации жертв советских репрессий. Интервью Зузанны Богумил с Романом Романовым. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, *10*(2), 157–163.

Дорман, В. (2010). От Соловков о Бутово: Русская православная церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России. *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*, (2), 327–347.

Доронина, С. Г. (2020). Социальная структура прошлого: Индивидуальная и коллективная память. *Tempus et Memoria*, *1*(1–2), 36–43.

Зевако, Ю. В. (2019). Российская идентичность, политика памяти и «эпоха политических репрессий»: К постановке проблемы. *Вопросы всеобщей истории*, (22). doi: 10.26170/vvi19-01-19

Иванова, Н. А. (2013). Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических экспериментах. *Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, (3), 116–122.

Иммерсивный спектакль-экскурсия «Дело №39 496» на Мемориале жертв политических репрессий (12 километр Московского тракта). (б. д.). Извлечено от Музей истории Екатеринбурга – m-i-e.ru website: https://m-i-e.ru/delo39 496

Куницына, В. (2011). Методология «Шкала дифференциальных эмоций» (ШДЭ) К. Изарда. Адаптация А.Б. Леоновой. В А. А. Бодалев (Ред.), *Психология общения. Энциклопедический словарь*. Москва: «Когито-Центр».

Лебедева, О. (2018). Одно прошлое – две памяти: Сравнительный анализ экспозиций музея истории Беломорско-Балтийского водного пути и музея Соловецкого лагеря особого назначения. *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*, (2), 134–148.

Маршрут памяти. (б. д.). Извлечено от Музей истории Екатеринбурга – m-i-e.ru website: https://m-i-e.ru/marshrutpamyaty

Механик, А., & Скоробогатый, П. (2019). Мир нуждается в «новой утопии». Извлечено от Эксперт-online website: https://expert.ru/expert/2019/50/mir-nuzhdaetsya-v-novoj-utopii/

Миронова, Н. И. (2011). Ассоциативный эксперимент: Методы анализа даных и анализ на основе универсальной схемы. *Вопросы психолингвистики*, *14*(2), 108–119.

Молчать нельзя рассказывать. (2020). Извлечено от 12memorial.ru website: http://12memorial.ru/molchat-rasskazyvat

Петров, Н. (2012). Был ли Сталин преступником? В А. И. Миллер & М. Липман (Ред.), *Историческая политика в XXI веке* (сс. 396–418). Москва: Новое литературное обозрение.

Снеговая, М. (2016). Слепые пятна любви к родине. Извлечено от Ведомости website: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/11/648 684-slepie-pyatna

Сыров, В. Н. (2020). Пути и способы исторического примирения: Профессиональное сообщество и проблема конфликтующих нарративов о прошлом. *Tempus et Memoria*, *1*(1–2), 44–52.

Ушакин, С. (2009). «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах. В С. Ушакин & Е. Трубина (Ред.), *Травма: Пункты* (сс. 5–41). Москва: Новое литературное обозрение.

Феретти, М. (2002). Расстройство памяти: Россия и сталинизм (интервью записала Ирина Чечель, 20 11 2002 г.). Извлечено от Михаил Гефтер website: http://gefter.ru/archive/24676

Хирш, М. (2016a). «Есть разница между постпамятью и мобилизацией патриотических чувств» | Уроки истории XX век. Извлечено от Уроки истории website: https://urokiistorii.ru/article/53499

Хирш, М. (2016b). Что такое постпамять | Уроки истории XX век. Извлечено от Уроки истории website: https://urokiistorii.ru/article/53287

Эппле, Н. (2020). *Неудобное прошлое: Память о государственных преступлениях в России и других странах*. Москва: Новое Литературное Обозрение.

Эткинд, А. (2016). *Кривое горе: Память о непогребенных*. Москва: Новое литературное обозрение.

References

"The craving for Stalin is the moral stupidity of society. Director of the Levada Center on the mood of Russians (photo). (2020, January 8). Retrieved from Fontanka-ru website: https://www.fontanka.ru/2020/01/08/020/ (In Russian).

"We wish we had Comrade Stalin now. Why Russians Refuse to Believe in Repression and Are Ready to Forgive Soviet Power. (2020, June 10). Retrieved from https://lenta.ru/articles/2020/06/10/istpam/ (In Russian).

An immersive performance-excursion "Case #39496" at the Memorial to the victims of political repressions (12 kilometer of the Moscow road). (n. d.). Retrieved from Yekaterinburg History Museum – m-i-e.ru website: https://m-i-e.ru/delo39496 (In Russian).

Bogumił, Z. (2012). Stone, Cross and Mask: Searching for Language of Commemoration of the Gulag in the Russian Federation. *Polish Sociological Review*, *177*(1), 71–90.

Bogumił, Z., & Romanov, R. (2018). "The Wall of Sorrow, the Gulag Museum, and other practices of memorializing victims of Soviet repression. Interview by Zuzanna Bogumil with Roman Romanov. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, *10*(2), 157–163. (In Russian).

Dorman, V. (2010). From Solovki to Butovo: The Russian Orthodox Church and the Memory of Soviet Repression in Post-Soviet Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, (2), 327–347. (In Russian).

Doronina, S. G. (2020). The Social Structure of the Past: Individual and Collective Memory. *Tempus et Memoria*, *1*(1–2), 36–43. (In Russian).

Epple, N. (2020). An Inconvenient Past: Memories of State Crimes in Russia and Other Countries. Moscow: New Literary Review. (In Russian).

Etkind, A. (2016). *Crooked Grief: Memory of the Unburied.* Moscow: New Literary Review. (In Russian).

Feretti, M. (2002). Memory Disorder: Russia and Stalinism (interview recorded by Irina Chechel, 20 11 2002). Retrieved from Mikhail Gefter website: http://gefter.ru/archive/24676 (In Russian).

Hirsch, M. (2016a). "There is a difference between post-memory and the mobilization of patriotic feelings" | History Lessons Twentieth Century. Retrieved from History Lessons website: https://urokiistorii.ru/article/53499 (In Russian).

Hirsch, M. (2016b). What is post-memory | History Lessons of the Twentieth Century. Retrieved from History Lessons. website: https://urokiistorii.ru/article/53287 (In Russian).

Itinerary of Memory. (n. d.). Retrieved from Yekaterinburg History Museum – m-i-e.ru website: https://m-i-e.ru/marshrutpamyaty (In Russian).

Ivanova, N. A. (2013). Application of the method of free associations in empirical sociological experiments. *Vestnik (Herald) of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, (3), 116–122. (In Russian).

Kunitsina, V. (2011). K. Izard's Differential Emotion Scale (DES) methodology. Adaptation by A.B. Leonova. In A. A. A. Bodalev (Ed.), *Psychology of Communication. Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Cogito Center. (In Russian). (In Russian).

Lebedeva, O. (2018). One Past, Two Memories: A Comparative Analysis of the Museum of the History of the White Sea-Baltic Waterway and the Museum of the Solovetsky Special Purpose Camp. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, (2), 134–148. (In Russian).

Mechanic, A., & Skorobogaty, P. (2019). The world needs a "new utopia." Retrieved from The Expert-online website: https://expert.ru/expert/2019/50/mir-nuzhdaetsya-v-novoj-utopii/ (In Russian).

Mironova, N. I. (2011). Associative Experiment: Methods of Data Analysis and Analysis Based on the Universal Schema. *Psycholinguistic Issues*, *14*(2), 108–119. (In Russian).

Petrov, N. (2012). Was Stalin a criminal? In A. I. Miller & M. Lipman (eds.), *Historical politics in the twenty-first century* (pp. 396–418). Moscow: New Literary Review.

Silence cannot be told. (2020). Retrieved from 12memorial.ru website: http://12memorial.ru/molchat-rasskazyvat (In Russian).

Sneagon, T. (2019). Dying in the Soviet Gulag for the Future Glory of Mother Russia? Making «Patriotic» Sense of the Gulag in Present-Day Russia. In N. Bernsand & B. Törnquist-Plewa, *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia* (pp. 105–140). Amsterdam: Brill.

Snegovaya, M. (2016). Blind spots of love for the homeland. Retrieved from Vedomosti website: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/11/648684-slepie-pyatna (In Russian).

Syrov, V. N. (2020). Ways and Means of Historical Reconciliation: The Professional Community and the Problem of Conflicting Narratives about the Past. *Tempus et Memoria*, *1*(1–2), 44–52. (In Russian).

Ushakin, S. (2009). "Do we have this pain to breathe?" On Trauma, Memory and Communities. In S. Ushakin & E. Trubina (Ed.), *Trauma: Points* (pp. 5–41). Moscow: New Literary Review. (In Russian).

Zevako, Y. V. (2019). Russian Identity, the Politics of Memory, and the "Era of Political Repression": Toward a Statement of the Problem. *General History Questions,* (22). doi: 10.26170/vvi19-01-19. (In Russian).

Journal of Frontier Studies. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
The Urban Configuration | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.258

THE IDENTITY FEATURE: THE EMERGENCE OF THE CITY

Zhanna V. Nikolaeva

St. Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia. Email: z.nikolaeva[at]spbu.ru

Abstract

The article considers the dubious concept of "city limits" and "urban features": territorial boundaries and imaginary urban features expressed in Russian by the same abstraction. As many concepts explicating 'city' and 'urban' remain confusing, we have tried to take the concept of external borders as a starting criterion to depict what is inside these boundaries and to discover the dialectical transformation in the dynamics of the intersection of material and immaterial boundaries of the so-called "urbanized environment". M. Foucauldian "archeology" is taken for methodology (except for the description of the history of city boundaries). The spatial concept proposed as a defining analytical tool reveals additional possibilities for the study of social reality in the context of 'philosophy of the city'. The urban contour is the outline of an abstract space, a mimetic place, both produced and productive. Having lost its clear boundaries, urban space, however, continues to ensure the coordination of flows and networks.

The research can be applicant to the clarification of the borders of identity and spatial boundaries of the city in order to refine the definition of the concept of "urban" environment, as well as in interdisciplinary studies of the fluidity of borders.

Keywords

city limits; borders; identity; urban contour; urban environment; philosophy of the city

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Журнал Фронтирных Исследований. 2021. No 5 | ISSN: 2500-0225
Конфигурация города | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.258

ЧЕРТА ИДЕНТИЧНОСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДА

Николаева Жанна Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
Email: z.nikolaeva[at]spbu.ru

Аннотация

В статье рассматривается двойное понятие «городская черта»: территориальные границы и воображаемое городское, то есть признаки, характеризующие город и маркирующие принадлежность к нему. Поскольку во многом понятия город и «городское» остаются размытыми, мы попытались в качестве отправного критерия взять понятие границы и внешнего, чтобы описать то, что находится внутри этих границ, дабы обнаружить диалектические трансформации в динамике пересечения материальных и нематериальных границ т.н. «урбанизированной среды». В качестве методологии (за исключением описания истории городских границ) используется «археология» М. Фуко. Предложенный как определяющий аналитический инструмент пространственный концепт раскрывает дополнительные возможности для исследования социальной реальности в контексте философии города. Городская черта — это контур абстрактного пространства, миметического места, произведенного и производящего. Лишившись четких границ в наше время, городское пространство, однако, продолжает обеспечивать согласование потоков и сетей.

Исследование может быть использовано для прояснения границ идентичности и пространственных границ города, уточнения определения понятия «городской» среды, а также в междисциплинарных исследованиях флюидности границ.

Ключевые слова

городские границы; границы; идентичность; городские черты; городская среда; философия города.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДСКИХ ГРАНИЦ

В истории городской цивилизации (а нашу цивилизацию следует признать именно городской) основным вопросом, связанным с историческими представлениями о территории города, является понимание и описание, возникающее в связи с ее расширением (экспансией) за пределы собственных границ (городских стен) и легитимацией включения новых пространств в формальный статус города. Понятие границы городских земель и сейчас еще применяется, в первую очередь в современной географии и юриспруденции, для отграничения города от прилегающей сельской местности. Всем известен дорожный знак, маркирующий пересечение невидимой границы в виде появляющегося или перечеркнутого комплекса графических силуэтов, напоминающих средневековое поселение с башней замка, крышами домов и силуэтом церкви, выглядывающими на фоне стены.

Когда-то греческий полис стремился к строгой фиксации своего пространства (отделения его от *хоры*) в физическом и даже метафизическом смысле. Здесь не только возникли привычные теперь кварталы, стены, общественные пространства (площади, здания, рынки), архитектурные доминанты как топос власти — мифопоэтической или реальной. Аристотель полагал, что у городской планировки есть автор-архитектор — Гипподам из Милета: «Он проектировал государство с населением в десять тысяч граждан, разделенное на три части: первую образуют ремесленники, вторую — земледельцы, третью — защитники государства, владеющие оружием. Территория государства также делится на три части: священную, общественную и частную» (Аристотель, 1983, с. 442). Планировочная система таких городов, как Александрия Египетская, Фурии, Родос, Пирей, носит его имя; но и планировка многих современных городов может быть названа «гипподамова». Нужно пояснить, что к этой системе «демократической сетки» с равноправием застройки в последующие века много раз обращались архитекторы-утописты, и прошлый век — не исключение. А вот театры и стадионы строились уже за пределами города, хотя бы потому, что «пространство» греческого полиса было строго ограниченным[1]. Представление об инклюзии в городское пространство тех или иных объектов, важность события маркирования городской черты — одно из самых ранних проявлений человеческого «городского» бытия. Главное

1 Невозможность размещения населения за определенным барьером влекла за собой демографические сложности; по достижении предела часть жителей эмигрировала, создавая новые полисы-колонии. Создание «колоний» имело значительные последствия для распространения культуры, особенно языка, а также для политических и экономических связей. Классический период греческой античности — одна из первых известных нам эпох «возвышения городов».

событие в жизни горожан — праздничные шествия по поводу жертвоприношений, сопровождавшиеся пением гимнов и всеобщей трапезой (перформанс, который стоит отнести к практикам, формирующим всеобщную идентичность горожанина-гражданина) начиналось на окраинах города и подчеркивало топографическую иерархию городского зонирования, заканчиваясь на акрополе. Подобная модель была и у этрусков, затем унаследованная от них римлянами, где эти шествия дополнились триумфами, для чего были изобретены входные парадные арки, первоначально обозначавшие границы городской черты.

Несколько другой план города, но также рационально упорядоченный, мы находим в Риме времен империи: для новых городов использовалась схема каструма, т.е. военного поселения. На территории Апеннинского полуострова на месте каструмов выросли города: Юлия Аугуста Тауринорум (Турин) и Аугуста Претория (Аоста), а на заальпийских территориях — Вена, и многие другие, построенные, когда центр западной части империи сместился далеко на Север от Рима — в Цизальпийскую Галлию. Эта модель, что необходимо подчеркнуть, в отличие от греческого полиса, этрусских и ранних римских городов, предполагала не замыкание внутри высоких городских стен, а, напротив, свободу и простор для будущего многократного увеличения площади. По свидетельству Страбона, «...если считалось, что греки при основании городов особенно удачно достигали цели стремлением к красоте, неприступности, наличию гаваней и плодородной почвы, то римляне как раз заботились о том, на что греки не обращали внимания: о постройке дорог, водопроводов, клоак…» (Страбон, 1994, с. 220). Это и есть главное революционное преобразование, которое мы находим в «западной» (по отношению к греческой) модели, раскрытой «вовне». Поясним: из описаний историков начала новой эры, например, Полибия, мы знаем, что прямоугольный или квадратный в плане «лагерь» был окружен рвом или естественным углублением в рельефе земли, иногда насыпью, затем частоколом (Полибий, 1994). И тот, и другой тип фортификации был легко устраним в случае расширения городской черты, например, за счет включения в нее близлежащего поселения. Так возник прообраз современного нескончаемого мегаполиса[1], первым из которых и стал, по всей видимости, Рим, породив новый феномен: замкнутые (отчужденные за счет новых стен или других барьеров) пространства внутри. Город существовал в течение многих

1 В этом смысле нельзя достоверно утверждать, что ближе к истине: то, что столицы империй разрастаются до невероятных масштабов, или же то, что города, предназначение которых — стать великими, создают свои империи.

столетий, прежде чем при папе Льве IV, после того как сарацины в 846 году разграбили базилику Святого Петра, были возведены стены самого известного нам «города в городе». Территория была названа «*Civitas Leonina*» (Город Льва) и представляла собой своеобразный «защитный панцирь» для христианских цивилизационных ценностей.

Самый интересный вопрос, возникающий в связи с этим — это преломление представлений об античном городе-Граде в последующую христианскую эпоху, которая, как известно, в период Высокого средневековья вернула городам стены, замкнутость, ограниченность и попыталась внедрить стандарты городской (мультистратной) горизонтальной идентичности. На планировку и на очертания городской границы повлияли требования нового социального порядка: город-мир, замкнутое пространство, община, модель вселенной: «Христианство будет зиждиться на игре слов *Mundus* и *immundus*» (Лефевр, 2015, с. 242).

Еще раз кардинальные изменения в пространственных структурах городов происходят в Новое время, и особенно после наполеоновских реформ во всей Европе. Швейцарский историк Якоб Буркхардт считал первым городом нового типа (новоевропейским городом) итальянскую Феррару (Буркхардт, 1996). В чем заключалось отличие этого города? Дело в том, что именно здесь впервые в европейской истории (но не впервые, если принимать во внимание гипподамов город античности и еще более ранние примеры городов древних цивилизаций Востока) в 1492 году начинается проектирование городских кварталов по регулярному плану. Сам этот термин происходит от итальянского *Piano regolatore*, то есть по регулирующему, устанавливающему конвенции плану. И дело не только в возврате к Античной рациональности. С тех пор города повсюду в Европе превращаются в административные диспозитивы крупных политических органов, состоящих из территориальных государств. Город-государство, город-мир превращается в воспоминание, в биографическое повествование о своем прошлом. Следствие — постепенное исчезновение пространственных маркеров городской идентичности: стен, застав и т.п.

В результате европейской промышленной революции семнадцатого-девятнадцатого веков иммиграция населения из сельской местности превращала окраины в рабочие предместья, а искусственное включение новых смежных пространств в черту города, особенно вдоль путей сообщения, сделало привычной нам экспансию города через присоединение близлежащих населенных пунктов, образование городских агломераций. Потеря границ города как символической формы, ощущение прелести загородной жизни привели в XX веке к утра-

те ценности «городского» проживания и, как следствие, к «контр-урбанизации», теоретической и практической, которая, впрочем, сейчас некоторыми исследователями воспринимается как обновленная урбанизация, то есть как продолжающаяся экспансия городской среды, городского образа жизни; пусть при этом невозможно усмотреть со всей очевидностью географические очертания города-центра: матрица как организм воспроизводится в пространстве. Вместо фактических границ главенствует теперь иерархически-сетевой принцип: каждый центр (районный, дворцовый, религиозный) принимает на себя определенный ранг в иерархической лестнице и оказывает свое влияние на хорошо различимую область гравитации.

ГРАНИЦЫ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Границы наших городов двойственны: это и город включённый, и вобравший в себя другие топографии одновременно. Не случайно этот эффект со всей остротой переживаний описывает еще литература XIX века: город — место обитания призрачных размытых идентичностей, двойников, а сам город — уничтожитель. Можно вспомнить и петербургских титулярных советников, живущих «в городе», но не ощущающих себя столичными жителями в удалении от парадного центра, и «эскаписта» Обломова, но можно ли говорить о существовании внятных идентитарных «границ» постиндустриального города?

Городская идентичность — это и самоидентификация горожанина (городская принадлежность) по принципу отождествления себя с городским сообществом, и — пространственно-территориальные идентичности городской среде. Городская среда функционирует и развивается по определенным присущим только ей закономерностям; предполагает выявление условий, способов и механизмов ее формирования; представляет собой поле взаимодействия человека с миром. Последнее включает в себя не только взаимодействие с материальными объектами, но и с сетями, и социальными группами; то есть среда может быть определена как материальное наполнение (сооружения, природа), сети и связи всех типов внутри городской среды, соединяющих ее части между собой и элементы с внешним миром; мифологический, литературный, кинематографический топос. Если все-таки возможно различение идентичности горожан и идентичности места, локуса, который они населяют, то вопрос этот должен изучаться в контексте жизни города как системы, как организма. Границы такой идентичности выходят далеко за пределы географической карты местности и представляют собой особый конструкт.

Первоначальный конструкт идентичности горожанина и города возник в греческой полисной классической античности, и он был описан еще Аристотелем в Политике. Гражданское (городское) общество претерпело некоторые изменения в эллинистический и римский имперский период, но в целом идентитарная модель просвещенного горожанина-гражданина, носителя определенной характеристики личности, отдающего городу (и обществу) свои физические и душевные ресурсы (неготиум[1]) сохраняется. Гражданские обязанности горожанина получают дальнейшее развитие и связываются теперь не столько с местом (римские граждане много времени проводили в далеких поместьях), сколько с *Res publica* — общественным городским делом. Для этого Цицерон в трактате «О государстве» устанавливает латинские (а не греческие) термины, определяя горожанина: *civitas optimatium* — «община лучших», аристократия, и *civitas popularis* — «народная община», демократия (Цицерон, 1994). Цицерон их не противопоставляет. В латинском языке понятия городской, государственный, политический, цивилизованный (не варварский) этимологически сливаются в одном — «civilis». Происходит дальнейшее развитие интерпретации характеристик горожанина не в связи с территорией рождения, происхождения и проживания, а в связи с определением достоинства гражданина. Например, мужское личное имя латинского происхождения Урбан (от лат. Urbanus — «городской») среди значений имеет также «вежливый, благовоспитанный; светский» (Рыбакин, 2000, с. 190). Использование этого имени, широко распространенное у знати в раннем средневековье, может свидетельствовать о том, как фиксируется представление о городе не столько как о территории внутри городских стен, сколько как о территории, на которой проживают носители гражданского сознания и гражданских обязанностей по отношению к городу, обладающие особыми чертами.

Идея городского жителя как носителя особой поведенческой характеристики получила свое дальнейшее развитие в Высоком средневековье и в Ренессансе. Нам она представляется особой культурной моделью социального расширения традиционных представлений о жизни за пределы календарного цикла, мифических сил, патриархально-авторитарных установок. Именно тогда наша культура стала условно делится на «городскую» и традиционную, архаическую. Свои особые характеристики горожанин не черпает из трансцендентального значения, а заимствует у логических рациональных представлений.

1 В обязанности римского гражданина входил обязательный *negotium* — время, отведенное для службы *populis* — обществу.

С начала XI в. в Европе происходила «стремительная» урбанизация. В это время обнаруживают себя специфические взаимоотношения между пространственными очертаниями городов, районов, деревней. Города стали средоточием престижа и присоединяющегося к нему эпифеномена власти. Функции феодальных сеньоров в городах ограничивались, даже если их исполняли епископы. Братства цехов противостояли аристократическим родам и их семейно-клановым традициям. В этом противостоянии крепла «реактивная» (Берк, 1999) идентичность социальной страты пополан, которая подкреплялась значительными финансовыми отчислениями в городскую казну, предназначенными на строительство общественных сооружений, мостов, дорог, стен, храмов и т.п. В Средние века интенции пополан (например, в Италии, во Франции, Ганзейских городах и городах Северной Руси) привели к созданию городских статутов, регулирующих экономику, юриспруденцию, социально-территориальную стратификацию социума, коммунальные стратегии развития, экспансии и обороны (Тьерри, 2011).

Несмотря на то, что гражданин средневекового города обладал «страстью к торговому кочевью» (Буркхардт, 1996), городское социальное пространство постоянно развивалось, закрепляя себя территориально. Общественный и экономический статус горожанина должен был постоянно объективироваться в сооружениях и посещаемых местах, а его житейский статус носителя более утонченной городской культуры (как сказали бы мы сейчас — городской цивилизации) реализовывался и в потребительских установках («демонстративное потребление», по Ж. Бодрийяру). Высочайшая цель представителей ремесленного сословия — одна из характерных черт этого периода — выступить заказчиком строительства сооружения или городского монумента. Таким образом очевидно, что в упорядочивании новой городской среды особенную роль играли сооружения, связанные с новыми видами социальной интеракции: городские ратуши, здания мануфактур, цеховых офисов, церквей, которым они покровительствовали.

К средневековым городам имеет отношение зарождение современных европейских языков, традиций культурной диффузии и взаимного познания, изобретение художественных стилей и социальных институтов. Жак Ле Гофф отмечал, что именно «Средневековье оставило Европе в наследство экономику и общество, основанные на отношениях взаимодополнения между деревней и городом, который пользовался ее ресурсами, и эти отношения преобладали над культурным антагонизмом» (Ле Гофф, 2008, с. 163). С одной стороны, культура архаична и использует механизм межпоколенческой трансляции традиций

земли и предков. А с другой — современные реалии экономики, социального капитала, права и представлений о личности тесно и органично связаны именно с реалиями городов средневековья. Именно этот тип города и специфическая городская культура (среда) сохранились и определяют эволюционные процессы в наше время как минимум в городских пространствах так называемой «западной цивилизации». Современные «западные» мегаполисы-агломерации, к которым следует отнести и крупные российские города, точнее было бы называть метрополисами (в переводе с древнегреческого — материнский город, город-прародитель). Мишель Фуко (Фуко, 2006 a, 2006 b, 2011) и, главным образом, Анри Лефевр (Лефевр, 2015) исследовали пространственные практики вплоть до использования различными социальными группами отдельных территорий, которые создают отношения совместного взаимодействия с городом.

ГОРОД И «ПРОИЗВОДСТВО ПРОСТРАНСТВА»

В философской методологии описания городских пространств чаще всего используются критерии, заимствованные из таких предметных областей, как эстетика города, онтология города, идентичность города, образ города и идентичность горожанина, исследования городского топоса. Феноменологическая же интерпретация возможного взаимодействия субъекта с социальным пространством, в котором происходит действие, характеризуется рядом архетипов и модальностей, имеющих нормативное значение, — полагает современный философ Альберто Пирни (Пирни, 2020). Применительно к способам трансформации городских пространств в европейском контексте можно сфокусироваться вокруг универсальных понятий о действиях и ценностях. Метод изучения городских социальных пространств не только как закрытых, защищенных границами образований, но и как пространств, пересечение которых возможно и разнообразно, вносит в наше понимание города новую динамическую величину.

Каким бы ни был географический и исторический контекст, город возникает на пересечении путей, потоков людей, товаров с тем, чтобы со временем укреплять и развивать свое материализованное топографическое значение в этой роли. С римских времен город является одним из главных элементов всего географического пространства ойкумены: как элемент максимальной концентрации достижений цивилизации (созидания и сохранения) и как экономический субъект, не говоря уже о его политической объективации, ярко проявившей себя в Средние века. Из многообразия функций урбанизированной среды родилась такая область знания как культурная география городов, где по-

следним отводится одна из ключевых ролей в организации мирового пространства.

Классик исследования городского пространства А. Лефевр в книге «Производство пространства» (Лефевр, 2015) выделяет «господствующее» и «подчиненное пространство», возникающие в нашем «социологическом воображении» (Миллс, 2001): «Архитектура изымает у природы некое место, чтобы передать его политике с помощью символов» (Лефевр, 2015, с. 69). Пространство цивилизации он подразделяет на абсолютное, историческое и абстрактное. Каждое общество (средневековое, капиталистическое, неокапиталистическое, коммунистическое) «производит» собственное абстрактное пространство. Архитектурные доминанты и дорожные сети «привязывают» его к ландшафту. «Абстрактное» пространство, первоначальной колыбелью которого служили города, функционирует в высшей степени сложно: «Точно так же, как диалог, это пространство предполагает молчаливое соглашение, пакт о ненападении, почти договор о неприменении силы» (Лефевр, 2015, с. 61). «Пространственный консенсус есть часть цивилизации», — продолжает А. Лефевр (Лефевр, 2015, с. 70).

Обратимся еще раз к истории городской цивилизации. Правовой режим закрепления за городом территорий восходит к древним представлениям о городе как об отдельном государстве, то есть к тем временам, когда значение имела не территория (город мог мало чем отличаться от сельской местности), а статус гражданина, включенного в символический круг[1]. Античный Урбанус являлся эпитетом Марса. Марс, отец Рема и Ромула, родоначальник и хранитель Рима, имел свое святилище вне городских стен, поскольку его вооруженное войско не должно было входить на территорию города (таким образом обозначались границы города), но римляне чтили его как творца порядка из хаоса войны.

Городские пространства «произведены». Они есть — продукты деятельности: это политические продукты, стратегические пространства. Но парадокс, или «весьма специфический диалектический процесс» (Лефевр, 2015, с. 98) заключается в том, что одновременно они являются пространствами, «производящими» социальные конструкты.

1 «Основатель Рима (Рем), очертив плугом круг, изымает фрагмент пространства из природы и наделяет его политическим смыслом. Основание города целиком символично и всецело практично; реальность смыкается со смыслом, а непосредственное — с абстрактным» (Лефевр, 2015, с. 240).

ВОЗМОЖНАЯ ПРОЕКЦИЯ БУДУЩИХ ОЧЕРТАНИЙ ГОРОДОВ

Акцент на социальном конструировании возник благодаря идеям М. Фуко[1]. Решетки, сети — очевидные маркеры городского пространства, как и понятие «интеллектуального фильтра». Кроме того, здесь можно провести параллель с «вызовами совместного проживания», «инаковостью» и «взаимным признанием» при пересечении городских социальных пространств (Pirni, 2018). Они не только существуют, но и оказывают сопротивление; на них не так легко повлиять. Городское пространство фиксировано, оно предопределено.

Город для нас — это не просто топос или соединение каменных построек с улицами, общественными сооружениями, физическими или административными границами. Нам представляется, что городская среда — это гораздо более общее и широкое понятие и явление, это история населения планеты, история политики, культурных экспансий и нескольких форм цивилизации, а также соседство и соперничество с размеренным сельским образом жизни, возникновение и сохранение собственных идеалов.

Каждая историческая эпоха вырабатывает собственный стиль мышления, в силу чего она смотрит на мир своими глазами, пользуется своей специфической системой мыслительных координат, а внесение новых социальных порядков предполагает де-объективацию культурной информации, заложенной в городское пространство ее предшественниками. Актуальная философия урбанизма призывает не изучать город «по частям» как аспекты планирования, строительства, поддержания и управления, а как более широкий метафизический вопрос «жизни города». Многие выдающиеся мыслители прошлого, например, Л. Мамфорд (Мамфорд, 2001) поразительным образом предугадали и влияние технологий на город, и результаты трансформаций роли городов в мировой цивилизации. Современная философия города и «городского» направлена на выработку более тонкого и целостного взгляда на проблему.

Растущий интерес к будущему городов развивается параллельно интересу к трансгенерациональной ответственности[2], теории устойчи-

1 Гетеротопии описаны в эссе Мишеля Фуко «Другие пространства». В культурной географии этот термин определяет «идею» не совсем традиционного (для города) места. Особенностью подобного рода мест является то, что, находясь в связи со всеми остальными социальными пространствами, они в то же время противоречат им.

2 На данном этапе развития человеческой цивилизации особенно остро стоят антропологические, социально-философские и онтологические вопросы, наряду с их осмыслением в области права и морали, в частности, вопросы трансгенерациональной ответственности и власти. См. об этом подробнее: (Андина, 2019; Andina, 2020)

вого развития и осознанного потребления. Надо сказать, что еще до начала нынешнего кризиса в философии и культурологии часто поднимались проблемы развития нового витка антибуржуазизма, социального гуманизма и новых форм правового дискурса. Например, идея культурного конструирования дала нам идею конструирования идентичности и, как следствие, конструирования («производства») пространства для этой идентичности. Изменения в повседневной жизни обычных людей влекут за собой изменения в материальной культуре и ландшафте среды обитания человека: «...Физическая окружающая среда придает форму культуре, не так, как думают детерминисты, но ограничивая доступные опции. ...я имею в виду ...заимствование культуральными историками понятий экологов» (Берк, 2015, с. 213-214), то есть запрещая, ограничивая, отчуждая.

В не меньшей степени и методология постколониальных исследований, равно как и разрабатываемая в настоящий момент теория флюидных границ, — хорошие примеры взаимодействия *cultural studies* в исследовании будущего городских очертаний за пределами европейского контекста: «Характерные черты фронтира, сформировавшиеся в современной литературе, сводя его сущность к быстротечности условий, к постоянному непостоянству, тем не менее отличаются от понятия “столкновения культуры и дикости”, характерного для процессов колонизации, и естественно, что такое значение теперь приписывается только историческим описаниям» (Troitskiy, 2018). Отчасти к таким странам, где все методы еще предстоит изучить и адаптировать к особенной реальности, можно отнести и Россию, где городские стратегии пространственного развития формировались десятилетиями как социальные и архитектурные утопии. С одной стороны, в нас укоренился страх любого стратегического планирования, а с другой стороны для всех наших населенных пунктов разработан документ (генеральный план), который пишется на много лет или десятилетий вперед. Сложность долгосрочного планирования порождает отчуждение в области креативной этики и морали. Никто не понимает, как на самом деле будет выглядеть территория (да и как она должна выглядеть) через тридцать-пятьдесят лет. Несмотря на кажущуюся жесткость социально-урбанистического планирования, идеальный результат все время ускользает от горожан. Рост города и заполнение вновь обретенных пространств происходит по сценарию, достойному гоголевского или кафкианского описания.

Городская черта — не столько пространственное ограничение или же маркер разрыва в традиционной культурной преемственности, сколько — креативное пространство, собирающее то, что мы назвали

бы будущей парадигмой, будущим конструктом. Не менее важно и то, что «коллективный дискурс», а не индивидуальное мышление — есть также реализация городской, «площадной» (Бахтин, 1972) полифонии и полиглоссии. Город — это пространство для импровизации, для создания временных сущностей, или сущностей «над-временных»: «Архитектура — коллективное искусство, в котором план может рассматривать как вид сценария, оставляющий мастерам пространство для импровизации» (Берк, 2015, с. 146).

Вполне вероятно, что город будущего будет целиком соответствовать типу пространств, который Фуко назвал «гетеротопиями». Гетеротопии выходят за пределы мышления и языка, конституируя пространство атопии и афазии: они «приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются» (Фуко, 2006 а, с. 195). Согласно М. Фуко, пространственные формы, в которых воплощается социальная активность и материальная культура (спатиализация), приводят к образованию культурных форм разных масштабных уровней от жестов и телесных манер до геополитических отношений государств. В этом смысле пространственные очертания наших городов, как внутренние, так и наружные, могут быть прочитаны как планиметрическая запись коллективной интенциональности, как топографическое отображение «культурного поля». А так как «новый архивариус» еще давно «возвестил смерть человека» (Делез, 2016, с. 375), по-видимому, называя так смерть традиционных идентичностей, то и мы можем предположить смерть их пространственных спатиализаций.

Мы находимся на новом витке социальной горизонтальной мобильности, к изучению которой начинают применяться в том числе и математические методы. Если бы не замедление, возникшее в 2020 году, мы все чаще говорили бы об эпохе постоянной смены мест обитания или даже устранения четкой идентификационной связи с местом. Сейчас теории анализа пространственно-территориальных идентичностей в городской среде пост-мегаполисов и возникающих в них проблем обращаются вокруг поисков мобильной среды для выхода города за пределы и пространства, и времени, в том числе и для проектирования условий устойчивого развития.

Философская рефлексия М. Фуко о гетеротопиях и гетерохрониях, размышления Ж. Бодрийяра и теория «нулевого пространства» Ж. Нувеля (Nouvel, Baudrillard, Hays, 2002)[1] уже есть актуальная градострои-

1 Известный архитектор и теоретик Жан Нувель предлагает не производить пространства с идентичностью (“места”); и изобрел теорию так называемого ”нулевого пространства".

тельная практика. Гипотеза состоит в том, что именно работа с представлением о времени, или даже его игнорирование, будет все чаще отражать специфику работы последующих поколений урбанистов. Мы предполагаем, что последовательный выход за пределы времени исторического (эксперименты с сооружениями и даже целыми районами, состоящими из легко собираемых и легко уничтожаемых элементов, то есть отказ от постоянных форм) соответствуют идеям бережного отношения к будущим поколениям через отмену тоталитарной, то есть обусловливающий выбор следующих поколений, городской среды. Для Ж. Бодрийяра современный мир представляется виртуальным, архитектура также становится виртуальной, и хотя он и «негодует» по поводу поглощения всех остальных форм духовного пространства цифровым, нельзя не предположить, что современные очертания города отчасти уже преодолели пространственное измерение.

Список литературы

Andina, T. (2020). *Transgenerazionalità: Una filosofia per le generazioni future [Transgenerationality: a philosophy for future generations]*. Milano: Carocci editore. (In Italian).

Baudrillard, J., & Nouvel, J. (2002). *The singular objects of architecture*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Pirni, A. (2018). *La sfida della convivenza: Per un'etica interculturale [The Challenge of Living Together. Towards an intercultural ethics]*. Pisa: ETS. (In Italian).

Pirni, A. (2020). Exclusion, Transition, and Recognition: Normative Archetypes for Crossing Urban Social Spaces. *Journal of Frontier Studies*, *5*(1), 29–39. doi: 10.46539/jfs.2020.1.2939

Troitskiy, S. (2018). The problem of terminological precision in studies on cultural exclusion zones. *Rivista Di Estetica*, (67), 165–180. doi: 10.4000/estetica.2772

Андина, Т. (2019). Размышления о трансгенерационном сообществе. Границы и связи между поколениями. *Studia Culturae*, (40), 7–16.

Аристотель. (1983). *Политика. Сочинения: В 4 томах* (Т. 4). Москва: Мысль.

Бахтин, М. М. (1972). *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Художественная литература.

Бёрк, П. (2015). *Что такое культуральная история?* Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.

Архитектор предлагает градостроительные решения, которые могут разрушать или пересекать (даже разбивая их) любые границы в городской среде. В своих работах Nouvel предлагает максимальную дематериализацию здания, метафорически уделяя приоритетное внимание категории времени, а не пространству. “Практическая” философия Нувеля разрабатывает концепцию “активного пространства" и "места-события" и предлагает объединить (при создании новых городских пространств) категории иллюзии, тайны, мифа и легенды.

Буркхардт, Я. (1996). *Культура Возрождения в Италии: Опыт исследования*. Москва: Юристъ.

Делез, Ж. (2012). Новый архивариус (Археология знания). В *Археология знания*. Санкт-Петербург: Издательский центр "Гуманитарная академия".

Ле Гофф, Ж. (2008). *Рождение Европы*. Санкт-Петербург: Александрия.

Лефевр, А. (2015). *Производство пространства* (И. Стаф, Пер.). Москва: Strelka Press.

Мамфорд, Л. (2011). *Миф машины. Техника и развитие человечества*. Москва: Логос.

Миллс, Ч. Р. (2001). *Социологическое воображение* (О. А. Оберемко, Пер.). Москва: Издательский Дом NOTA BENE.

Полибий. (1994). *Всеобщая история* (Ф. Г. Мищенко, Пер.). Санкт-Петербург: Наука; Ювента.

Рыбакин, А. И. (2000). *Словарь английских личных имён*. Москва: Астрель; АСТ.

Страбон. (1994). *География. Книга V*. Москва: Ладомир.

Тьерри, О. (2011). *Городские коммуны во Франции в Средние века*. Москва: URSS: ЛИБРОКОМ.

Фуко, М. (2006a). Другие пространства. В *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью* (сс. 191–204). Москва: Праксис.

Фуко, М. (2006b). Пространство, знание и власть. В *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью* (сс. 215–237). Москва: Праксис.

Фуко, М. (2011). *Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1977-1978 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука.

Цицерон, М. Т. (1994). *Диалоги*. Москва: Научно-издательский центр «Ладомир» - «Наука».

References

Andina, T. (2019). Reflections on the transgenerational community. Intergenerational boundaries and connections. *Studia Culturae*, (40), 7–16. (In Russian).

Andina, T. (2020). *Transgenerazionalità: Una filosofia per le generazioni future [Transgenerationality: a philosophy for future generations]*. Milano: Carocci editore. (In Italian).

Aristotle. (1983). *Politics. Works: In four volumes* (Vol. 4). Moscow: Mysl. (In Russian).

Bakhtin, M. M. (1972). *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow: Fiction Literature. (In Russian).

Baudrillard, J., & Nouvel, J. (2002). *The singular objects of architecture*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Burke, P. (2015). *What is cultural history?* Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russian).

Burkhardt, J. (1996). *Renaissance Culture in Italy: A Research Experience*. Moscow: Yurist. (In Russian).

Cicero, M. T. (1994). *The Dialogues*. Moscow: Scientific-Publishing Center Ladomir - Nauka. (In Russian).

Deleuze, J. (2012). The New Archivist (Archaeology of Knowledge). In *Archaeology of Knowledge*. St. Petersburg: Humanitarian Academy Publishing Center. (In Russian).

Foucault, M. (2006a). Other spaces. In *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews* (pp. 191–204). Moscow: Praxis. (In Russian).

Foucault, M. (2006b). Space, Knowledge, and Power. In *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews* (pp. 215–237). Moscow: Praxis. (In Russian).

Foucault, M. (2011). *Security, Territory, Population: A Course of Lectures delivered at the Collège de France during the 1977-1978 academic year.* St. Petersburg: Nauka. (In Russian).

Le Goff, J. (2008). *The Birth of Europe*. Saint Petersburg: Alexandria. (In Russian).

Lefebvre, A. (2015). *The Production of Space* (I. Staf, Trans.). Moscow: Strelka Press. (In Russian).

Mills, C. R. (2001). *The Sociological Imagination* (O. A. Oberemko, Trans.). Moscow: NOTA BENE Publishing House. (In Russian).

Mumford, L. (2011). The Myth of the Machine. Technology and the development of mankind. Moscow: Logos. (In Russian).

Pirni, A. (2018). *La sfida della convivenza: Per un'etica interculturale [The Challenge of Living Together. Towards an intercultural ethics]*. Pisa: ETS. (In Italian).

Pirni, A. (2020). Exclusion, Transition, and Recognition: Normative Archetypes for Crossing Urban Social Spaces. *Journal of Frontier Studies*, *5*(1), 29–39. doi: 10.46539/jfs.2020.1.2939

Polybius. (1994). *General History* (F. G. Mishchenko, Trans.). St. Petersburg: Nauka; Juventa. (In Russian).

Rybakin, A. I. (2000). *Dictionary of English Personal Names. Moscow: Astril; AST.* (In Russian).

Strabo. (1994). *Geography. Book V*. Moscow: Ladomir. (In Russian).

Thierry, O. (2011). *Urban communes in France in the Middle Ages.* Moscow: URSS: LIBROCOM. (In Russian).

Troitskiy, S. (2018). The problem of terminological precision in studies on cultural exclusion zones. *Rivista Di Estetica*, (67), 165–180. doi: 10.4000/estetica.2772

Journal of Frontier Studies. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
The Urban Configuration | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.257

THE INVISIBLE BOUNDARIES IN THE CITY

Nicola Siddi

University of Turin. Torino, Italy. Email: nicola.siddi[at]unito.it

Abstract

1. Perhaps physical frontiers are less important since somehow the world has become a global entity, in which information passes through the physical walls.

Many of them have been destroyed (Berlin) and some others such as that of Cyprus resist, but they are certainly less effective than in the past. The major concern of the future is the identification of invisible borders within the cities.

It is difficult to identify exclusion, and marginalization is hiding within the cities, even in the weal- thiest ones.

The spaces of the cities have invisible borders, but they are not easy to cross.

2. An MIT study (Xu Y, Belyi A, Santi P, Ratti C. 2019) highlights these problems after processing data on human movements, social networks connections and the socio-economic status of people, the document proposes two indices to measure segregation in Singapore.

The index segregation of communication measures the relationship between people within each so- cial network, considering the frequency of communication and the socio-economic attributes of each person.

The physical segregation index indicates the social exposure which people have towards each other belonging to similar and different socio-economic groups as they move more and more around the city.

3. The MIT study shows how it is possible, through the management of big data, to be able to bring out invisible marginalization situations which can not be seen in other ways.

4. The "documedial process" (Ferraris, Paini, 2018) in which the digital breakthrough has transformed the city, allows not only to bring out areas of border and exclusion but lays the foundations for an analysis of reality capable of highlighting cultural isolation.

Keywords

invisible; boundaries; segregation; marginalization; big data; exclusion; border; cultural isolation; digital breakthrough; documedial process

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Журнал Фронтирных Исследований. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Конфигурация города | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.257

НЕВИДИМЫЕ ГРАНИЦЫ В ГОРОДЕ

Сидди Никола

Туринский университет. Торино, Италия. Email: nicola.siddi[at]unito.it

Аннотация

В современном мире физические границы становятся все менее важны, поскольку в глобализированном мире информация проходит через физические стены. Многие из этих стен были разрушены (в Берлине, например), а другие, например на Кипре, еще сопротивляются, но и они, безусловно, стали менее эффективны, чем в прошлом.

Основная задача будущего - выявление невидимых границ внутри городов. При этом выявить изоляцию бывает довольно трудно, а в городах, даже в самых благополучных, скрывается маргинализация. Пространства городов имеют невидимые границы, но их нелегко пересечь.

Исследуя эти проблемы, ученые Массачусетского технологического института (Xu Y, Belyi A, Santi P, Ratti C. 2019), обработали данных о передвижениях людей, их социально-экономическом статусе и связях в социальных сетях, и предложили два индекса для измерения сегрегации в Сингапуре.

Индекс сегрегации общения измеряет отношения между людьми в каждой социальной сети, учитывая частоту общения и социально-экономические характеристики каждого человека.

Индекс физической сегрегации показывает, как люди, принадлежащих к схожим и разным социально-экономическим группам, становятся открыты друг для друга по мере того, как они все больше и больше перемещаются по городу.

Исследование показывает, как с помощью управления большими данными можно выявить невидимые ситуации маргинализации, которые нельзя увидеть другими способами.

«Документированный медиапроцесс» (Ferraris, Paini, 2018), в ходе которого цифровой прорыв изменил город, позволяет не только выявить области границ и отчуждения, но и закладывает основы для способного выявить культурную изоляцию анализа реальности.

Ключевые слова

невидимый; границы; сегрегация; маргинализация; мега данные; исключение; граница; культурная изоляция; цифровой прорыв; документальный процесс

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

INTRODUCTION

Because they lead my people astray, saying, "Peace," when there is no peace, and because, when a flimsy wall is built, they cover it with whitewash, 11 therefore tell those who cover it with whitewash that it is going to fall. Rain will come in torrents, and I will send hailstones hurtling down, and violent winds will burst forth. When the wall collapses, will people not ask you, "Where is the whitewash you covered it with? Therefore this is what the Sovereign Lord says: In my wrath I will unleash a violent wind, and in my anger hailstones and torrents of rain will fall with destructive fury. I will tear down the wall you have covered with whitewash and will level it to the ground so that its foundation will be laid bare. When it falls, you will be destroyed in it; and you will know that I am the Lord.

Ez. 13, 10-14

Perhaps physical frontiers are less important since somehow the world has become a global entity which information crosses physical walls.

Many of them have fallen (Berlin) and some as that of Cyprus resist, but they are certainly less effective than in the past.

Already in the Hole Bible, in the passage placed at the beginning, in some way, it was highlighted how the walls are destined to fall to the detriment of those who built them and even the plaster of mota (mud) of which Ezekiel speaks, will only serve to deceive people of Israel, but will fail to keep the wall from falling.

PHYSICAL BARRIER

The most famous physical barrier between two nations actually indicates the fragility and evanescence of the border. The wall between Mexico and the United States, often used as a political slogan, is actually reduced to a symbol of division rather than a real barrier, which unfortunately remains so only for desperate migrants in search of the American dream.

The wall reality, under construction, started in the Obama era, exalted in the Trump era and still under construction, is much more complex that political rhetoric and becomes one of the factors on which US Mexican economic relations are based. As Andrew Selee, president of the Migration Policy Institute argues, that frontier that goes beyond the wall makes the two nations indivisible. The digitalization that has allowed globalization has brought to the surface surprising relationships such as the sharing of the airport in the sister cities of San

Diego and Tijuana, the rescue of many American companies by Mexican entrepreneurs, the cultural contamination at the film, sports and culinary level, and the million Americans who moved that revive Mexican towns. We can say that, wall or no wall, deeply intertwined social, economic, business, cultural, and personal relationships mean the US-Mexico border is more like a seam than a barrier, weaving together two economies and cultures.

Don Winslow (an American writer) dedicated a trilogy of novels and a short story to the wall with Mexico and the criminal activities they develop on the borders. In the last novel he ascribes to the thoughts of Keller (protagonist of the trilogy): «but there is no wall, neither here nor there, he thinks smiling. And there never will be. A border is something that divides us, but also unites; There can be no wall, just as there is no wall that divides the human soul between its positive and negative impulses» (Winslow, 2019).

INVISIBLE BORDERS

The greatest concern of the future is the identification of invisible borders within cities. These frontiers are determined by the exclusion that we generally define as social and we define as the inability to access a particular service or good in general. The exclusion we want to deal with, has contents and expresses much wider implications than its common dignity. In this regard, Marc Augé offers a broad and comprehensive analysis of this term.

«Exclusion, therefore. This concept undoubtedly underpins the existence of an interior and an exterior: one is excluded from the inside and finds oneself outside, on the outside. This exterior can be understood in a physical sense. I am referring to the myriad of individuals who flock to the frontiers of the developed world, often at the cost of their own lives, to the boats that regularly capsize at sea, the drama of the escape of excluded individuals, kept out of what in their eyes represents the place. of development, of the possibility of being saved if only they will be able to access it» (Augé, 2007, p. 16).

With these words Augé describes what he calls physical exclusion, the impossibility of entering a country other than the one of origin, this physical exclusion is refoulement at sea, detention in refugee camps, arrest for secrecy. This first aspect, which we will not deal with in any case, is perhaps the bloodiest, from which suffering and death derive, but it is not the last obstacle for those who manage to enter the developed world. The second obstacle is sociological exclusion as Augé defines it: "there is also exclusion in a sociological sense, a social exclusion: within rich countries there are those who do not benefit or benefit little from this wealth, there are who does not have access to a job, to the resources necessary to live.

This group includes many black people who have managed to escape from the poor regions of the planet, passing from the first to the second type

of exclusion. This second marginalization gathers a wider "audience" than the first as there are also natives in financial difficulties, with social problems, and often the elderly, the sick, the disabled, the unschooled and the unemployed.

As Augé states, «it would be too easy, as well as reductive, to circumscribe the phenomenon of social exclusion to the opposition between the center and the periphery: in the same way in which the periphery is not composed only of excluded people - in fact, very rich peripheries exist - often the center the city is hosting excluded people of all kinds. From this point of view, therefore, the notion of exclusion is a clearly sociological notion. It can also involve other aspects relating to the administrative and political order» (Augé, 2007, p. 17).

Linked to this, Augé's analysis includes a synonym for exclusion: marginalization. This term is linked to the physicality of places, in fact, «to lead to the margins» means, in an urban setting, to lead to the periphery. The term periphery is considered negative precisely because it is linked to marginalization. This has not always been the case, in the 60s and 70s of the twentieth century, the periphery was a symbol, certainly not of wealth, but of dignity and modern living.

The problem and decline of these places began in the 80s with the advent of economic crises and the resulting unemployment, producing social and site exclusion. In French there is a term that perfectly identifies this phenomenon: *cité*. In this *cité*, second generation immigrants live in France who are not marginalized by urban imposition, but on an economic and above all school level. As Augé argues, «he who is defeated by the system, he who does not adapt to the school system or the economic system, is marginalized» (p. 19). Spatial marginalization therefore becomes only a consequence of a cultural, social and economic marginalization. The different meaning of *cité* and *ville* has historical and implicit roots in the French language. The *ville* is a concrete and material place while the *cité* is a mental representation. In the French language recently the meaning of *cité* «mostly refers to the squalid and desolate areas that host less affluent fringes on the outskirts of the city» (Sennett, 2018, p. 11).

But the meaning to which Augé refers also maintains the original meaning as from these peripheral places emerge cultural realities such as Rap and other artistic manifestations. As Augé states, «not all the boys from the suburbs, in fact, are part of gangs of criminals. Our information system too often treads its hand on what is wrong, on the spectacular implications of failure, and has tended to silence everything that does not represent a problem, everything that works more or less well. The banlieue is full of young people who make it and others who manage to get out of disadvantaged situations. Microculture is also the original thing that is created in those places: it may

happen that young people do not identify themselves either in their remote origins (Morocco, Algeria, Mali etc.) or in their acquired country, but they feel they have not found their place» (Augé, 2007, p. 25).

These places, especially in this pandemic period, have highlighted the phenomenon of the digital divide linked to economic reasons and the lack of infrastructure. The inability of families to buy computers, tablets or smartphones suitable for distance learning and the low diffusion of fiber in the peripheral areas of cities has once again placed many young students at a disadvantage.

This story has highlighted a double ghettoization, the spatial and the digital one. However, digital, like any tool, also has its positive version which in this case is expressed in the possibility of unmasking exclusion.

SINGAPORE CALLING

It difficult to identify exclusion marginalization is hiding within the cities, even in the wealthiest ones. The spaces of the cities have invisible borders, but not therefore easily crossable.

An MIT study (Xu, Belyi, Santi & Ratti, 2019) highlights these problems after processing data of human movements, social network connections and people's socioeconomic status, the document proposes two indices to measure segregation in Singapore. The communication segregation index measures the connection between people within each individual social network, considering the frequency of contacts and the socio-economic attributes (linked to the value of the residential properties) of each person.

The physical segregation index measures the social exposure that individuals have towards people belonging to similar and different socioeconomic groups as they move more around the city. The study was born from the intuition that while cities are places of meeting opportunities on a cultural, social and economic level, they can also be places of marginalization. The meeting of people who have different ethnic, cultural and socio-economic backgrounds is a sign of differences that make the city interesting, but which can turn into alienation.

The analysis of the workplace and residence provides us with a too static division mapping that often does not identify the urban social reality. Carlo Ratti, in fact, states: «Cities are rather dynamic, and we need better tools to understand people's exposures to other social groups as they interact with each other in the city and in social networks» (Singapore Calling).

The MIT study substantially highlights how it is possible, through the management of big data, to be able to bring out otherwise invisible situations of marginalization. «This is the first study to propose a methodology to quantify segregation in a coupled physical-social space. It allows us to go beyond

the traditional measures of residential segregation that are expressed through static spatial terms» (Singapore Calling), comments by Paolo Santi, a Research Scientist at the MIT Senseable City Lab. By better understanding social segregation in cities, the ultimate goal is to find ways to bring people together, creating vibrant and diverse cities.

The documentary process (Ferraris & Paini, 2018) in which the digital turning point has transformed the city not only allows for the emergence of border and exclusion areas but lays the foundations for an analysis of reality capable of highlighting the cultural isolation it has strong analogies with the emergence of criminal activities. He believes that crime is an emergency, not so much from the point of view of urgency, but in relation to its emergence of the evolution of the social reality deriving from culture, place, socio-economic context and historical moment.

The city, as you can easily guess, offers more opportunities for crime. This suggestion is confirmed by the data: taking as an example the region and the Italian city where I come from, Turin has a 31% higher crime rate than the regional territory (Piedmont 5,155 out of 100,000 inhabitants of Turin 6,763 out of 100,000 inhabitants). As noted by Geoffrey West (2017), city infrastructures have a sublinear ratio with respect to the demographic figure of 0.85, while in the socio-economic context, the ratio is superlinear equal to 1.15. This means that if the length of the roads, the quantity of electric cables, the diffusion of sewers increases with an index of 0.85 with the increase of the population, wages, wealth, flu cases and the incidence of crime increase to an extent. of 1.15.

Once we have verified that the city, in addition to being the privileged place for the spread of culture, is also the center of crime, we can ask ourselves the following question: to what extent does the city affect crime and how does delinquency affect the city? The question is complex as the *urbs* (the physical part of the city) and the *civitas* (the citizens) are "woven" together according to the definition of Edgar Morin (2015). It is not a question of researching the laws that define the relationship between daily life (therefore crime) and the city, but of using a method that allows us to deal with uncertainty and verify how they affect each other. The modern shape of the world (including the criminal one) is given by the complex interrelationships between society, city and global computerization that are characterized by heterogeneity, the network, interdependence and the ability to adapt. To understand, manage and possibly contribute to changing society, we must change the paradigm by considering two essential points of contemporaneity: the exponential acceleration of changes and the network.

While taking into consideration Morin's reflections on the non-exhaustive use of big data, we believe it is important to point out that their use can

play a complementary role in the context of complex analyzes. An example of this is the case of Singapore that we described earlier.

We have analyzed various forms of borders that the city can raise, some limits are physical and appear to be less dangerous and, in any case, less significant than immaterial borders. Physical walls are, if not demolished, at least overcome by digital tools which are able to reveal pockets of marginalization that are difficult to bring to the surface otherwise, but at the same time the medialization of reality involves in turn the emergence of digital segregation that however, it somehow damages itself and its elimination depends on political decisions.

PANDEMIC

In this pandemic period we believe it becomes interesting to underline how digital barriers can play a positive role. For greater protection, security and control of Covid19 we have very effective tools linked to our smartphones. In this regard, we would like to remind you that an app called "fluphone" was developed on a European level in 2011 and was not used for reasons related to privacy. Without entering into the controversy that arose from the use of data by China, South Korea and Singapore - a use that has had an indisputable success – we remember how willing we are to pour our personal data for futile reasons on social networks (Facebook, Twitter, TikTok, Instagram) without any control and then suddenly worry about our privacy in the event of a health emergency.

In any case, on the use of technology and innovation, it is good to remember how we discovered the reason for the infection and consequently also the nature of the spread of the cholera bacterium which, in the nineteenth century, had severely tested the cities of London and New York.

In 1854 in Soho (Johnson, 2006) (London suburb), one of the major outbreaks of cholera developed. In this area of the city lived a doctor, John Snow, who for four or five years had already claimed that cholera was transmitted through contaminated water, but without being able to convince anyone. The public health authorities had largely ignored his words. He had observed that the inhabitants near a particular water pump died more frequently. Snow resided right nearby and had suspected that such a concentrated outbreak could have only one source, which many drew from, as the infection did not have the traditionally slow progression that was expected.

To analyze the situation he used Henry Whitehead, a local minister who was by no means a man of science, but was incredibly socially connected. The latter in fact knew the whole neighborhood and provided information on the inhabitants so that Snow could "trace" the cases of people who had drunk the water from the pump. The next and final step was to draw a map that repre-

sented in a way the situation was clear. The direct consequence was that, by convincing the population to boil water, the outbreak was exhausted and in the following years London and other large cities began to equip themselves with sewers to prevent the aquifers from being subject to pollution. Snow was not the only reason that pushed cities to equip themselves with hygienic technologies, but it has certainly contributed to improving life in urban areas. life, but certainly the clever use of Dr. Snow's map shows us how even a simple app could help us in case i n which danger once again loomed on our global smart cities.

CONCLUSION

In conclusion, our evolution and our survival have depended - starting from two hundred thousand years ago, just when Homo sapiens distinguished itself among other species - on technique and innovative capacity and to these must be linked our hopes and our research efforts. Once again it will be the city that will allow us these developments and provide us with the solutions to break down physical walls and to make every type of barrier, even the invisible ones, surmountable.

References

Augé, M. (2007). *Tra i confini: Città, luoghi, integrazioni [Between the borders: cities, places, integrations]*. Milano: Bruno Mondadori. (In Italian).

Auge, M. (2008). *Non-places: Introduction to an anthropology of supermodernity*. London: Verso.

Ferraris, M., & Paini, G. (2018). *Scienza nuova: Ontologia della trasformazione digitale [New science: ontology of digital transformation]*. Torino: Rosenberg & Sellier. (In Italian). Retrieved from http://digital.casalini.it/9788878856653

Johnson, S. (2006). *The Ghost Map: The story of London's most terrifying epidemic*. New York: Riverhead.

Morin, E. (2015). *Penser global Texte imprimé l'homme et son univers [Thinking globally Printed text Man and his universe]*. Paris: Éditions Robert Laffont. (In French).

Selee, A. D. (2018). *Vanishing frontiers: The forces driving Mexico and the United States together*. New York,: PublicAffairs.

Sennett, R. (2018). *Building and dwelling: Ethics for the city*. Farrar.

Singapore Calling: MIT Senseable City Lab. (n.d.). Retrieved from Singapore Calling: MIT Senseable City Lab website: http://senseable.mit.edu/singapore-calling

West, G. (2017). *Scale*. London: Weidenfeld & Nicolson.

Winslow, D. (2019). *The border*. New York: William Morrow & Company.

Xu, Y., Belyi, A., Santi, P., & Ratti, C. (2019). Quantifying segregation in an integrated urban physical-social space. *Journal of The Royal Society Interface*, *16*(160), 20 190 536. doi: 10.1098/rsif.2019.0536

Список литературы

Augé, M. (2007). *Tra i confini: Città, luoghi, integrazioni [Between the borders: cities, places, integrations]*. Milano: Bruno Mondadori. (In Italian).

Auge, M. (2008). *Non-places: Introduction to an anthropology of supermodernity*. London: Verso.

Ferraris, M., & Paini, G. (2018). *Scienza nuova: Ontologia della trasformazione digitale [New science: ontology of digital transformation]*. Torino: Rosenberg & Sellier. (In Italian). Retrieved from http://digital.casalini.it/9 788 878 856 653

Johnson, S. (2006). *The Ghost Map: The story of London's most terrifying epidemic*. New York: Riverhead.

Morin, E. (2015). *Penser global Texte imprimé l'homme et son univers [Thinking globally Printed text Man and his universe]*. Paris: Éditions Robert Laffont. (In French).

Selee, A. D. (2018). *Vanishing frontiers: The forces driving Mexico and the United States together*. New York,: PublicAffairs.

Sennett, R. (2018). *Building and dwelling: Ethics for the city*. Farrar.

Singapore Calling: MIT Senseable City Lab. (n.d.). Retrieved from Singapore Calling: MIT Senseable City Lab website: http://senseable.mit.edu/singapore-calling

West, G. (2017). *Scale*. London: Weidenfeld & Nicolson.

Winslow, D. (2019). *The border*. New York: William Morrow & Company.

Xu, Y., Belyi, A., Santi, P., & Ratti, C. (2019). Quantifying segregation in an integrated urban physical-social space. *Journal of The Royal Society Interface*, *16*(160), 20 190 536. doi: 10.1098/rsif.2019.0536

Journal of Frontier Studies. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
The Urban Configuration | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.278

NEW CULTURAL ZONING OF THE URBAN ENVIRONMENT IN ESTONIA DUE TO THE TRANSFORMATION OF THE STRUCTURE OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Vladimir V. Vaingort

Baltic institute of the housing economy and policy. Tallinn, Estonia. Email: kardis[at]kardis.ee

Abstract

The formation of the knowledge economy in Estonia has led to the complexity of the structure of society. The western-European middle class formed in the early noughties is divided into several layers: high-paid creative workers, low-paid and low-skilled workers like the French "yellow vests" and the precariat in poverty. Accordingly, the structure of society is changing, causing a new zoning of the urban environment. In the traditional administrative and cultural centers of cities, residential areas are replaced by hotels, and public spaces are focused on meeting the needs of mass tourism. There are new areas with housing and public spaces that meet the needs of the creative layer of society. Established residential areas (urban bedrooms) become living areas for the low-income part of the urban population and the precariat. Soviet suburban areas ("dachas") that provide a specific "two-house" lifestyle of the Soviet middle class are turning into low-rise housing for the most affluent part of society, which receives financial and rental income. The new cultural zoning of the urban environment contributes to the creation of growth points for creative "fun architecture", pushing the "realm of architectural boredom" to the periphery of cities.

Keywords

society of knowledge economy formation; creative zones in the urban environment; recycling of industrial zones; the fate of Soviet residential areas

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Журнал Фронтирных Исследований. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Конфигурация города | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.278

НОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ ЗОНИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В ЭСТОНИИ ВСЛЕДСТВИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУРЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Вайнгорт Владимир Леонтьевич

Балтийский институт жилищной экономики и политики. Таллин, Эстония.
Email: kardis[at]kardis.ee

Аннотация

Становление в Эстонии экономики знаний обусловило усложнение структуры общества. Образовавшийся в начале нулевых годов средний класс западноевропейского типа распадается на несколько слоёв: высокооплачиваемых креативных работников, малооплачиваемых и малоквалифицированных работников вроде французских «жёлтых жилетов» и находящийся в бедности прекариат. Соответственно меняется структура общества, обуславливая новое зонирование городской среды. В традиционных административно-культурных центрах городов жилые зоны замещаются гостиницами, а общественные пространства ориентируются на удовлетворение запросов массового туризма. Возникают новые районы с жильём и общественными пространствами, отвечающими запросам креативного слоя общества. Сложившиеся жилые районы (городские спальни) становятся зонами жизни малообеспеченной части городского населения и прекариата. Советские дачные районы обеспечивавшие специфический «двудомный» стиль жизни советского среднего класса превращаются в зоны малоэтажного жилья наиболее обеспеченной части общества, получающей финансовые и рентные доходы. Новое культурное зонирование городской среды способствует созданию в ней точек роста креативной «весёлой архитектуры», оттесняя на периферию городов «царство архитектурной скуки».

Ключевые слова

общество становления экономики знаний; креативные зоны в городской среде; рециклинг промзон; судьба советских спальных районов

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

ВВЕДЕНИЕ

В постиндустриальном развитии на постсоветском пространстве дальше других продвинулась Эстония, изменения структуры экономики которой показаны в табл. 1 (Кушнир, 2019).

Отрасль	Доли в % по годам			
	1990	2000	2010	2018
Промышленность	39,6	21,9	21,9	20,5
Сельское хозяйство	15,7	4,3	3,6	3,1
Строительство	7,2	5,9	5,8	7,3
Торговля	8,0	14,2	12,9	13,7
Транспорт	6,4	15,9	14,4	13,6
Услуги	23,1	37,8	41,4	42,0

Табл. 1. Динамика изменений отраслевой структуры экономики Эстонии с 1990 по 2018 год (в %)

Соответственно трансформируется социально-экономическая структура общества, вызывая радикальные перемены зонирования городской среды, ставшие предметом настоящего исследования.

Об актуальности темы исследования свидетельствует нарастающий объём литературы, где рассматривается новая структура городов. Такие книги выходят в специализированном издательстве «Strelka Press», велика их доля среди книг издательства «Новое литературное обозрение». При том, заметим, большая часть монографий создана авторами из США, Канады, стран «старой Европы».

Публикации специалистов из постсоветского пространства часто представляют собой обзоры иностранной литературы либо опираются на исследования иностранных учёных.

Потому, например, в этой работе нет смысла делать обзор англоязычной литературы по теме исследования. Достаточно сослаться на статью Анны Березовских, где такой обзор сделан подробнейшим образом (2019). На исследованиях урбанистов, социологов, экономистов из-за пределов постсоветского пространства основана во многом монография Елены Трубиной «Город в теории: опыт осмысления пространств» (2011), первый раздел которой имеет знаковое название:

«“Их” и “наши” города: сложности изучения», где сделана попытка не только осмыслить различия в подходах к теме «их» и «наших» специалистов, но и выявить факторы, которые не позволяют напрямую применять к условиям городов постсоветского пространства теоретические и практические выводы «западных» специалистов. Слишком различаются исходные позиции, с которых начинается движение к постиндустриальному зонированию городов.

«Сравнение городской жизни и городских трансформаций здесь и там, “у нас” и “у них” неизбежны, естественны и необходимы», — пишет Елена Трубина. И далее утверждает: «У “них” есть фора: урбанистическое знание зародилось на Западе, там же пережило несколько кризисов, а сегодня, кажется, вступило в новую продуктивную фазу развития. Международное разделение исследовательского труда приводит к тому, что именно западные коллеги демонстрируют продуктивность компаративной урбанистики. Более близкое знакомство с иными городскими реалиями и их теоретической рефлексией позволит и нам понимать нашу ситуацию» (Трубина, 2011, с. 12). А страницей раньше она замечает: «<...> Не исключено, что в развитии своих городов мы “догоняем” не Париж с Лондоном, а Сан-Паулу с Мехико-Сити. И не только мы: контрасты между огороженными островками приватного благополучия посреди небезопасных фавел побуждают комментаторов говорить о “бразилизации” Европы и допускать, что, может быть, и Европу ждет латиноамериканское городское будущее» (с. 11). Прокламируя необходимость междисциплинарного подхода, автор книги в приведенном полемическом утверждении поставила в прямую зависимость трансформацию городской среды от развивающихся тенденций в социальной структуре населения, в частности, от нарастания бедности в ранее благополучных «западных» странах. Отсюда мысль о грозящих всем «фавелах». Однако опыт Эстонии, где уровень бедности растёт по мере развития постиндустриальной экономики (как и в других странах ЕС) всё же показывает, что опасности появления фавел и гетто в постсоветской городской среде не возникает. Что действительно происходит в структуре общества и в зонировании городов, исследовано в этой работе.

Особый взгляд изложенный в настоящем исследовании состоит в том, что, сопрягая процесс нового культурного зонирования городов с трансформацией структуры общества, автор учитывает специфический характер советского наследства в части структурирования городского пространства и постсоветского состояния «квартирного вопроса».

Общим местом в специальной литературе стало представление о массовом жилье в позднем СССР, как о квартире в панельном доме спального района. Однако, на самом деле, обладание такой квартирой (в форме т. н. ответственного квартиросъёмщика) для абсолютного большинства населения совмещалось с владением домиком в дачном кооперативе, что принципиально меняет результаты сравнения жилищных условий в странах Запада и позднем СССР. Эта «двудомность» совершенно выпала из поля зрения многих исследователей, как выпал и значительный массив индивидуальных домов т. н. частного сектора, которые сейчас оказались в зонах близких к городским центрам.

В настоящем исследовании отражена неоднозначная роль сплошной приватизации жилья на всём постсоветском пространстве, оказывающая сейчас заметное влияние на характер процесса нового культурного зонирования. Учитывается автором также специфический характер социального мышления городской постсоветской интеллигенции (которая в последние годы стала предметом социологических исследований). В частности, в работах Григория Юдина (2017, с. 100), Григория Ревзина (2017, с. 196), Жана Тощенко (2018).

Существенное влияние на трансформацию городской среды оказывает реструктуризация промышленного производства: разделение централизованного в одном предприятии производственного процесса на технологическую цепочку отдельных малых и средних предприятий, связанных договорными отношениями. Не менее существенна, в этом смысле, атомизация труда, когда почти все виды интеллектуальных работ выполняются фрилансерами.

Под действием этих факторов идёт процесс ликвидации крупных производств, делая ненужными комплексы промышленных зданий, занимающих значительные площади (часто вблизи городских центров).

НАЧАЛО ПЕРЕМЕН

К 1990 году общество Эстонской ССР представляло собой гомогенный советский средний класс с примерно равными доходами, но с некоторыми различиями возможностей потребления в зависимости от принадлежности к сословию «номенклатура» (или степени удаления от него). Существенным (если не самым важным) ресурсом в то время являлось жильё, где различия в потреблении были наиболее заметны.

Преобладающей формой обеспечения жильём в городах являлось получение квартиры в многоэтажном здании в безвозмездное пользование «ответственными квартиросъемщиками». Только в такой форме

обретала жильё «номенклатура», но не она одна, а и представители самых разных слоёв общества. После шестидесятых годов обладателем аналогичных квартир можно было стать за деньги, вступая в члены жилищных кооперативов (чем пользовалась, в основном, интеллигенция, не связанная с отраслями, которые строили т. н. ведомственное жильё). В обоих этих случаях жители квартир, как правило, владели также дачами в дачных кооперативах, создавая отмеченную выше и характерную для городских жителей «двудомность». Способствовала «двудомности» низкая стоимость коммунальных услуг (от электроэнергии и отопления до воды и канализации). И, наконец, существовало полностью собственное жильё в виде дома (с ограничением по метражу) возводимого в «частном секторе». Таким жильём обеспечивали себя лица наименее престижных профессий в неофициально сложившимся «табеле о рангах» отраслей и видов деятельности (работники сферы услуг и торговли, таксисты и т. п.).

С наличием этих четырёх форм обеспечения жильём было связано культурное зонирование городской среды.

Сложившиеся города (с биографией уходившей в досоветский период) имели обычно явно или неявно выраженную кольцевую структуру (чёткость которой зависела от того, существовал ли город как крепость, окружённая защитными сооружениями). В Таллине, например, как и в других эстонских городах, первое кольцо городского пространства совпадало с остатками крепостной стены. Второе кольцо образовали улицы и постройки XVIII и XIX веков, а также доходные дома, возведённые до 1940 года (то есть постройки периода первой Эстонской Республики). III кольцо образовала застройка советского «допанельного» периода, включавшая производственные здания, и «сталинские» жилые дома, а также дома «частного сектора» и, наконец, отдельными протуберанцами окружали городскую застройку жилые массивы панельных зданий — спальные районы, возводимые с начала 60-х годов прошлого века вплоть до 1990 года. Зонирование городского пространства отражало в конце советского периода социальный статус жителей. «Номенклатура», в основном, обитала в центре города (в пределах I, II и III кольца). Происходила своеобразная джентрификация городской среды с чётким пограничьем между «номенклатурным центром» и спальными районами, где обитали остальные горожане. При этом дома в спальных районах не дифференцировались по сословному принципу (рядом располагались квартиры рабочих, интеллигентов, чиновников, менеджеров предприятий и т. п.).

В табл. 2 показана процентная доля по годам постройки жилых зданий в Таллине к 1991 году (Statistika, 2011).

		Время постройки (число домов)					
Периодизация строительства домов	**Количество домов итого**	**До 1919**	**1919–1945**	**1946–1960**	**1961–1970**	**1971–1980**	**1981–1990**
Городские поселения	5782	916	2070	703	690	637	510
% от общего	100	15,84	35,80	12,16	11,93	11,02	8,82
Наименование группы домов		«Исторические» здания	Жильё буржуазной Эстонии	«Сталинки» и «частный сектор»	Жильё в спальных районах		

Табл. 2. Распределение жилых домов по времени постройки (по состоянию на 1991 год)

В Таллине группа «исторических зданий» в пределах I кольца — включала всего 46 жилых домов. Остальное жильё этой группы — дома для рабочих начала XIX века (периода первоначального накопления капитала) и деревянные двухэтажные дома на 4—6 квартир во II кольце вокруг центра. Группа «буржуазного» жилья — бывшие доходные дома (или кооперативы) с повышенной комфортностью, расположенные на хордах II кольца около центра. Частично в них находились «коммуналки», но в основном — квартиры номенклатуры. То же касается группы «сталинок». В этом же кольце оказались дома «частного сектора», построенные в 1945—1960-х годах.

Общественные пространства «центра» представляли собой несколько площадей, окружённых административными зданиями и соборами. На улицах «центра» находились знаменитые таллинские маленькие кафе и бары. Распространено упрощенное представление о культурном зонировании города в позднесоветское («застойное») время. «Центр» — зона обитания номенклатуры (включая в это сословие реальный, а не мифологизированный круг). То есть учитываемые соответствующими отделами местных партийных комитетов (ЦК КП Эстонии в нашем случае) не только партийно-советское начальство, но и наиболее известных представителей творческой и научной интеллигенции, высшего управленческого персонала предприятий, высшего командного состава вооружённых сил, и даже рабочую аристократию, а также представителей спорта высоких достижений. Так реализова-

лась ленинская мысль о том, что «предпочтение без потребления ничто» применительно к «потреблению» жилья (Ленин, 1957, с. 5). В позднесоветском обществе высокий уровень потребления обеспечивался по двум каналам: официальному (отнесением к номенклатуре) и латентному (в результате действия чёрного рынка) (Тимофеев, 1998). «Жильё в центре» имело вполне реальную стоимость на чёрном рынке и она активно монетизировалась. При этом отношение к идеологическим постулатам было равно пренебрежительным как в номенклатурной среде, так и в среде удачливых деятелей латентной экономики. Те и другие обладали большими возможностями потребления наиболее высокооцениваемых в денежном выражении жилых помещений (по их расположению в центре и вокруг него). Это положение дел многократно отражено в позднесоветской литературе, драматургии и кино («Обмен» Трифонова, «Премия» Гельмана, «Гараж» Рязанова). Таким образом культурное зонирование городской среды к 1990 году было связано с возможностями потребления жилья и носило следующий характер:

• Зона городского «центра», где концентрировались объекты культуры (театры, выставочные залы, музеи); административные здания государственных управленческих структур (партийных, советских, военных и пр.); здания научных центров и проектных институтов, а также жильё номенклатуры и наиболее удачливых дельцов чёрного рынка. Эта зона имела чёткую границу, которая определялась высоким уровнем стоимости жильё на латентном, чёрном рынке.

• Жилые районы с ценой квартир кратно меньшей чем в первой зоне. Это хрущевки и более поздние панельные дома.

Границы между обеими зонами особенно чётко проявились немедленно после проведения экономически бессмысленной приватизации жилья по равным ценам, когда легализованный рынок вторичного жилья ранжировал квартирные собственности по рыночной стоимости.

Экономический обвал 1991 года и слом всех формальных и латентных институтов разрушил в одночасье монолитность советского среднего класса, вызвав социальную турбулентность с растущей дифференциацией доходов населения (при том, что быстрый рост благосостояния так же быстро обрушивался из-за неустойчивого характера экономики). После 1991 года активно пошёл процесс джентрификации с концентрацией нуворишей в престижной зоне городского центра (I и II кольца). Процесс ускорился после прихода на финансовый рынок Эстонии шведских банков, обеспечивших неограниченное ипотечное кредитование под 2—4 % годовых сроком до 20 лет, стимулировавших

уплотнительную застройку в центре города. «Ипотечный пузырь», с одной стороны, и льготное кредитование приватизации основных фондов промышленности, с другой, обеспечили полную занятость населения и быстрый рост зарплат. Общество приобрело трёхслойную структуру: около 5 % быстро разбогатевший слой собственников основных производственных фондов; около 80 % средний класс западноевропейского типа[1] и около 15 % населения, находившегося в относительной (или абсолютной) бедности. В категорию бедных попали многие пенсионеры, с неизвестным для западноевропейской практики сочетанием низких пенсий и владения ежегодно дорожающей недвижимостью. Изменение состава жителей центра города и его периферии вызвало изменение характера общественных пространств, придавая им иные, чем в советское время функции. Центральные площади города превратились в средоточие ресторанов, центральные улицы — в бесконечный поток магазинов. Сложившийся в тот период вид улицы со зданием советского КГБ и МВД, превратившихся в гостиницы и жильё на илл. 1.

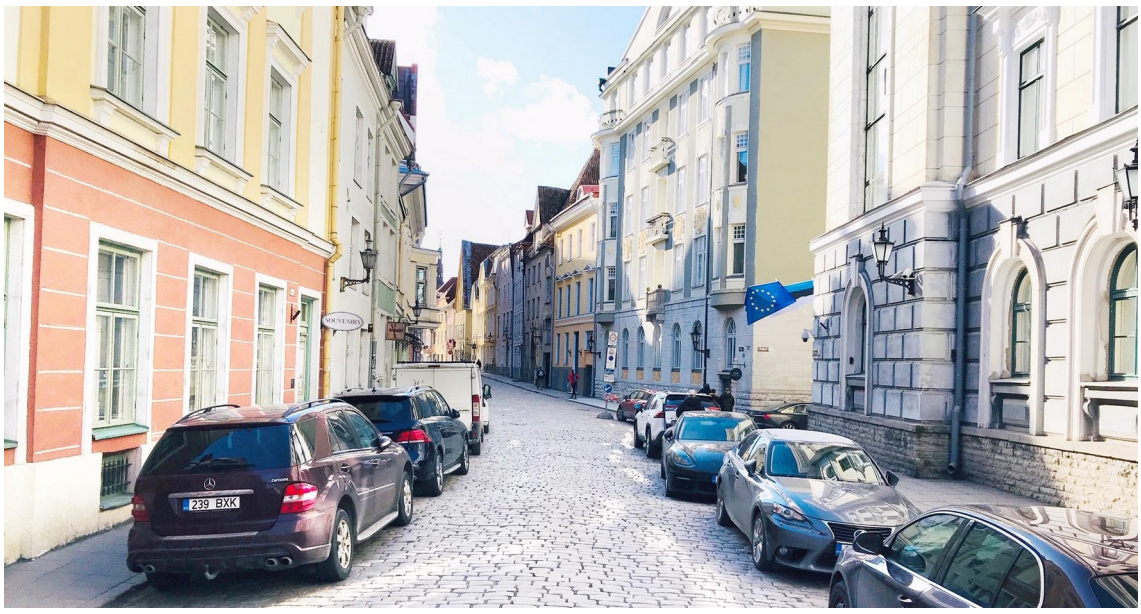

Иллюстрация 1. Вид улицы старого города. Фото автора. 2021 г.

Для общественных пространств центра города, в угоду туристам, характерна карнавализация — сплошной поток праздников.

1 Понятие «средний класс» не устоялось. В некоторых работах его границы определяются по отношению дохода в стране к средним доходам в США. Автор настоящего исследования рассматривает «средний класс» как слой общества, которому банки в конкретной стране считают возможным выдачу ипотечного долговременного кредита.

То есть вполне справедливо утверждать, что «центр» (в советском его понимании) лишается административных функций и жилья, (по крайней мере, в большой степени) превращаясь в средоточие отелей и квартир посуточной аренды, а также одно большое общественное пространство включающее не только т. н. общепит выплёскивающийся на улицы и перемежающийся сплошным потоком магазинов, разрывающимся только чтобы открыть доступ к театрам, музеям, выставочным залам. Уже часто к слову центр добавляется определение — туристский. Так оно и есть на самом деле. И с этим определением можно рассматривать центральное городское ядро как первую естественно сложившуюся городскую зону культурно-туристского характера.

Однако немедленно возникла непростая проблема урегулирования отношений сплошного потока пешеходов и столь же сплошного транспортного потока (поскольку через центры городов проходит часто транспортный транзит).

Эта проблема хорошо отражена в интервью журналу «Эксперт» руководителя проекта реновации пространства около Конюшенной площади в Петербурге Сергея Хромова. С одной стороны там создаётся пространство культурной индустрии, которое «будет отвлекать граждан с Невского проспекта, Конюшенной площади, Большой Конюшенной улицы и набережной канала Грибоедова <...> Это будет камерное городское пространство. Нечто вроде «городской гостиной»» (Хромов, 2020, с. 28). Но для реализации идеи необходимо «проредить пассажиропоток и сократить внутригородские корреспонденции до пятидесяти минут» от ближайших остановок всех видов городского транспорта. Хромов ссылается на опыт Парижа, где задекларирована программа «город 15 минут». Волюнтаристские решения полного закрытия улиц центра для транспорта в дневное время (так сделано в Таллине) требуют создания крупных стоянок (в Таллине это подземная стоянка на 300 мест под центральной площадью).

В спальных районах и на городской периферии роль общественных пространств выполняют крупные торговые центры с прилегающими к ним огромными автостоянками.

ПЕРЕХОД К «ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ» И НОВОЕ ЗОНИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

По мере развития экономики услуг (экономики знаний) меняется характер рынка труда. Вымываются синие и белые воротнички, а также «офисный планктон» (включая госслужащих). Интеллектуальный труд атомизировался (ещё до пандемии росло число фрилансеров). Снижалось число рабочих мест, требующих высокой квалификации, с

одновременным ростом потребности в малоквалифицированном обслуживающем персонале с низкой оплатой труда.

Средний класс распадается на два слоя: немногочисленный креативный с высокой оплатой труда (Ричард Флорида даже называет его креативным классом (2016)); и массовый малооплачиваемый («новые бедные», вроде французских «жёлтых жилетов»).

На илл. 2 приводятся данные об оплате труда, количестве организаций и численности работников в Таллине за июль месяц 2020 года по отраслям (EMTA, 2020b). Если учесть, что медианная брутто-зарплата в Эстонии в 2020 году около 1000 € (EMTA, 2020a), то видно, что высокая зарплата удел 5 отраслей: ИТ и связь, финансовая и страховая деятельность, здравоохранение и соцопека, образование и профессиональная наука.

Вид деятельности	*Средняя зарплата, в €*	*Число работников*	*Число предприятий*
Размещение и питание	777	10216	944
Адм. и вспомогательная деятельность	1230	19732	1360
Искусство, развлечение и свободное время	1290	6035	451
Грузоперевозки и складская деятельность	1358	15523	1332
Опт. и розн. торг., ремонт трансп. средств	1437	50217	4843
Строительство	1438	16796	2438
Обрабатывающая пром.	1477	25507	1766
Деятельность в недвижимости	1578	6871	1374
Проф., науч. и тех. деятельность	1822	13786	3490
Образование	1842	15640	307
Здравоохр. и соцопека	2005	15337	507
Финанс. и страх. деятельность	2463	10517	469
ИТ и связь	2571	16002	1648
Итого		**222179**	**20929**

Иллюстрация 2. Средняя зарплата по отраслям в Таллине, июль 2020 года

По данным журнала «Топ зарплат» в 2019 году размер самых высоких 500 средних зарплат по фирмам колебался от 11 169 € до 1541 €. При этом у 249 фирм среднемесячная брутто-зарплата составляет выше двух медианных по стране (Топ зарплат, 2020).

В таблоиде «Деловые ведомости» была опубликована статья, где руководитель кадрового агентства Сигне Вессо пишет: «Залогом успеха предприятий становятся талантливые люди. Условия труда больше не диктуют предприятия. Они охотятся за талантливыми людьми. <...>

Важной становится эмоциональная часть рабочего места. Люди предпочитают работать не для организации, а вместе с ней» (Вессо, 2013).

Структура общества в Эстонии к 2020 году стала пятислойной: богатые, получающие финансовый или рентный доход, и высокооплачиваемый менеджмент; высокооплачиваемые креативные работники; работники с доходом около медианного — нормальное потребление «от зарплаты до зарплаты»; малооплачиваемые работники с зарплатой ниже медианной, но выше установленной законом минимальной оплаты при полной занятости (в 2020 году — 584 €); и прекариат с зарплатой ниже 584 € (включая гастарбайтеров из Украины и Молдавии).

В целом по Эстонии число получателей зарплаты в последний месяц перед карантином (февраль 2020 года) составляло 590 тыс. человек. То есть больше медианной зарплаты было 295 тыс. получателей. Около 40 % из них имели более двух медианных зарплат — или около 130—140 тыс. человек. Этот слой ищет в городской среде:

1. Квартиры, позволяющие работать в качестве фрилансеров. Таких возможностей у типовых квартир спальных советских районов нет (либо необходимо иметь две квартиры: рабочую и жилую).

2. Квартира должна находиться в непосредственной близости к общественным пространствам, имеющим:

• коворкинг;

• антикафе либо кафе, позволяющее общаться (при необходимости проводить контактные встречи и т. п.);

• клубные помещения (ночные клубы в т. ч.);

• помещения для активного отдыха: свободные сцены (с небольшим зрительным залом) для экспериментальных театральных постановок и близкой по восприятию публикой; выставочные площадки; открытые для посещения художественные либо дизайнерские студии;

• желательно, чтобы в зоне проживания находилась винтажная торговля, блошиные рынки, антикварные лавки, дизайнерские лавки и т. п.

Ведущий британский специалист по развитию городов Чарльз Лэндри в книге «Креативный город» по этому поводу пишет: «Источник креативности — творческие люди и организации, обладающие отличительной особенностью: собираясь вместе на одной территории, они формируют творческую среду» (Лэндри, 2016, с. 17). По его мнению в создании креативной городской среды «культура выходит на передний план». Лэндри придаёт особое значение культурным индустриям, «которые являются — по его мнению — самым быстро растущим сектором современной городской экономики» (с. 29).

Такого рода городские зоны возникают не в центре и не в спальных районах (где для них просто нет площадей), а на месте бывших промзон (расположенных вблизи центра города), где осуществляется либо рециклинг, либо частичное использование промзданий с рециклингом части территории под современное жильё креативной архитектуры.

В период первоначального накопления (XIX века), исходя из логистической эффективности, порты и железнодорожные станции обрастали складами и производствами, а эти зоны, в свою очередь, обрастали дешёвым жильём для рабочих. Естественно, что в первую очередь переформатирование городской среды в европейских портовых городах начиналось с открытия выхода к морю и — повсеместно — вывода за пределы центров грузовых железнодорожных зон.

В Таллине к 2020 году всю береговую линию в пределах города заняли: открытый пассажирский порт; яхт-клубы; «Котёл культуры» — территория бывшей электростанции; элитное жильё.

Расположение новых креативных общественных пространств с окружающей их жилой застройкой оригинальной архитектуры вблизи центра города (в пределах I и II кольца его северо-западной части показана на карте (илл. 3). По выражению Ричарда Флориды город превращается в «лоскутный метрополис» (Флорида, 2018, с. 148).

Иллюстрация 3. Таллин. Расположение креативных пространств.

Новые культурные зоны (где совмещается жильё современной креативной архитектуры постмодерна и общественные пространства)

с чётким ограничением от окружающей застройки полностью соответствуют запросам креативного слоя (как видно из приведённых ниже примеров).

Квартал Ротерманна (на месте мукомольного комбината и завода контрольно-измерительной аппаратуры). Илл. 4 и 5.

Иллюстрация 4. Квартал Ротерманна. Новая застройка. Фото автора. 2019 г.

Иллюстрация 5. Квартал Ротерманна. Реконструкция. Фото автора. 2019 г.

Квартал общественных пространств и креативного жилья на месте «Депо станции Таллин» и «Завода ртутных выпрямителей МПС СССР». На илл. 6 показана новая функция старого промышленного помещения, где на месте цехов разместились торговые площади (на 1

этаже продуктовый рынок, рестораны, кафе и т. п., а весь 2 этаж: более 10 антикварных лавок и блошиный рынок). Рядом, в бывших заводских цехах, царство современного дизайна (более 20 лавок и открытых мастерских), а также зал «Свободная сцена» и десяток кафе. Но самое интересное в этом районе — окружающее новое жильё (илл. 7).

Новое зонирование имеет чёткое разграничение, в виде дорог на линии бывших заводских ограждений или как в Вильнюсе — где район творческой и художественной интеллигенции «Ужупис» находится на острове (имея даже собственную конституцию). Вообще, игровое начало (включая «весёлую архитектуру») является отличительной чертой городских зон креативности. Некоторое стилевое своенравие заключается в соединении современной архитектуры с превращаемыми в арт-объекты элементами промышленного прошлого района. На это же намекают искусственно отделанные под ржавчину металлические листы отделки фасада (илл. 9).

Иллюстрация 6. Реконструкция здания ж/д депо. Фото автора. 2019 г.

Иллюстрация 7. Жилые дома вокруг перестроенного ж/д депо. Фото автора. 2019 г.

Квартал Ноблесснер на месте военной гавани, жильё у каналов и общественное пространство на илл. 8.

Иллюстрация 8. Жильё и общественное пространство на месте грузового порта Ноблесснер. Фото автора. 2021 г.

Иллюстрация 9. Дом, обшитый металлическими листами. Фото автора. 2021 г.

Загородные «райские кущи». Совершенно иначе организуется жилищное пространство на периферии городов, где обитает самый богатый слой, который иногда относят тоже к среднему классу (к той его части, о которой рассказывают анекдоты и называют «мидло» (мидл-класс и быдло). О характере этих зон даёт представление нижеприведённый фрагмент из интервью одного из пяти самых богатых людей Эстонии — Олега Осиновского (опубликованного в таблоиде «Деловые ведомости») (Фефилов, 2020).

Осиновский: «Сегодня уже понятно, что мы можем работать удалённо. Если не нужен офис, то не нужна и <...> квартира в городе, чтобы жить ближе к офису. Это, в свою очередь, означает, что не нужны города. Не нужны кинотеатры, потому что ты можешь посмотреть кино дома на хорошем телевизоре в хорошем качестве. <...> Квартиры в городах — уходящая тема, и города будут уменьшаться».

На расстоянии около 10 км от центра Таллина возникло несколько поселений самых богатых людей со своей инфраструктурой: средняя

школа, музыкальная школа, семейный врач и т. д. Там образуется специфическая по характеру застройки новая социально-культурная зона.

Жилая среда «новых бедных». Это советские «спальные» зоны плюс новая «бюджетная» застройка тех же районов. Советское архитектурно-планировочное наследство отличает: некомфортность квартир и совершенная их непригодность для фрилансерства; превращение околодомовых пространств в сплошную автостоянку с их огораживанием (уничтожающим свободную планировку); невозможностью развития общественных пространств, поскольку все первые этажи заполнены квартирами.

При этом никакая модернизация невозможна, поскольку всё жильё — «квартирная недвижимость» в результате приватизации 1990-х годов. «Священное право собственности» — консервирует ситуацию.

Есть два удачных варианта решения проблем таких районов. В бывшей ГДР (где не было приватизации «хрущевок», их перестраивают, размещая на I этаже мастерские и хозблоки, на II и III двухэтажные квартиры, снимая IV и V этажи, либо на уровне II этажа закрывают квартал «черепашьим панцирем», устраивая сплошную транспортную стоянку и на I этажах домов — хозблоки. И развернувшаяся, например, в Москве «большевистская» перестройка таких районов (невозможная в правовом государстве). Снести «хрущевки», освободив место для нового строительства или (подобно тому, что делается в Восточной Германии) перестраивать их — снимая этажи либо добавляя наружные галереи — невозможно без выкупа недвижимости у квартирособственников. Средств для этого ни у муниципалитета, ни у государства нет. Муниципально-частное партнёрство используется только для уплотнительной застройки (что убивает даже гипотетическую перспективу улучшения среды). Ситуацию усугубляет уплотнительная застройка этих районов бюджетным жильём с малогабаритными квартирами. В интервью «Деловым ведомостям» представитель фирмы по развитию недвижимости Майя Лыско говорит, например: «Стиль нашего предприятия — строить микроквартиры, у которых невысокая продажная цена и высокая доходность для инвесторов» (2018). Квартиры имеют площадь от 20 кв. м (однокомнатные со всеми удобствами) до 38 кв. м (двухкомнатные). Нет смысла в иллюстрациях — на всём постсоветском пространстве гигантские дома с такой «квартирособственностью» создают материальную базу будущих зон неизбежного рециклинга (в связи с моральным устареванием такого жилья).

В общем виде современное культурное зонирование эстонских городов показано на илл. 10.

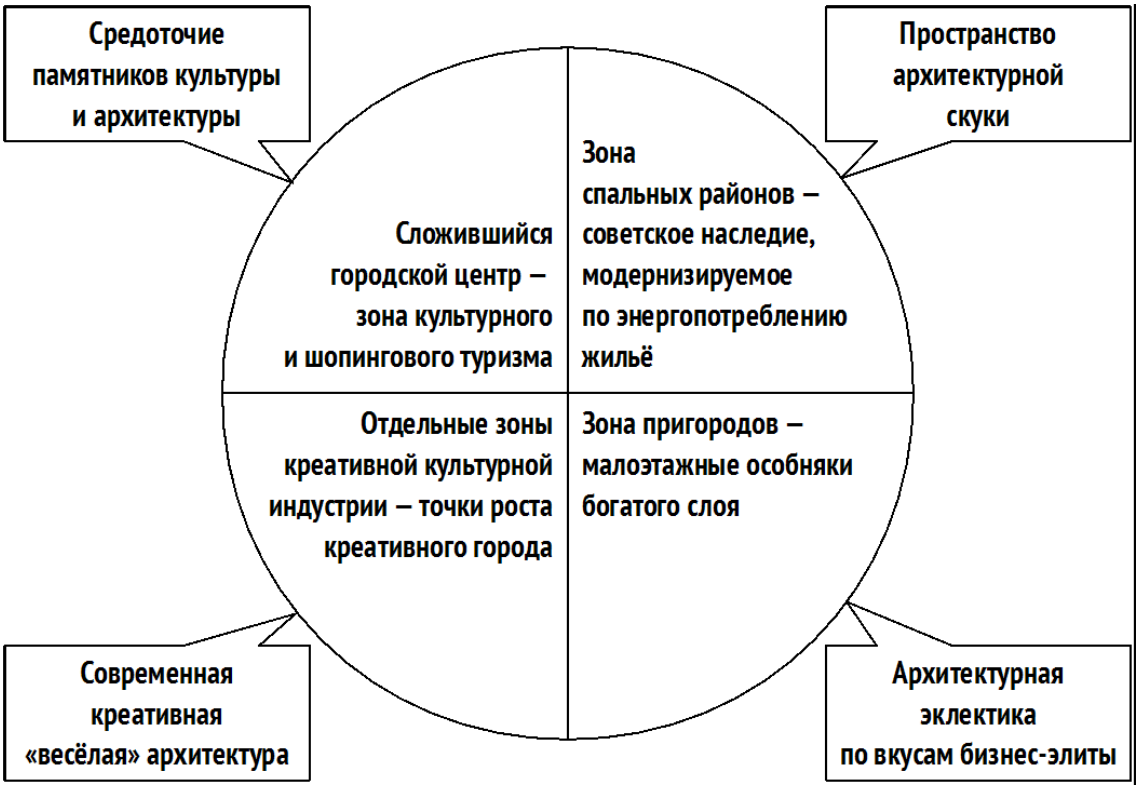

Иллюстрация 10. Культурное зонирование в условиях развития экономики знаний.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Выявленное в ходе исследования социально-культурное зонирование не является застывшим состоянием городской среды. Происходящие в экономике знаний и в структуре общества изменения усложняют структурирование городов.

Одним из существенных результатов перехода к новой экономике является совершенствование институтов системы здравоохранения. По данным ООН, к 2020 году 34 страны образуют «Клуб 80+». То есть те страны, где «возраст дожития» превышает 80-летний рубеж. Эстония в этом рейтинге занимает 37 строчку и, скорее всего, попадёт в этот клуб в ближайшие годы (заметим, Россия в начале второй сотни). Геронтология становится самостоятельным видом социального обеспечения. В сложившейся демографической ситуации пожилые люди в странах Евросоюза становятся важным трудовым ресурсом. Возникают квартиры и районы специальных зданий вблизи парковых зон, городских водоёмов и прочих подходящих для прогулок пожилых людей местах. Это здания с одно- или двухкомнатными квартирами, плюс помещения для проведения праздников, точками бытового обслуживания и т.

п. Как правило, возводятся они на муниципально-частной основе с различными формами текущего финансирования. Часто группы таких зданий строятся за счёт средств пенсионных фондов. Интересное решение проблемы ухода за пожилыми людьми возникло в Петербурге, где действует 15 отделений временного проживания граждан пожилого возраста в 14 районах. В зависимости от ситуации, в которой человек оказался, он может находиться в отделении в течение нескольких месяцев, Индивидуальная работа здесь ведется в соответствии с потребностями и индивидуальной реабилитационной программой. Ежегодно социальное обслуживание в таких отделениях получали до двух тысяч человек (Тюменева, 2020).

В Эстонии доля пожилых людей растёт с каждым годом как видно из табл. 3 (Statistika, 2020).

Возраст	**Год**	
	2000	**2019**
Всего	1 401 250	1 324 820
0-19	352 340	278 650
20-39	392 470	345 344
40-64	448 230	438 978
65-84	190 330	227 675
85-99	..	34 040
100 и старше	..	133
85 и старше	17 880	34 173

Табл. 3. Население Эстонии по возрасту

Потому растёт лавинообразно количество соответствующих пансионатов с разной степенью медицинского обслуживания и ухода, а также закладывается сооружение специальных социальных домов для пенсионеров (в том числе пенсионеров из других стран ЕС).

Ещё одна новая тенденция наметилась в крупных городах Евросоюза. Нарастает активное сопротивление горожан «сдачи без боя» полчищам туристов городских центров. Одна из причин: увод с рынка найма жилья квартир в центрах городов для сдачи их в посуточную аренду. Городские власти полагают, что это серьёзный фактор роста стоимости долговременного найма. Мэрия Парижа запретила посуточную аренду квартир. Её решение было оспорено в судах. Дело дошло до суда Евросоюза, который поддержал позицию мэрии. После чего

немедленно запрет на посуточную аренду квартир вводят мэрии Берлина, Флоренции, Амстердама. Мотив тот же: рост предложения на рынке долговременного найма, что должно повлечь за собой снижение цен.

Возвращение постоянных жителей (арендаторов) в туристическую зону (если это произойдёт) может изменить характер общественных пространств в этих районах и, скорее всего, жителями квартир использовавшихся для суточного найма станут представители креативного класса, о чём — как волнообразном движении — говорит Ричард Флорида (2012).

Трудно не согласиться с мнением Колина Элларда — известного психолога и специалиста по психогеографии, что «просто изменив вид и физическую структуру нижней (высотой всего лишь 3 м) части фасадов, можно добиться совершенно иного подхода к использованию города его жителями. Людям не только больше нравится гулять вдоль приветливых и живых фасадов — меняется даже их поведение. <...> Им на самом деле хочется находиться в том или ином месте. <...> Фасады должны выглядеть веселыми и полными жизни» (Эллард, 2017, с. 129). Эти слова из главы с названием «Места скуки», что можно отнести ко всем жилым районам панельных домов не только Таллина, но и всех постсоветских городов. В их спальных районах улицы не являются общественными пространствами. Они не имеют ни одной из свойственных этим пространствам функций, выполняя единственную задачу: обеспечение коммуникации между дверью дома и стоянкой общественного транспорта (либо стоянкой легкового автомобиля квартирособственника) и обратно.

Несколько лет назад участники Таллинского архитектурного биеннале создали серию проектов превращения улиц лучшего (по планировке) спального района Таллина (Ыйсмяэ). Альбом издан (Tõugu, 2013). В нём масса остроумных решений, от самых простых (когда все первые этажи домов превращаются в кафе, магазинчики, клубы и т. п.) до устройства вдоль центральных улиц района каналов (что технически возможно, поскольку район расположен у большого озера). Подробно об этом проекте моя статья в журнале «Капитель» (Вайнгорт, 2018, с. 112). Но эти идеи не реализовать, поскольку выкупать квартиры I этажей по рыночным ценам не за что и муниципалитету, и бизнесу. А дворы и все придомовые площади — тоже коллективная собственность жителей. И они плотно заставлены машинами (мест хватает примерно на треть машин даже у пятиэтажек, не говоря о 9-этажках, тем более о 14-этажках). Мало того, правительство Эстонии на поколение вперёд обеспечило нерушимость существующих домов и

проблем, поскольку с целью ликвидации безработицы реализует много лет вместе со шведскими и финскими банками программу снижения энергозатрат, включающую для каждого дома: полную замену отопительной системы; утепление фасада (специальные панели толщиной около 30 см); замену двухслойного оконного заполнения 3-слойным; и — самое главное — замена естественной вентиляции на принудительную (с подачей воздуха через рекуператоры). Добавьте утепление кровли и стен подвала (с их гидроизоляцией) и станет понятно, почему цена такой реконструкции составляет около 50 % строительства нового дома равной площади с нулевыми теплопотерями. При этом квартирное товарищество платит только 60 % расходов (40 % даёт государство), а под остальную сумму банки дают кредит на 20 лет под 2—3 % годовых. Желающих жить в архитектурной скуке, но не в обиде, хватает. Заметим, что и в Москве «Чапаевская атака» на 5-этажки захлебнулась. В Госдуме при подготовке закона о реновации возобладал подход, что «без учёта мнения граждан переселять нельзя» (Писарев, 2017). А без рециклинга спальных районов не будет креативной архитектуры и не решить транспортную задачу этих районов.

Заметим также, что вырастают мини-города университетских кампусов. Университеты обрастают не отдельными общежитиями, а целыми студенческими городками. В последнее время к ним добавляются жилые кварталы профессорско-преподавательского состава. Возникает отдельная университетская зона городского пространства с ландшафтным дизайном, спортивными сооружениям и социально-бытовой инфраструктурой самой «весёлой архитектуры».

То есть зонирование городской среды усложняется и в перспективе пяти-семи лет мы будем иметь не четыре, а шесть-семь радикально отличающихся социально-культурных зон в городском пространстве, связанных только маршрутами городского транспорта (в большинстве случаев, с пересадками). Лоскутное одеяло городов становится всё более пёстрым.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Структуре постиндустриального общества соответствует следующая структура культурного зонирования с чётким пограничьем:

• Исторические центры ориентированные на туристов с китчевыми т. н. новыми музеями (являющимися по сути сценографией для экскурсоводов); стилизованными по оформлению ресторанами (туристского китча); общественными пространствами приспособленными для шопинга (как формы досуга). Жильё в этой зоне «вымывается»,

превращаясь либо в здания, с квартирами превращёнными в «мини-гостиницы» либо дома перестраиваются в отели.

• Зоны общественных пространств, ориентированные на креативный обеспеченный слой, окружённые жилыми зданиями креативной архитектуры, создающими целостные пространства, отвечающие по стилю карнавальному игровому мироощущению творческой современной личности.

• Локальные загородные зоны мини-поместий наиболее обеспеченного слоя населения (получающих финансовые и рентные доходы).

• Районы стандартизированного некомфортного жилья в советских спальных районах и малобюджетной современной застройкой с общественными пространствами крупных торговых центров (в основном, по периметру районов).

Фактически это четыре разных города с населением различных ценностных установок и разным мировоззрением. Жители таких зон не только годами, а десятилетиями не пересекаются друг с другом. Выявленное в исследовании зонирование городской среды, как всякая схема, не является жёстким и, конечно, в реальности происходит постоянное броуновское передвижение жителей из зоны в зону. Но в социально-экономическом планировании и градостроительстве складывающееся культурное зонирование должно учитываться.

Список литературы

Ettevõtluse statistika kohalike omavalitsuste kaupa [Business statistics by local government]. (2020a). Retrieved from EMTA website: https://www.emta.ee/et/kontaktid-ja-ametist/maksulaekumine-statistika/ettevotluse-statistika-kohalike-omavalitsuste-kaupa (In Estonian)

Mediaanväljamakse [Median payout]. (2020b). Retrieved from EMTA website: https://www.emta.ee/et/kontaktid-ja-ametist/avaandmed-maksulaekumine-statistika/mediaanvaljamakse (In Estonian)

RL0202: Tavaeluruumidega hooned, eluruumid ja eluruumide pind hoone liigi, ehitusaja ja asukoha järgi, 31. detsember 2011. [PC0202: Common buildings, dwellings and dwelling area by building type, time of construction and location, December 31, 2011]. (2011). Retrieved from Statistika andmebaas website: https://andmed.stat.ee:443/pxweb/et/stat/stat__rahvaloendus__rel2011__eluruumid/RL0202.px/ (In Estonian)

RV021: Rahvastik soo ja vanuserühma järgi, 1. jaanuar. [RV021: Population by sex and age group, 1 January.]. (2020). Retrieved from PX-Web website: https://andmed.stat.ee:443/pxweb/et/stat/stat__rahvastik__rahvastikunaitajad-ja-koosseis__rahvaarv-ja-rahvastiku-koosseis/RV021.px/ (In Estonian)

Tõugu, K. (2013). Väike-Õismäe Vision Competition. In *Tallinn Architecture Biennale 2013 catalogue* (pp. 179–242). Tallinn: Estonian Centre of Architecture.

Березовских, А. (2019). Трансформация системы управления в градостроительстве как важнейшая мера обеспечения прорывного социально-экономического развития России. Retrieved from Urtmag.ru website: https://urtmag.ru/public/644/

Вайнгорт, В. Л. (2018). Архитектурный аспект трансформации «квартирного вопроса» на постсоветском пространстве. *Капитель*, (1), 112–117.

Вессо, С. (2013). Рабочее место для того, чтобы воплотить мечту. *Деловые Ведомости*, *15*(829), 12.

Кушнир, И. (2019). Экономика Эстонии, 1990-2019. Retrieved from Институт экономики и права Ивана Кушнира website: https://be5.biz/makroekonomika/profile/ee.html

Ленин, В. И. (1957). О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого. В *Полное собрание сочинений* (Том 32, сс. 1–22). Москва: Гослитиздат.

Лыско, М. (2018). Россияне инвестируют в микроквартиры в Эстонии. *Деловые Ведомости*, (26), 4–5.

Лэндри, Ч. (2016). *Креативный город*. Москва: Классика-XXI.

Писарев, Н. (2017). Мнение москвичей по поводу программы реновации хрущевок учтут обязательно. *Независимая Газета*, 4.

Ревзин, Г. И. (2017). 12 москвичей, не мокнущих под дождем. Идеальный горожанин в XX веке. В *Горожанин: Что мы знаем о жителе большого города?* (сс. 196–211). Москва: Strelka Press.

Розенталь, В. (2013). Новые нормы эффективности домов. Дальняя цель—Дом с нулевыми энергетическими затратами. *Деловые Ведомости*, *15*(829), 18–19.

Тимофеев, Л. М. (1993). *Черный рынок как политическая система: Публицистическое исследование*. Вильнюс; Москва: ВИМО.

Топ зарплат. (2020). Таллин: Äripäev.

Тощенко, Ж. Т. (Ред.). (2018). *Как живёшь, интеллигенция? Социологические очерки: Коллективная монография*. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

Трубина, Е. Г. (2011). *Город в теории: Опыт осмысления пространства*. Москва: Новое литературное обозрение.

Тюменева, Т. (2020). Дом на время. *Российская Газета*, (283).

Фефилов, Д. (2020). Олег Осиновский: Просто зарабатывание денег—Это точно не возбуждает. *Деловые Ведомости*, (20), 8–9.

Флорида, Р. (2012). *Большая перезагрузка: Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда*. Москва: Классика-XXI.

Флорида, Р. (2016). *Креативный класс. Люди, которые создают будущее*. Москва: Манн, Иванов и Фарбер.

Флорида, Р. (2018). *Новый кризис городов*. Москва: Точка.

Хромов, С. (2020). Города, которые будут. *Эксперт Северо-Запад*, (2), 28–30.

Эллард, К. (2016). *Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие*. Москва: Альпина Паблишер.

Юдин, Г. Б. (2017). Тоска по сообществу. Как объединяются современные горожане. В *Горожанин: Что мы знаем о жителе большого города?* (сс. 100–116). Москва: Strelka Press.

References

Berezovskikh, A. (2019). Transformation of the management system in urban planning as the most important measure to ensure the breakthrough socio-economic development of Russia. Retrieved from Urtmag.ru website: https://urtmag.ru/public/644/ (In Russian).

Ellard, C. (2016). *Places of the Heart: The Psychogeography of Everyday Life.* Moscow: Alpina Publisher. (In Russian)

Ettevõtluse statistika kohalike omavalitsuste kaupa [Business statistics by local government]. (2020a). Retrieved from EMTA website: https://www.emta.ee/et/kontaktid-ja-ametist/maksulaekumine-statistika/ettevotluse-statistika-kohalike-omavalitsuste-kaupa (In Estonian)

Fefilov, D. (2020). Oleg Osinovsky: just making money is definitely not exciting. *Business Bulletin* , (20), 8–9. (In Russian).

Florida, R. (2012). *The Great Reset. How the Post-crash Economy Will Change the Way We Live and Work.* Moscow: Classic-XXI. (In Russian)

Florida, R. (2016). *The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life.* Moscow: Mann, Ivanov and Farber. (In Russian)

Florida, R. (2018). *The New Urban Crisis.* Moscow: The Point. (In Russian)

Khromov, C. (2020). Cities that will be. *Expert North-West,* (2), 28–30. (In Russian)

Kushnir, I. (2019). The Estonian Economy, 1990-2018. Retrieved from Ivan Kushnir Institute of Economics and law website: https://be5.biz/makroekonomika/profile/ee.html (In Russian).

Landry, C. (2016). *The Creative City*. Moscow: Classic-XXI. (In Russian).

Lenin, V. I. (1957). On the trade unions, on the current moment and on the mistakes of T. Trotsky. In *Complete works* (Vol. 32, pp. 1–22). Moscow: Goslitizdat. (In Russian).

Lysko, M. (2018). Russians invest in micro-apartments in Estonia. *Business Bulletin*, (26), 4–5. (In Russian).

Mediaanväljamakse [Median payout]. (2020b). Retrieved from EMTA website: https://www.emta.ee/et/kontaktid-ja-ametist/avaandmed-maksulaekumine-statistika/mediaanvaljamakse (In Estonian)

Pisarev, N. (2017). The opinion of Muscovites about the program of renovation of khrushchevkas will be taken into account. *Nezavisimaya Gazeta*, 4. (In Russian).

Revzin, G. I. (2017). 12 Muscovites who do not get wet in the rain. The ideal citizen in the XX century. *Citizen: what do we know about a resident of a big city?* (pp. 196–211). Moscow: Strelka Press. (In Russian).

RL0202: Tavaeluruumidega hooned, eluruumid ja eluruumide pind hoone liigi, ehitusaja ja asukoha järgi, 31. detsember 2011. [PC0202: Common buildings, dwellings and dwelling area by building type, time of construction and location, December 31, 2011]. (2011). Retrieved from Statistika andmebaas website: https://andmed.stat.ee:443/pxweb/et/stat/stat__rahvaloendus__rel2011__eluruumid/RL0202.px/ (In Estonian)

Rosenthal, V. (2013). New standards of efficiency of houses. Long-range target-house with zero energy costs. *Business Bulletin*, *15*(829), 18–19. (In Russian).

RV021: Rahvastik soo ja vanuserühma järgi, 1. jaanuar. [RV021: Population by sex and age group, 1 January.]. (2020). Retrieved from PX-Web website: https://andmed.stat.ee:443/pxweb/et/stat/stat__rahvastik__rahvastikunaitajad-ja-koosseis__rahvaarv-ja-rahvastiku-koosseis/RV021.px/ (In Estonian)

Timofeev, L. M. (1993). *The black market as a political system*. Vilnius; Moscow: VIMO. (In Russian).

Top salaries. (2020). Tallinn: Äripäev. (In Russian).

Toshchenko, J. T. (Ed.). (2018). *How do you live, intellectuals? Sociological essays: a collective monograph*. Moscow: Center for social forecasting and marketing. (In Russian).

Tõugu, K. (2013). Väike-Õismäe Vision Competition. In *Tallinn Architecture Biennale 2013 catalogue* (pp. 179–242). Tallinn: Estonian Centre of Architecture.

Trubina, E. G. (2011). *The city in theory: the experience of understanding space*. Moscow: New literary review. (In Russian).

Tyumeneva, T. (2020). The house at the time. *Rossiyskaya Gazeta*, (283). (In Russian).

Vaingort, V. L. (2018). Architectural aspect of the transformation of the »housing issue" in the post-Soviet space. *Capitel*, (1), 112–117.

Wesso, S. (2013). A workplace to make a dream come true. *Business Bulletin*, *15*(829), 12. (In Russian).

Yudin, G. B. (2017). Longing for the community. How to unite modern citizens. In *Citizen: what do we know about a resident of a big city?* (pp. 100–116). Moscow: Strelka Press. (In Russian).

Journal of Frontier Studies. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Frontier and Order: Perspectives of Stability | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.279

IN SEARCH OF TOTAL ORDER: SOLIDIFYING BORDERS AND A STABLE IDENTITY

Sergey A. Troitskiy

Herzen State Pedagogical University of Russia; Saint Petersburg State University; Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg, Russia. Email: sergtroy[at]yandex.ru

Abstract

The "frozen" borders as a result of the world order established after the Second World War seemed unshakable in Europe and North America, despite the active redrawing of space in other regions. However, the collapse of the dual system of orders in the 1980s and the subsequent active movement of borderlines led to the desire for creating a basis for their fixation. The political will to "stable" the borders coincided with the electoral expectations of stability and order, in this connection, state entities that are not able to oppose a sufficiently stable economic, cultural, and political boundaries to pressure on the borders from outside, in order to preserve the internal social status quo, are forced to create conditions for the preservation of social order, in fact, sacrificing development. The article attempts to explain the "condencing" ("solidifying") borders through the concept of order, which is realized at the mental level in the conservative essentialist worldview, designated in the text as a stable identity. The result of the research was to explain the relationship between the fixation of boundaries in space, the fading of the processes of economic and political development, and the adoption of the conservative model of identity as the most comfortable as an ideal. This allows us to describe many of the processes taking place in public consciousness, and by the presence of one of the outlined elements we can predict the further development of the other two.

Keywords

condencing borders; solidifying borders; stable identity; order; frontier worldviews; identification; the Stranger; the Other; border; boundary

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Журнал Фронтирных Исследований. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Фронтир и порядок: перспективы стабильности | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.279

В ПОИСКАХ ТОТАЛЬНОГО ПОРЯДКА: ЗАТВЕРДЕВАНИЕ ГРАНИЦ И СТАБИЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Троицкий Сергей Александрович

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Санкт-Петербургский государственный университет; Социологический институт Российской академии наук – Филиал федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Санкт-Петербург, Россия. Email: sergtroy[at]yandex.ru

Аннотация

«Застывшие» границы как результат установившегося после Второй мировой войны миропорядка казались незыблемыми в Европе и Северной Америке, несмотря на активное перекраивание пространства в остальных регионах. Однако распад дуальной системы порядков в 1980-е гг. и последовавшее за этим активное движение пограничных линий привело к стремлению создать основание для их фиксации. Политическая воля к «уплотнению» границ совпала с электоральными ожиданиями стабильности и порядка, в связи с чем государственные образования, не способные противопоставить достаточно устойчивый экономический, культурный, политический заслон для давления на границы извне, для сохранения внутреннего социального статус-кво вынуждены создавать условия для консервации социального порядка, фактически жертвуя развитием. В статье предпринимается попытка объяснить «уплотнение» («затвердевание») границ через концепт порядка, реализующийся на ментальном уровне в консервативном эссециалистском мировоззрении, обозначенном в тексте как стабильная идентичность. Результатом исследования стало объяснение взаимосвязи между фиксацией границ в пространстве, замиранием процессов экономического и политического развития и принятием в качестве идеала консервативной модели идентичности как наиболее комфортной. Это позволяет описать многие процессы, происходящие в общественном сознании, и по наличию одного из намеченных элементов предсказать дальнейшее развитие двух других.

Ключевые слова

затвердевание границ; уплотнение границ; стабильная идентичность; порядок; фронтирное мировоззрение; идентификация; Чужой; Другой; граница; рубеж.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

ВВЕДЕНИЕ

Статья представляет собой результат исследований последних нескольких лет, посвященных связи между способом самопредставления и самоощущения субъекта, с одной стороны, и тем, чем жизненное пространство этого субъекта ограничено. Проблема культурного отчуждения, интересующая нас как форма отрицательной памяти, решается через характеристики повседневности и проживания, поэтому исходной для разворачиваемых рассуждений является метафора порядка во всем множестве ее значений. Мы постарались избежать объяснения устоявшихся терминов современной гуманитаристики, надеясь на определенную степень подготовленности читателя, хотя не устояли против искушения использовать наиболее точные и «сочные» цитаты большого размера. Заключительная, во многом техническая, часть, которая должна бы содержать обобщения, выводы и / или перспективы исследования, не выделена в качестве отдельной главы, а замыкает последнюю содержательную. При описании моделей мы намеренно избегали указаний на конкретного коллективного или индивидуального субъекта, исходя из двух причин: во-первых, потому что имелось в виду несколько различных образцов, а во-вторых, потому что целью было выявление общих универсальных черт всех субъектов, реализующих конкретную модель.

КУЛЬТУРНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ ПРЕДЕЛОВ В ПЕРСПЕКТИВЕ ПОГРАНИЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Противопоставление порядка хаосу характерно для культуры на протяжении всей истории. Появляясь из хаоса, порядок организует все, с чем имеет дело, тем самым возвышая над хаосом. Степень упорядоченности античной вещи определяет и степень ее гармоничности. Наследуя античное представление о порядке, христианство стремится ранжировать вещи по степени совершенства, т.е. близости к Богу, используя идею иерархии, тем самым ограничивая конкуренцию вещей между собой. Идеи порядка как идеи границы – результат христианской трактовки пространства как предела физических возможностей («Крайние же пределы для человеческого чувства суть небо н земля: так как ими с той и другой стороны ограничивается человеческий взор» (Нисский, 1861, с. 20)[1]). Однако, представления о границе как

1 См. также, напр. «Ибо нарек крайние пределы существ, а с тем вместе молча указал и на заключающееся между сими пределами. Пределы же разумею по человеческому чувству, которое не простирается и до того, что под землею, и не восходит далее неба [...] Твердь, которая названа небом, есть предел чувственной твари, и за сим пределом следует некая

«пределе протяженного естества, за которым находится естество умопредставляемое и неизмеряемое, свободное от свойств, места и протяжения», т.е. обусловленной физическими ограничениями субъекта, дополняются представление о границе нравственных возможностей («человек отклонился (от закона) и вышел за предназначенные ему пределы» (Василий Великий, 1972, с. 34)), носящих в учении Отцов церкви и в Библии сущностный характер, но обусловленных сосуществованием сотворенных существ между собой. Если в первом понимании субъект поставлен в условия, где его ограниченность преодолеваема с помощью умопредставления, то во втором – границы непреодолеваемы, закрыты, а ограниченность субъекта заставляет его замыкаться внутри этих пределов[1]. Обе трактовки развиваются в различных политических и натурфилософских концепциях, но сводятся к дуалистическому пониманию субъекта – как несовершенного (способного к бесконечному совершенствованию), но завершенного (ограниченного в физических телесных возможностях). Идея порядка соотносится с этой идеей физического предела, завершенности «града земного».

Христианская трактовка трансформируется под воздействием понимания ограничений, вызванных плотностью заселения территории (Бартлетт, 2007; Russell, 1972; Biller, 2003; etc.), в политически-территориальное понимание границы, тяготея к «закрытости». Отсюда и форма границ – *фронтир* и *марш*, или *марка* (*March*). Как и «*фронтир*», «*марш* (*марк(а)*)» имел ярко выраженный военный характер. Вместе с тем, термин «*марш* (*марк(а))*» имел в европейских языках асоциальный оттенок, поскольку также обозначал территорию, управляемую маркизом, «который в силу своего пограничного состояния, как правило, обращал мало внимания на власть короля» (Якушенкова, 2012, с. 12).

Конкуренция субъектов (индивидуальных и коллективных) вызвана невозможностью реализовать свой потенциал полностью, как следствие, прескриптивное ограничение воли, внешнее по отношению к субъекту, часто сводящееся к расхожей фразе «Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого»[2], являющейся сокращенной версией статьи 4 «Декларации прав человека и гражданина»

умопредставляемая тварь, в которой нет ни образа, ни величины, ни ограничения местом, ни меры протяжений, ни цвета, ни очертания, ни количества, ни чего либо иного усматриваемого под небом» (Нисский, 1861, с. 12, 25)

1 Митрополит Иларион Киевский сводит оба толкования в одну плоскость нормативных ограничений, где закон регламентирует, а благодать «рекомендует» (Иларион Киевский, 1997).

2 Ср. христианское представление о конкурентном сосуществовании добра (блага) и зла, где работает тот же принцип предела возможностей и границы действия: «посредством создания контраста зло позволяет благу выделиться более рельефно» (Бычков, 2002, с. 810).

(*Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen),* принятой в революционной Франции в 1789 г.:

> «La liberté consiste à pouvoir faire tout ce qui ne nuit pas à autrui : ainsi, l'exercice des droits naturels de chaque homme n'a de bornes que celles qui assurent aux autres Membres de la Société la jouissance de ces mêmes droits» («Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами»).

Физические ограничения субъекта, зафиксированные в Декларации, суть развитие представлений, которые так или иначе находили воплощение в различных европейских концепциях ограничения воли (теория суверенитета Ж. Бодена (Bodin, 1955), Вестфальский мир, теория общественного договора и пр.), действия (напр., ограничение прав иностранных купцов (Мосолкина, 2017; Краснова, 2018)) или социальных групп (сословий, цехов и т.п.), хотя проблема ограниченности пространства стояла и прежде, в Средневековье (Краснова, 2018). Фиксация четких границ (коллективных) субъектов служит основой для идентификационных процессов, и хотя географическая детерминанта является далеко не единственной, но в этой статье она нас интересует больше всего.

Несмотря на то, что теория естественного права и философско-методологические установки (Яковлева, 2018) были положены в основу обеих систем прав человека, американской и французской, а французская выстраивалась с учетом принятых к тому времени (1789) американских документов (Маневская, 2000, с. 14–15), американская фиксирует границы государства по отношению к субъекту, а французская исходит из положения о взаимном ограничении субъектов относительно друг друга[1]. На наш взгляд в основе различий между этими двумя трактовками лежат, в первую очередь, различия в физически более тесной конкуренции за пространство в Старом Свете по сравнению с Новым. Территориальная ограниченность в реализации своих возможностей косвенно подтверждается тем, что в условиях рассеянного проживания субъектов толкование порядка, пределов возможностей и пространственных границ существует в виде фронтира в значении Тернера (в отличие от первоначального значения как *линии* фронта). «Американский фронтир резко отличается от европейского, представляв-

1 Эти различения соответствуют двум способам толкования социального пространства и процесса идентификации: американский – различение Я и не-Я, французский – различение между Я и Другим (другим Я). Обе трактовки были проработаны в немецкой классической философии у Фихте и Гегеля соответственно.

го собой укрепленные пограничные линии, проходящие через густонаселенные местности. Наиболее важной чертой американского фронтира является то, что он находится на ближнем к нам крае свободных земель» (Тернер, 2009, с. 14). «Открытость» границ предполагала дальнейшее продвижение, т.е. незавершенность процесса территориальной (а значит, и культурной) экспансии. Подобное фронтирное представление о пространстве можно увидеть и у колонизаторов, которые принадлежали к европейской культуре, где господствовала «закрытая» трактовка границ, границ как линейных ограничений (Акимов, 2010).

Американский или сибирский фронтир предполагали безграничность возможного движения вглубь «ничьей» территории, в то время как европейская история революционной Франции показывает, что с необходимостью французы сталкиваются с конкурентами, равными себе – по крайней мере, тоже христианами, – поэтому нуждаются в четком делении пространства, понимании линии, где кончается свое и начинается чужое. Революция во Франции утверждает такое деление через войны со старыми монархиями, представляя собой осажденную крепость республиканства, а «солдаты, будучи самыми верными приверженцами революции, выступали ее миссионерами в других странах» (Форрест, 1998, с. 169), подтверждая значение других государств как равных противников, конкурентов, мешающих коллективному субъекту Франции реализовывать свои возможности.

Помимо очевидных недостатков, как то кардинальное противопоставление *здесь* и *там (у нас* и *у них)*, мгновенное наступление события преступления черты, и пр., линейная трактовка границ имела и преимущество – границу можно в любой момент перекрыть, зафиксировать, заградить под благовидным предлогом (Amilhat-Szary, 2020). В этом случае устанавливается искомый порядок, в котором все и вся на своем месте. Такая фиксация границ приобрела в литературе определение «затвердевание границ» («уплотнение границ») (Дюллен, 2019). Параллельно с ней и как ее побочный продукт возникает ряд политических и культурных феноменов, одним из которых является стабилизация идентичности. Порядок в этом случае приобретает характер статики, противоположной хаосу как движению элементов.

ГРАНИЦА КАК МЕДИЦИНСКИЙ ФАКТ

Граница достаточно часто описывается в биологических или даже медицинских метафорах[1] «тело» Европы, дипломатический или

1 «Словосочетание, состоящее из элемента (слова), принадлежащего медицинскому дискурсу, и лексемы из литературного языка» (Зубкова, 2010, с. 141).

культурный «иммунитет», «инъекция» свободы, «анатомия» границ, «нарушение финансового кровообращения», финансовые «вливания», политический «паралич», «аберрация» (национального) сознания, антиципация и др. (Zenderowski, 2003; Bialasiewicz, 2009; Абрамов, 2019; Ноу, 2021), что свидетельствует о специфическом способе мышления о границе и пространстве, а также о представлении о том, что культурный дискурс и науки о культуре тесно связаны, если не мыслятся как продолжение биологического дискурса и естественных наук. Неудивительно в этом отношении использование метафор «затвердевание» или «уплотнение» для описания процессов полного ограничения трансграничной активности по идеологическим соображениям как развитие внутригосударственной политики. Однако «уплотнение», которое в медицинской практике соотносится в первую очередь с опухолями, во французском оригинале книги Сабин Дюллен совершенно лишено такого смысла, поскольку там фигурирует совсем не «denses», используемое для описания этиологии опухоли на французском языке, а слово «épaisse», образованное от «épais», имеющее значение, скорее, «утолщение, увеличение в размерах», которое можно перевести и как «уплотнение», но стоит иметь в виду специфичность этого уплотнения. Дополнительный метафорический потенциал названию книги французской исследовательницы сообщает то, что слово «épais» используется для описания одежды (плотный свитер, толстая куртка), позволяя сопоставить границу с одеждой. В этой работе мы придерживаемся значения уплотнения в медицинском значении («denses») в большей степени, чем в значении увеличения в размерах и утолщения, хотя это последнее, собственно то, в каком использует С. Дюллен, и подразумевается как дополнительное. Поэтому будем использовать слово «затвердевание» даже в том случае, когда ссылаемся на французскую ученую. Акцент стоит сделать на то, что оба термина – «затвердевание» и «уплотнение» – образованы от глаголов несовершенного вида, поскольку процесс(ы), которые они описывают, не имеют точки завершения (идеального состояния).

В этом контексте раковые метафоры суть развитие установок о границах как искусственном, а не естественном установлении, а о пространстве – как не имеющем границ, т.е. установок, противоречащих тем, из которых исходят общества и государства, стремящиеся к ограничению. В его основе лежит эссенциалистский подход, на коем основана абсолютизация идентичности в культурных исследованиях (Zenderowski, 2003). Подход, предполагающий неизменяемую (детерминированную географическими или физиологическими факторами) сущность (ментальность) в основе представления о народе как о еди-

ном целом, активно развиваемый в позднем Просвещении и романтизме, но берущий свое начало еще раньше: например, древнегреческий Зевс был защитником границ и иностранцев. Однако давно изменившиеся политико-географические условия не отразились в политической и культурной практике, и «позиция Зевса, состоящая в том, что границы не могут быть изменены, а порядок должен пребывать неизменным, присутствует в современном международном праве» (Боянич, 2019, с. 99).

Современный эссенциализм в трактовке границ основывается на античном представлении, но совершенно с ним не совпадает. В отличие от «затвердевания» как основного принципа интерпретации идентичности, античные представления имели процессуальный характер: «Пространство – это что-то освобожденное, допущенное в границу, греческого περας. Граница – это не то, где что-то прекращается, но, как определяли ее греки, то, где что-либо начинает свою сущность. Отсюда понятие orismóß, что означает границу, горизонт» (Хайдеггер, 2020, с. 166–167). Процесс разворачивания раскрывается как процесс самосовершенствования, наиболее явно эта метафизика границ воплощается в отношении человека, который должен совершенствовать себя, не разделяя на внешнее (тело как границу) и внутреннее, не отдавая чему-то предпочтение. Процесс самосовершенствования не предполагает какой-то окончательной завершенной формы.

Однако в современном эссенциализме, основанном на просвещенческой универсализации нормы, гармония и порядок, как высшая ценность развития, исключают любую процессуальность и состоят в сохранении существующего положения, сохранении статики культуры, сохранении локальности. Любая трансграничная активность воспринимается как угроза порядку и в смысле «упорядоченности», и в смысле «идеологической структуры», как проявление хаоса, происки врагов. А любое инородное тело в условиях затвердевших границ должно сохранять свою инородность, не быть растворенным во внутригосударственной человеческой массе:

> «Если я защищаю иностранцев, это означает, что иностранцы всегда должны оставаться иностранцами (я не позволяю им становиться такими же, как граждане, как те, кто предлагает им гостеприимство, я не допускаю превращения иностранцев или беженцев в тех, кто так же имеет возможность предложить свое гостеприимство у меня дома)» (Боянич, 2019, с. 98).[1]

1 Термин «диаспора» в современных социальных науках позволяет обозначить всех иностранцев, поскольку является «интерпретирующей рамкой, ссылающейся на экономические, политические и культурные аспекты современных форм миграции [мигрант, иммигрант, экспатриант, беженец, гастарбайтер, изгнанник]» (Brah, 1996, с. 620).

Несмотря на то, что к случаям трансграничной активности относятся как добровольные (экономическая выгода; культурные установки; туристическое «любопытство»; языковой, культурный или физический комфорт; проживание членов семьи по разные стороны границы), так и связанные с государственным насилием или произволом властей (угроза жизни или правам; насильственная высылка), последние расцениваются в ситуации затвердевания (уплотнения) границ как наиболее тяжкие[1]. Именно эссеницалистская трактовка «чуждости» тех, по отношению к кому государство проявляет подобное отношение, не позволяет представить возможность «исправления» и дает основания возложить вину за это на них самих. «Чуждые» элементы интерпретируются как инородные, вносящие хаос. Медицинский дискурс позволяет наиболее точно передать эссенциалистские установки относительно государства в значении, акцентирующем границы (тело – *corpus)*, иностранцев в лице беженцев, мигрантов, переселенцев (инородное тело – *corpus alienum).*

ПРОБЛЕМА «ЗАТВЕРДЕВШЕЙ» ГРАНИЦЫ

Эссенциалистское представление о стабильности как застывшем состоянии тела не предполагает каких-либо трансграничных процессов. Термин, который использует Сабин Дюллен для характеристики процессов, происходящих на границах СССР в период между мировыми войнами, «уплотнение границ» (Дюллен, 2019), кажется очень точным. Несмотря на то, что задача пограничной политики советского государства была направлена на формирование непроницаемых границ, защищающих от внешнего врага, эта непроницаемость постепенно приобретает характер двухстороннего фильтра, позволяющего законсервировать порядок внутри. Установленная в конце НЭПа «стабильность» не предполагала внешних экономических, интеллектуальных и прочих «инъекций», а те, что происходили, четко пропагандистски переинтерпретировались, чтобы быть включенными в идеологический контекст сложившегося порядка, а через короткий промежуток времени (когда информация о них теряла свою новостную свежесть) быть вытесненными на периферию социальной памяти. Таким образом, граница как фильтр выступала таковой для «ценностей», соот-

1 Например, позиция советского правительства в отношении русских интеллектуалов, высланных из страны на протяжении 1922 года (Философский пароход), сводилась к тому, что чуждые элементы заслуживают смерти, но формальных оснований для расстрела нет, поэтому их необходимо выслать насильно, для чего в новой редакции уголовного кодекса были уравнены расстрел и высылка. В печати развернулась травля высылаемых, поскольку большевики относились к «чуждости» как к сущностному содержанию личности, которое нельзя исправить (см. Макаров & Христофоров, 2005; Артизов, 2008; Малинов & Троицкий, 2013; и др.)

ветственно пограничная территория рассматривалась как место ожесточенного конфликта ценностей, что и делает границу максимально непроницаемой в обе стороны, поскольку насаждение разных порядков происходит с двух сторон границы, по крайней мере, такие ожидания от Другого распространяются из центра порядка, а Другой автоматически воспринимается как Чужой или даже враг. В качестве примеров можно привести отношение Европы в период Средневековья и Нового времени к мусульманскому Востоку(Crowley, 2005; Cliff, 2011; Johnson, 1997; Mühling, 2018); католического мира к протестантскому в период религиозных конфликтов (Wilson, 2011; Phillips, 2010); Францию после французской революции (Rothenberg, 1988; Schneid, 2011); оба лагеря в ходе Холодной войны (Graebner, 1963) и т.п. При этом вся политика государства подчиняется ценностной рациональности (Вебер, 1990) и ориентирована на источник этих ценностей – центр защищаемого порядка.

Как показывает С. Дюллен, плотность границы по всей длине была далеко не однородной (Дюллен, 2019, с. 18–21). Наибольшей плотности она достигала именно там, где ожидания от Другого, находящегося по ту сторону, были наиболее напряженными, где угроза с той стороны границы выглядела наиболее сильной, а ключевые элементы порядков с той и с этой сторон границы не подвергались культурной конвертации или трансферу. В таком месте (на протяжении границы с соответствующим государством-представителем враждебного порядка) граница приобретала характер «железной стены». Плотность, по всей видимости, зависела от степени возможного влияния (распространения собственного порядка) на соседнюю территорию. Однако характер государства определяли не эти мягкие границы, а, наоборот, самые плотные, самые закрытые, поскольку необходимость контроля над ними определяла внутреннюю политику государства в целом. «Затвердевание» и централизация всех каналов власти выражается в тотальном контроле государства над субъектами (обществом), монополии на власть и действие, в результате которой политика интерпретируется как совокупность государственных чиновников, что делает ее синонимичной самой власти. В отношении границ это проявляется в запретительной позиции государства как на перемещение товаров, так и на передвижение людей через границу: государство криминализирует трансграничную активность (Дюллен, 2019, с. 251–319), а то, что не подвергается запрету, подчиняется тотальному контролю из центра.

Граница существует как комплекс установок, укорененных в первую очередь в мировоззрении субъектов (*психические границы*, по Г. Зиммелю), а не в политических документах или природных прегра-

дах, которые без *принятия* субъектами не могут быть источниками существования государственных границ. В отличие от естественных, о которых пишет Фихте (Фихте, 1993)[1] и к которым, по его мнению, должно стремиться любое государство, политические (психические) границы, добровольно установленные пограничными государствами, содержат в себе в латентной форме обе стратегии социального взаимодействия, нападение и оборону. Их из-за видимой неактивности Г. Зиммель назвал «*индифферентными*» (*Indifferenzzustand von Defensive und Offensive)*, отметив, что они не просто пассивно сопротивляются, но оказываются источником активной пульсации, обусловленной возможностью передвижения самих границ. Возможность передвижения («сдвиги, расширения, втягивания, слияния») границ на одну или другую территорию сопряжен с взаимным давлением с двух сторон границы. В случае, когда давление ослабевает, граница изменяется» (Simmel, 1908, s. 621–622)).

Трактовка, предложенная Г. Зиммелем, позволяет объяснить сочетание, казалось бы, несочетаемых элементов в пограничной политике (над)государственных образований с затвердевшими границами: экспансивную стратегию внешней политики и, в то же время, стратегию стабильной границы. В отношении СССР или Германии 1930-х гг. часто можно слышать мнение, что одно делалось, а другое только декларировалось (в пропаганде), однако, как показывает опыт, обе стратегии не противоречат друг другу, а составляют единый комплекс, реализующий идею «плотной» границы, которая, к слову, принималась и реализовывалась основными игроками внешней политики, например, на стыке XIX–XX веков, период, названный в литературе империализмом.

По всей видимости, экспансивность внешней политики заложена в само эссенциалистское понимание порядка. Когда государство, стремясь установить стабильность и однородность общественной среды, оказывается в ситуации ожидания внешней агрессии, его задача – снятие угрозы центру. Это можно сделать, только если отодвинуть границу на территорию, которая интерпретируется как буфер между двумя порядками, внутренним и внешним, чтобы распространить свой порядок на нее, окончательно включив территорию в сферу его действия. Подобное распространение сопровождается идеологической работой, которая фиксирует новую границу в сознании присоединенного населения, полицейскими мероприятиями по зачистке от «инородных

1 Позиция Фихте основывается на теории естественного права, сильно модифицированной. Следы ее можно увидеть в трактовке природных ограничений как идеальных естественных границ, терминологии и прочем (см. также Боянич, 2019).

элементов» и мерами по стабилизации. Таким образом, можно выделить три состояния границы в процессе ее затвердевания, процессе, который может быть бесконечным, если нет сдерживающих внешних факторов.

На первом этапе, когда имеется плотная граница, внешняя приграничная территория (территория соседнего государства) воспринимается как фронтирная («территория встречи цивилизации и варварства»), т.е. открытая для распространения собственного порядка и отодвигания потенциальной линии фронта дальше от центра. Этот этап сопровождается активной пропагандистской работой по оформлению идентификационной модели, «исторически» включающей в себя население и территорию, на которую направлена активность. Этот этап не предполагает военное вмешательство и захват территории.

На втором этапе территория переинтерпретируется из «бывшей своей» (исконные, исторические) в территорию-пограничье, т.е. зоны конфликта «ценностей». Прежняя граница демонтируется, а точнее размазывается на все интересующее пространство. Идеология меняет свое содержание, в ее основе лежит мысль о защите ценностей и обижаемого населения, интерпретируемого как свое. На этом этапе вооруженный конфликт допустим, если существует сопротивление со стороны соседнего государства, территория которого осваивается.

Последний этап – закрепление линейной границы (линии возможного фронта) по внешним очертаниям бывшего пограничья. Стремительное изменение государственных границ чревато для государств ослаблением военных возможностей по их защите, контроля над трансграничной активностью мирного населения, которая, как уже упоминалось выше, трактуется как угроза для установленного порядка. Таким образом, осуществление желания по стабилизации порядка фактически приводит к обратному эффекту, к тотальной неуверенности в функциональности границ. Показательным нам кажется ситуация с советскими границами в 1930-е годы, когда неуверенность в границах, вызванная необходимостью стабилизировать порядок внутри государства, порождает неуверенность у руководства страны. Известное письмо Сталина Кагановичу от 11 августа 1932 года прямо демонстрирует ее:

> «Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается немало (да, немало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец – прямых агентов Пилсуд-

> ского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии. Самое плохое – это то, что украинская верхушка не видит этих опасностей. […] хозяйственное и политическое укрепление Украины, в первую очередь – ее приграничных районов и т.п., повторяю – мы можем потерять Украину» (Сталин, 2004, с. 572).

Неуверенность в границах распространяется на систему межсубъектных отношений и выражается в тотальной подозрительности, когда каждый актор рассматривается как потенциальный враг, внутренний или внешний, а народы, республики внутри государства – как пространство измены, результатом чего оказываются депортация, усиление контроля и репрессий. Вместе с тем, затвердевание границ, стабилизация порядка, расширение территории государства за счет отодвигания границ – по крайней мере, на втором и третьем этапах – влекут за собой установления чрезвычайного режима управления не только на новых территориях, но и на старых, что фактически означает расширение пространства буферной (приграничной) зоны до всей территории страны, а не только на новых территориях. Для эффективного управления на всей территории государства ведется активная идеологическая работа по установлению единой модели политической (государственной) идентичности, ориентирующейся на идеальный образ настоящего гражданина, это то, что можно обозначить как идеологию стабильной коллективной идентичности. Стабильная идентичность – это застывшая идеальная форма, норма, которая определяет субъектов на предмет соответствия, а значит, позволяет делить всех на своих и чужих. Она является основой для социальной, экономической, территориальной и прочих форм стратификации, а также идеальным воплощением формы и содержания устанавливаемого (установившегося) порядка.

ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Государственное образование с затвердевшей границей, особенно если речь идет о различных порядках, построенных на противопоставлении ценностей, ориентировано на центр и его сохранение, поэтому рано или поздно перейдет в режим повышенной готовности, который характерен для буферной зоны или, как называет этот режим Часлав Копривица, «приграничья». *Приграничники,* жители *приграничья* (не путать с пограничниками, состоящими на государственной службе и являющимися частью регулярной армии) вынуждены находиться в этом состоянии мобилизации постоянно, у них формируется комплекс

отличительных психологических характеристик, который условно можно обозначить как *невроз приграничника*.

> «Приграничником человека делает само проживание в области соприкосновения двух культурных, территориальных, друг с другом враждующих инаковостей, что создает особое качество коллективного существования, главной чертой которой является повышенное чувство временности – прежде всего временности мира, потому что война на такой границе, в принципе, независимо от эвентуальных, текущих , вступивших в силу контрактов и соглашений, может вспыхнуть, вернее, возобновиться, в любое время, отому что война на такой границе, в принципе, независимо от эвентуальных, вступивших в силу контрактов и соглашений, может вспыхнуть, вернее, возобновиться, в любое время [...] глубокое, иногда на протяжении веков «построенное» взаимное недоверие, в конечном итоге, становится сильнее любого другого правового регулирования. [...] в рассматриваемом виде границы этого нет, а в устройстве соответствующего (при)граничного режима заранее заложена продолжительная временность перемирия» (Копривица, 2019, с. 263).

В качестве примера можно привести жителей приграничных территорий между империями, таких как казаки или черногорцы. Их повседневность подчинена постоянной готовности выступить на защиту государственных территории и/или собственных домов. Однако подобный «синдром приграничника» (Ч. Копривица) может быть распространен на все государство. Тогда длительное пребывание в состоянии невроза приграничника выражается в изменении «ментальных» черт населения.

Для сохранения мобилизации просто политической воли недостаточно, она с необходимостью должна дополняться стабилизацией процессов и стабилизацией образов, стереотипизацией восприятия мира, а также идеологической подпиткой, построенной не на солидарности, а на сущностном единстве всех членов сообщества, т.е. сформировать идентитарную модель, которая могла бы быть воспринята и поддержана подавляющим большинством.

> «Парадокс, однако, заключается в том, что для того, чтобы предложить хотя бы видимость уверенности и тем самым сыграть свою целительную роль, идентичность должна создать ложное представление о своём происхождении, должна отрицать, что она всего лишь подделка и более всего нуждается в появлении фантома того сообщества, на смену которому она якобы приходит. Идентичность пускает корни на кладбище сообществ, но процветает благодаря своему обещанию оживить мертвецов. [...] якобы разделяемые, «общинные» идентичности являются побочным продуктом лихорадочной разметки рубежей. Лишь после того, как вкапываются пограничные столбы, возникают мифы об их старинности,

> а молодые культурно-политические истоки идентичности — маскироваться рассказами об их долгой истории» (Бауман, 2005, с. 190).

И хотелось бы добавит, что и/или исторической травме, которая требует возмещений.

Удобная с точки зрения достижения тактических целей в политике, благодаря формированию комплекса неизменяемых культурных образцов, мемориально-травматической инфраструктуры, неписанных нормативных установок в дополнение к законодательной базе и прочего, стабильная модель идентичности тем не менее имеет целый ряд проблемных побочных эффектов, которые оказываются стратегически проигрышными. Ориентированность системы на воспроизводство культурных прецедентов, лежащая в основании архаических и традиционных сообществ, герметичных в отношении производства новых норм и образцов, позволяет этим сообществам игнорировать внешние вызовы[1], вступая в коммуникацию с ними с помощью ритуалов. Однако в условиях глобального мира функционирование сообщества зависит от других сообществ, любые внешние вызовы для одного оказывают влияние в среднесрочной или долгосрочной перспективе на все другие, что вынуждает их «держать руку на пульсе», мгновенно реагировать на малейшие колебания среды и изменения условий.

Издержки модели стабильной идентичности приводят к перегреву системы, административным сбоям и прочим проблемам, способным разрушить систему. Хотя из-за своей ориентации на консервацию культурных установок эта модель может быть использована для временного сохранения и поддержания разрушающейся структуры, поскольку идеология стабильности у-порядочивает и «фундирует» отсутствующую форму, заменяя собой функциональную вариативность системы, ориентированной на изменчивость среды и готовой на маневр в случае внешних «вызовов». Все естественные изменения среды интерпретируются носителями стабильной идентичности как агрессивные воздействия, поскольку угрожают порядку, очень комфортному, не требующему от субъектов ни развития, ни рисков, ни связанной с ними ответственности, предполагающему сохранение социальных ролей и отношений, что делает эту модель предпочтительной для обывателя[2] и удобной для управления обывателем.

1 «“Вызов” можно определить как совокупность обстоятельств, не обязательно имеющих угрожающий характер, но, безусловно, требующих реагировать на них. Иными словами, вызов тесно связан с вероятностью конкретной и непосредственной угрозы нанесения ущерба или помех существованию или развитию данного объекта, субъекта или процесса» (Цыганков, 2016, с. 79–80).

2 В данном случае никакого негативного смысла в слово «обыватель» не закладывается, оно используется здесь для обозначения индифферентной управляемой силы, составляющей

Однако за кажущейся мировоззренческой простотой данной модели, сводящейся достаточно часто к иерархии (социальной, экономической, интеллектуальной, культурной, аксиологической и т.д.) оказывается сложность, вызванная изменчивостью среды. (Ф)акторы, как внешние, так и внутренние, обеспечивающие контекстуальность локальной системы и, следовательно, ее жизнеспособность, не учитываются в эссенциалистском представлении об идеальном мире, но оказывают огромное влияние на саму систему. В качестве решения проблемы представляются два пути – игнорирование идеологии стабильной идентичности и перестраивание системы через увеличение ее чувствительности к изменениям среды либо игнорирование колебаний и изменчивости, сохранение локальной стабильности и подстраивание механизмов системы в соответствии с идеологической моделью. Последний вариант предполагает «ручное» управление, а следовательно – великую вероятность ошибок и сбоев, вызванных субъективными ограничениями того, кто принимает решения (человеческий фактор).

Эти ограничения, а также ограничения, вызванные иерархизированностью оперативных процессов и алгоритмов принятия решений (длительность и искажения содержания в процессе администрирования, субъектная демотивация участия, концентрация ответственности в центре управления всеми процессами и т.п.), приводят к увеличению внутренних ошибок и сбоев в работе, «перегреву» системы, что отражается на ее функциональной жизнеспособности. В результате поддержание модели стабильной идентичности оказывается невероятно затратным и делает систему неконкурентоспособной, крайне хрупкой и «ломкой» в случае внешних воздействий среды, а тем более в случае прямого внешнего вмешательства (например, военной агрессии).

Заложенная в идеологии стабильной идентичности иерархичность (централизованность) процессов порождает еще одну издержку. Отсутствие социальной, культурной и прочей мобильности и закрепление места в иерархии нуждается в укреплении и поддержании страт, что приводит к локальному внутреннему воспроизведению общей модели построения и внутренних отношений между элементами на уровне микросообществ, начиная от семьи. Агрессия по отношению к Другому, обусловленная ожиданием чужой агрессии («синдром пограничника») и встроенная в саму идентификационную модель, реализуется как доминирующая форма коммуникации на всех уровнях иерархии. Кроме того, для институализации иерархии необходимы «сильные» (об)основание разделенности, четкие границы между уровнями иерархии (класс, нация, национальность, пол, возраст, уровень

арифметическое большинство.

образования, доход, происхождение и много других), все они в этой модели абсолютизируются как сущностные характеристики, не предполагающие переход в другую страту. Возникают твердые границы между стратами с противопоставлением всех сторон. В результате невозможна трансгенерациональность, поскольку поколения противопоставлены друг другу, что не предполагает передачи ценностей, ее заменяет культивируемая формальными структурами (государством) историческая память с установленными культурными нормами и образцами. Поколения трактуются как неизменная сущность, выявляемая в контрасте с другими поколениями, переход из поколения в поколение в результате старения субъекта происходит как скачок, а не плавный переход. Пол (термин «гендер» оказывается неактуальным для данной модели) трактуется стабильной идентичностью гетеронормативно, т.е. как сугубо физическая (природная) принадлежность, не предполагающая перехода, противоположная другой (Weiss, 2001). Неудивительно, что переход из одной страты в другую (идентитарная мобильность) рассматривается негативно, а субъекты, совершающие подобный переход, – как инородные (чуждые) элементы, маргиналы.

Абсолютизация характеристик сопровождается тем, что принадлежность к конкретной страте воспринимается как совокупность особенностей мышления[1], что приводит к необоснованным ожиданиям и эпистемологической ошибке, которую можно обозначить как «понятое сознание». Понятое сознание выражается в иллюзии, что мысли, переживания, чувства, логические схемы другого человека являются очевидными, понятными, легко реконструируемыми, а значит, поведение и желания другого человека легко предсказуемы. Эта ошибка проявляется в форме презумпции, которая (пред)полагается в основание для построения логических суждений и поведенческих стратегий. Понятое сознание функционально вписано в политику как систему отношений между акторами. Политические системы, построенные на свободной конкуренции субъектов (горизонтально ориентированные политические структуры), полагают понятое сознание как переменную, и содержание данной презумпции может смещаться (изменяться). В то время как политические системы, ориентирующиеся на вертикальную структуру отношений, склонны к фиксации (идеализации) субъектности, к стабилизации идентичности, а потому понятое сознание выступает здесь как постоянная форма и содержание, как модель, в соответствии с которой необходимо менять самого субъекта.

Стабилизация идентичности, т.е. установление модели стабильной идентичности в качестве доминирующей, как правило, сопрово-

1 Ср. «партийность философии» (Жилин, 2016).

ждается пропагандой, ожиданием и обещанием (навязыванием) порядка как формы существования системы, где все регламентировано, установлено, неизменно, очевидно и сводится к биполярному представлению об окружающем мире. При этом биполярность детерминирована моралью. Навязывание порядка, как идеологический шаблон, может быть актуализировано в силу нескольких причин, таких как экономическая нестабильность, внутрикультурный конфликт (неснятый конфликт с отложенным решением), нестабильность политики и идеологии (например, неграмотные реформы), отсутствие доверия к власти (взаимное недоверие властных институтов и гражданского общества), выстроенная система четкого деления полномочий (Центр-периферия, властная вертикаль), но все эти причины так или иначе встроены в саму модель как побочный эффект ее самой. Другими словами, если по какой-то (каким-то) причинам процесс стабилизации идентичности запущен, то он будет продуцировать все эти причины как факторы дальнейшей стабилизации.

В качестве характерных черт, маркирующих стабильную идентичность, можно отметить на субъектном уровне буквальное понимание различных языковых игр. Так, например, пародия воспринимается буквально, т.е. работает для субъекта как стилизация[1], как прямое высказывание, соотносящееся с «реальным» содержанием (обращается к «реальной» вещи, а не к самому этому прямому высказыванию). Такая подмена в процессе интерпретации пародии является следствием разрозненности социальных и культурных «опытов», «норм» социальных групп внутри культуры. Другим маркером стабильной идентичности является застывание в качестве сущностных характеристик результатов (юмористической) фольклоризации значимого Другого, по сути, реализованной всего лишь в виде случайно сложившегося вписанного в контекст риторического тропа.

Фольклоризация этнического Другого (Чужого) (Белова, 2005), один из способов освоения и принятия факта его присутствия и его отличий, механизм «освоения» Другого (непонятное, чуждое) заключается в определении его через создание упрощенного образа, акцентирование на (мнимых) отличительных чертах, в то время как все остальные свойства отходят на второй план, теряют значение (‘бульбаши’, ‘хохол’ и т.п.). Несмотря на то, что в основе фольклоризации лежит упрощение, этот почти автоматический механизм используется людьми всех без исключения социальных групп, независимо от рода деятельности, уровня образования и дохода, поскольку «концепт “чужого” яв-

1 Различия между пародией и стилизацией были подмечены М.М. Бахтиным и Ю.Н. Тыняновым (Тынянов, 1977, с. 201; Бахтин, 2002, с. 207–209).

ляется непременным условием для формирования целостной картины мира и одним из основных классификаторов самоидентификации» (Белова, 2005, с. 8). Однако в условиях стабильной идентичности, когда Другой радикализируется и воспринимается как источник угрозы, фольклорный сложившийся образ используется в пропаганде, культурный стереотип трансформируется в предрассудок, т.е. отрицательные или уничижительные характеристики в отношении к конкретному (коллективному или индивидуальному) субъекту «затвердевают» и становятся основанием для политических решений.

Описанная модель стабильной идентичности, конечно, является идеальным типом в терминологии М. Вебера со своими упрощениями, свойственными любой генерализации. Наша задача состояла в том, чтобы избежать описания конкретных кейсов, а выявить общие для них всех характеристики. В этом смысле под частичное описание стабильной идентичности могут быть подогнаны практически все имеющиеся сообщества, но нам кажется важным обозначить стремление к полной реализации этой модели как тенденцию, к которой склонны политические режимы, и показать непосредственную взаимозависимость стабильной (затвердевшей) границы и стабильной идентичности.

Произошедшие с момента падения «железного занавеса» изменения, в первую очередь, в сфере коммуникации, привели к построению так называемого «глобального мира», в котором полностью прервать трансграничную активность достаточно сложно, хотя установку на это и делает «правый поворот» (Ferguson & Rogers, 1986; Berman, 1994; Jones, 1989; Sharova, 2016) в политике, социальных науках, возвращая от процессуального понимания идентификации (как постоянного процесса) к эссенциалистскому, культур-этимологически основанному на христианском провиденциализме. В этом случае затвердевание границ оказывается реализацией идеологии времен меркантилизма в экономике и романтического национализма – в политике.

НАЗАД К ФРОНТИРУ? ОЧЕНЬ ДЛИННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Затвердевшие» границы и соответствующая им модель стабильной идентичности, как может показаться, противоположны фронтирам и фронтирному мировоззрению, основание для такого мнения дал сам Ф. Тернер, противопоставив европейские и американские границы (Тернер, 2009, с. 14). Идеализация фронтира в работах Тернера давно стала объектом критики[1] за одномерность модели, но тем не менее во-

1 Обзор ранних критических замечаний в отношении Тернера был дан Биллингтоном (Billington, 1973, pp. 361, 450, 451).

шла в культуру на уровне обыденного сознания. Открытость и свобода американца, как нового человека (Billington, 1958), является устоявшимся культурным мифом[1], активно воспроизводимым в популярной культуре (Stoeltje, 1987; Slotkin, 1992; Etulain, 1999; Nelson, 2015; Heyne, 1992), несмотря на то, что трактовка стратегии американского фронтирного освоения земель подверглась переинтерпретации и под влиянием различных освободительных дискурсов трансформировалась в захватническую колониальную практику белого человека, проявления которой можно обнаружить на протяжении всей истории США (Jones, 2021; Slotkin, 1973; Murdoch, 2001; Bold, 2013). Теория фронтира как объяснительная модель была востребована, в первую очередь потому, что давала возможность разобраться с современностью, а не с прошлым (Slotkin, 1992), объяснить различия между ними и нами, обосновать векторы внешней политики и, например, противостояние коммунистам в период холодной войны. Однако именно благодаря актуальности и эпистемологическому потенциалу, позволяющему интерпретировать проблемы современности в каждый конкретный момент истории, а также в силу влиятельности американской модели человека, укорененной в теории фронтира и географической детерминации, для «условной» Западной Европы, фронтирная теория оказывается, пожалуй, самой влиятельной политической идеологией. Фронтир тогда определяется, благодаря отстраиванию от затвердевшей границы, как положительный опыт от негативного. Учитывая назначение теории (идеологическое), все негативные аспекты интерпретируются как малозначимые издержки. В современных условиях говорить о самостоятельном существовании этой теории вне идеологии не приходится, но содержание ее представляется очень привлекательным для субъекта, хотя и таит в себе отказ от комфортной определенности стабильной идентичности, идентичности как идеала, раз и навсегда достигнутого.

> «Во-первых, категоризация идентичности, даже если она закреплена в уродливых типологиях процессами колонизации или формирования государства, всегда полна напряженности и противоречий.

1 «Мифы – это истории, почерпнутые из истории общества, которые благодаря постоянному использованию приобрели способность символизировать идеологию этого общества и драматизировать его моральное сознание – со всеми сложностями и противоречиями, которые может содержать сознание. Со временем, благодаря частым пересказам и развертыванию в качестве источника интерпретирующих метафор, оригинальная мифическая история становится все более условной и абстрактной, пока не сводится к глубоко закодированному и резонансному набору символов, “иконок”, “ключевых слов” или исторических источников. В этой форме миф становится основной составляющей языкового значения и процессов как личностного, так и социального “запоминания”» (Slotkin, 1992, p. 5).

> Во-вторых, обсуждение онтологического различия является основополагающим для того, что значит быть человеком. Мы не можем просто надеяться на то, что такие переговоры будут завершены, и отказываться от таких категорий самобытности, как нация, этническая принадлежность, религия и племя. Проблема не столько в этих категориях, сколько в способах согласования, инструментализации и встраивания различий в типологии иерархического статуса. Обсуждение условий идентичности через категории различий имеет основополагающее значение для вопросов власти, смысла, насилия и творческой социальной практики.
>
> В-третьих, хотя процессы категоризации являются частью человеческого состояния, современные процессы типологизации слишком часто служат восстановлению и деструктивному искажению старых многослойных форм идентичности. Это источник такой разнообразной практики, как расизм, шовинизм и геноцид. Иногда напряженность между онтологическими образованиями может быть положительной, но слишком часто инструментальное использование этих напряжений в современном мире привело к агрессивному насилию и оборонительному хаосу. Под всеми этими аргументами скрывается методологическое положение о том, что для того, чтобы преодолеть либо описание "столкновения культур", либо анализ "потоков различий", полезно разработать системное понимание онтологических формаций и их трудного пересечения» (James, 2015, pp. 174-175).

Таким образом, фронтирное мировоззрение исходит из презумпции о нестабильности процессов и своеобразной онтологии различий, которую можно описать с помощью трех моментов.

1) Другой – реализация возможных различий, а потому допустимо его сосуществование с Я.

2) Стратификация является условной, а идентификационные модели вторичны по отношению к системе социальных связей, мобильны и представляют собой многоуровневую структуру, в которой в центре находится Я как точка пересечения.

Согласования этих моделей происходит в силу:

– физических (объективных, телесных) условий и ограничений;

– комплекса моделей, задаваемых ближайшим окружением Я (семьей), формирующим трансгенеративность субъекта;

– кругов общения (коммуникативной среды);

– социальной группы, которой принадлежит субъект,

– политических конструктов (наиболее абстрактный уровень).

3) Условная иерархия стереотипов, предрассудков, состоящая по аналогии с рефлексами из безусловных (не рационализируемых) и условных (нуждающихся в рациональных обоснованиях), делающих функционирование субъекта в социуме не только возможным, но и эффективным.

Фронтирная онтология различий лежит в основе современных ключевых политических практик, начиная с освободительных дискурсов (постколониального, феминистского, квир и других) и заканчивая политикой меньшинства (minority policy), лежащей в основе представления о глобальном мире и миропорядке после Вестфальского мира (Deets, 2006; Krasner, 2001).

Фронтирное мировоззрение – оптика для того, чтобы видеть пространство открытым. А также онтология различий, которая является основанием для интерпретации нового типа фронтирного освоения территорий, где в качестве фронтирмена выступает мигрант, а границы представляются как «текучие» (liquid), правда, без упоминания фронтирных источников такого понимания (Moraña, 2021).

Если сравнить фронтирное мировоззрение нового типа (американца), по представлению Ф.Дж. Тернера и современное (как онтологию различий), мы вряд ли сможем найти особые точки пересечений. Но именно эта современная модель включает в себя вероятность сосуществования различных индивидуальных и коллективных субъектов, способных софункционировать различным акторам, как людям, так и не-человекам, и допускает существование субъектов со стабильной идентичностью и затвердевшими границами как одного из возможных Других.

Список литературы

Amilhat-Szary, A.-L. (2020). *Géopolitique des frontières: Découper la terre, imposer une vision du monde [Geopolitics of borders: dividing the earth, imposing a vision of the world].* Paris: Le Cavalier Bleu. (In French).

Berman, W. C. (1994). *America's right turn: From Nixon to Bush.* Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.

Bialasiewicz, L. (2009). Europe as/at the border: Trieste and the meaning of Europe. *Social & Cultural Geography*, *10*(3), 319–336. doi: 10.1080/1 464 936 090 2 756655

Biller, P. (2003). *The measure of multitude: Population in medieval thought.* Oxford: Oxford Univ. Press.

Billington, R. A. (1958). How the frontier shaped the American character. *American Heritage Magazine*, *9*(3), 4–12.

Billington, R. A. (1973). *Frederick Jackson Turner: Historian, scholar, teacher. Ray Allen Billington.* New York: Oxford University Press.

Bodin, J. (1955). *Six Books of the Commonwealth ... Abridged and translated by M.J. Tooley.* Oxford: Basil Blackwell.

Bold, C. (2013). *The Frontier club popular westerns and cultural power, 1880-1924*. New York: Oxford University Press.

Brah, A. (1996). Diaspora, Border, and Transnational Identities. In *Cartographies of diaspora contesting identities*. London: Routledge.

Cliff, N. (2011). *Holy war: How Vasco da Gama's epic voyages turned the tide in a centuries-old clash of civilizations*. New York: Harper.

Crowley, R. (2005). *1453: The holy war for Constantinople and the clash of Islam and the West*. New York: HyperionHyperion.

Deets, S. (2006). Pulling Back from Neo-Medievalism: The Domestic and International Politics of the Hungarian Status Law. *Slavic Eurasian Studies*, (9), 17–36.

Etulain, R. W. (1999). *Telling Western stories: From Buffalo Bill to Larry McMurtry*. Albuquerque: University of New Mexico Press.

Ferguson, T., & Rogers, J. (1986). *Right turn. The Decline of the Democrats and the Future of American Politics*. New York: Hill and Wang.

Graebner, N. D. (Ed.). (1963). *The cold war.: Ideological conflict of power struggle*. Boston: Heath and Co.

Heyne, E. (1992). *Desert, garden, margin, range: Literature on the American frontier*. New York; Toronto; New York: Twayne Publishers ; Maxwell Macmillan Canada ; Maxwell Macmillan International.

Hoy, B. (2021). *A line of blood and dirt: Creating the Canada-United States border across indigenous lands*. Oxford: Oxford University Press.

James, P. (2015). Despite the Terrors of Typologies. *Interventions*, *17*(2), 174–195. doi: 10.1080/1 369 801X.2014.993332

Johnson, J. T. (1997). *The holy war idea in western and Islamic traditions*. Pennsylvania State University Press.

Jones, K. (1989). *Right turn: The conservative revolution in education*. London: Hutchinson radius.

Jones, R. (2021). *White Borders. The History of Race and Immigration in the United States from Chinese Exclusion to the Border Wall*. Beacon Press.

Krasner, S. D. (2001). Abiding Sovereignty. *International Political Science Review*, *22*(3), 229–251. doi: 10.1177/0 192 512 101 223 002

Moraña, M. (2021). *Liquid borders: Migration as resistance*. Routledge.

Mühling, C. (2018). *Die europäische Debatte über den Religionskrieg (1679-1714). Konfessionelle Memoria und internationale Politik im Zeit-alter Ludwigs XIV [The European Debate on the War of Religion (1679-1714). Confessional Memoria and International Politics in the Age of Louis XIV]*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht (In German).

Murdoch, D. H. (2001). *The American West: The invention of a myth*. Reno: University of Nevada Press.

Nelson, A. P. (2015). *Still in the saddle: The Hollywood western, 1969-1980*. Norman: University of Oklahoma Press.

Phillips, A. (2010). *War, Religion and Empire. The Transformation of International Orders*. Cambridge University Press.

Rothenberg, G. E. (1988). The Origins, Causes, and Extension of the Wars of the French Revolution and Napoleon. *The Journal of Interdisciplinary History*, *18*(4), 771–793. doi: 10.2307/204 824

Russell, J. C. (1972). Population in Europe. In C. M. Cipolla, *The Fontana economic history of Europe* (pp. 25–70). Glasgow: Collins.

Schneid, F. C. (2011). *The French Revolutionary and Napoleonic Wars*. Mainz: Institute of European History. Retrieved from https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0159-20 101 025 334

Sharova, V. (2016). Right turn in the European politics: Accident or regularity? *The Scientific Heritage*, *2*(5), 38–41.

Simmel, G. (1908). *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung [Sociology: Studies on the forms of socialization]*. Berlin: Duncker & Humblot. (In German). Retrieved from http://site.ebrary.com/id/10 906 592

Slotkin, R. (1973). *Regeneration through violence: The mythology of the American frontier, 1600-1860.* Middletown: Wesleyan University Press.

Slotkin, R. (1992). *Gunfighter nation: The myth of the frontier in twentieth-century America*. New York: Atheneum.

Stoeltje, B. J. (1987). Making the Frontier Myth: Folklore Process in a Modern Nation. *Western Folklore*, *46*(4), 235–253. doi: 10.2307/1 499 887

Weiss, J. T. (2001). The Gender Caste System: Identity, Privacy, and Heteronormativity. *Law & Sexuality*, *10*, 123–186.

Wilson, P. H. (2011). *The Thirty Years War: Europe's tragedy*. London: Belknap Press. Retrieved from http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&scope=site&db=nlebk&db=nlabk&AN=2 361 194

Zendrowski, J. (2003). Borders of Europe—Borders in Europe. *The Polish Foreign Affairs Digest*, (2 (7)), 39–49.

Абрамов, С. В. (2019). Идеализация будущего как разновидность антиципативной аберрации. *Вестник Адыгейского Государственного Университета. Серия 1: Регионоведение: Философия, История, Социология, Юриспруденция, Политология, Культурология*, (1), 53–59.

Акимов, Ю. Г. (2010). *Северная Америка и Сибирь в конце XVI - середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций*. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.

Артизов, А. Н. (Ред.). (2008). *«Очистим Россию надолго…» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921—Начало 1923 г.: Документы*. Москва: Международный Фонд «Демократия»: Материк.

Бартлетт, Р. (2007). *Становление Европы: Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры (950—1350 гг.)*. Москва: РОССПЭН.

Бауман, З. (2005). *Индивидуализированное общество*. Москва: «Логос».

Бахтин, М. М. (2002). Проблемы поэтики Достоевского. В М. М. Бахтин, *Собрание сочинений в семи томах* (Т. 6). Москва: Русские словари; Языки русской культуры.

Белова, О. В. (2005). *Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции.* Москва: Индрик.

Боянич, П. (2019). О естественных границах и культурных войнах: Выживание группы мигрантов/беженцев, или Вдохновляет ли нас еще Фихте? *Неприкосновенный Запас, 123*(1), 97–106.

Бычков, О. В. (2002). К проблеме «эстетики Августина»: О пределах интерпретации средневековых текстов. В *Августин: Pro et contra: Антология* (сс. 807–821). Санкт-Петербург: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института.

Василий Великий. (1972). Вторая беседа о человеке святого Василия Великого, архиепископа Кесарийского. *Журнал Московской Патриархии, 3*, 33–40.

Вебер, М. (1990). Основные социологические понятия. В М. Вебер, *Избранные произведения* (сс. 602–644). Москва: Прогресс.

Дюллен, С. (2019). *Уплотнение границ К истокам советской политики. 1920–1940-е.* Москва: Новое Литературное Обозрение.

Жилин, В. И. (2016). Принцип партийности философии: Деформации и трансформации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*, *16*(1). doi: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-65-72

Зубкова, О. С. (2010). Медицинская метафора и медицинская метафора термин в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование). *Знание. Понимание. Умение*, (1), 140–145.

Иларион Киевский. (1997). Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона. В *Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века* (сс. 26–61). Санкт-Петербург: Наука.

Копривица, Ч. Д. (2019). Синдром идентичности глубокого приграничья. Приложения к пониманию Краины. *Журнал Фронтирных Исследований*, (4.2), 257–295. doi: 10.24411/2500-0225-2019-10 036

Краснова, И. А. (2018). *Флорентийское общество во второй половине XIII—XIV в.: Гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари.* Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив.

Макаров, В. Г., & Христофоров, В. С. (Ред.). (2005). *Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК—ГПУ. 1921—1923.* Москва: Русский путь.

Малинов, А. В., & Троицкий, С. А. (2013). Русская философия под запретом (к 90-летию «философского парохода»). *Новое Литературное Обозрение*, (1 (119)), 53–66.

Маневская, Д. А. (2000). Некоторые вопросы американской концепции прав и свобод граждан. Генезис и развитие. *Белорусский журнал международного права и международных отношений*, (3), 14–18.

Мосолкина, Т. В. (2017). *Социальная история Англии XIV—XVII вв.* Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив.

Нисский, Г. (1861). О Шестодневе. Слово защитительное брату Петру. В *Творения Святых Отцев, в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной Академии. Т. 37. Творения Святаго Григория Нисскаго. Ч.1.* (сс. 1–75). Москва: Типография В. Готы.

Сталин, И. В. (2004). Письмо Л.М. Кагановичу. 11 августа 1932 года. В И. В. Сталин, *Сочинения* (Т. 17, сс. 571–573). Тверь: Научно-издательская компания «Северная корона».

Тёрнер, Ф. Дж. (2009). *Фронтир в американской истории.* Москва: Издательство «Весь Мир».

Тынянов, Ю. Н. (1977). Достоевский и Гоголь (К теории пародии). В Ю. Н. Тынянов, *Поэтика. История литературы. Кино* (сс. 198–226). Москва: Наука.

Ульрих, П., & Троицкий, С. (2019). Сложность «границ»: Постановка проблемы, терминология и классификация. *Журнал Фронтирных Исследований*, (4.2), 234–256. doi: 10.24411/2500-0225-2019-10 035

Фихте, И. Г. (1993). Замкнутое торговое государство. В И. Г. Фихте, *Сочинения: В 2 томах. Том 2* (сс. 225–358). Санкт-Петербург: Мифрил.

Форрест, А. (1998). Французские солдаты и распространение революции в Европе. В *Исторические этюды о Французской революции. Памяти В. М. Далина (К 95-летию со дня рождения)* (сс. 169–177). Москва: ИВИ РАН.

Хайдеггер, М. (2020). Строительство Жительствование Мышление (Д. А. Колеснико-ва, Пер.). *Журнал Фронтирных Исследований*, *5*(1), 157–173. doi: 10.46539/jfs.2020.1.157173

Цыганков, П. А. (2016). Теория международных отношений: Внешние вызовы и российское понимание своего пути. *Вестник Поволжского Института Управления*, (6 (57)), 79–85.

Яковлева, Л. И. (2018). Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года: История принятия, предпосылки, уроки. *Вестник Московского Университета. Серия 7: Философия*, (3), 67–84.

Якушенкова, О. С. (2012). *Женщина на американском фронтире.* Астрахань: АГУ.

References

Abramov, S. V. (2019). Idealization of the Future as a variant of anticipative aberration. *Bulletin of Adyghe State University*, (1), 53–59. (In Russian).

Akimov, Y. G. (2010). *North America and Siberia in the late XVI-mid XVIII century. An essay on the comparative history of colonization*. Saint-Petersburg: Publishing house of the Saint-Petersburg University. (In Russian).

Amilhat-Szary, A.-L. (2020). *Géopolitique des frontières: Découper la terre, imposer une vision du monde [Geopolitics of borders: dividing the earth, imposing a vision of the world].* Paris: Le Cavalier Bleu. (In French).

Artizov, A. N. (Ed.). (2008). *"We will purify Russia for a long time..." Repression against dissidents. The end of 1921 — the beginning of 1923: Documents.* Moscow: International Foundation " Democracy»: The mainland. (In Russian).

Bakhtin, M. M. (2002). Problems of Dostoevsky's poetics. In M. M. Bakhtin, *Collected works* (Vol. 6). Moscow: Russian Dictionaries; Languages of Russian Culture. (In Russian).

Bartlett, R. (2007). *The Making of Europe. Conquest, Colonization and Cultural Change 950-1350.* Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Bauman, Z. (2005). I*ndividualized Society.* Moscow: Logos. (In Russian).

Belova, O. V. (2005). *Ethnocultural stereotypes in the Slavic folk Tradition.* Moscow: Indrik. (In Russian).

Berman, W. C. (1994). *America's right turn: From Nixon to Bush.* Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.

Bialasiewicz, L. (2009). Europe as/at the border: Trieste and the meaning of Europe. *Social & Cultural Geography*, *10*(3), 319–336. doi: 10.1080/1 464 936 090 2 756655

Biller, P. (2003). *The measure of multitude: Population in medieval thought.* Oxford: Oxford Univ. Press.

Billington, R. A. (1958). How the frontier shaped the American character. *American Heritage Magazine*, *9*(3), 4–12.

Billington, R. A. (1973). *Frederick Jackson Turner: Historian, scholar, teacher. Ray Allen Billington.* New York: Oxford University Press.

Bodin, J. (1955). *Six Books of the Commonwealth ... Abridged and translated by M.J. Tooley.* Oxford: Basil Blackwell.

Bojanic, P.(2019). On Natural Borders and Culture Wars (Survival of the Group of Migrants or Refugees) Is Fichte still Our Inspiration? *NZ,*, *123*(1), 97–106. (In Russian).

Bold, C. (2013). *The Frontier club popular westerns and cultural power, 1880-1924.* New York: Oxford University Press.

Brah, A. (1996). Diaspora, Border, and Transnational Identities. In *Cartographies of diaspora contesting identities.* London: Routledge.

Bychkov, O. V. (2002). On the problem of "Augustine's Aesthetics": on the limits of interpretation of Medieval texts. In *Augustine: pro et contra: antology* (pp. 807–821). Saint Petersburg: Publishing House of Russian Christian Humanitarian institute. (In Russian).

Cliff, N. (2011). *Holy war: How Vasco da Gama's epic voyages turned the tide in a centuries-old clash of civilizations.* New York: Harper.

Crowley, R. (2005). *1453: The holy war for Constantinople and the clash of Islam and the West.* New York: HyperionHyperion.

Deets, S. (2006). Pulling Back from Neo-Medievalism: The Domestic and International Politics of the Hungarian Status Law. *Slavic Eurasian Studies*, (9), 17–36.

Dullin, S. (2019). *Solidifying borders. To the Origins of Soviet Politics. 1920s-1940s.* Moscow: New Literary Observer. (In Russian).

Etulain, R. W. (1999). *Telling Western stories: From Buffalo Bill to Larry McMurtry*. Albuquerque: University of New Mexico Press.

Ferguson, T., & Rogers, J. (1986). *Right turn. The Decline of the Democrats and the Future of American Politics*. New York: Hill and Wang.

Fichte, J. G. (1993). The Closed Commercial State. In J. G. Fichte, *Works in 2 volumes. Vol 2.* (pp. 225–358). Saint Petersburg: Mifril. (In Russian).

Forrest, A. (1998). French soldiers and the spread of the Revolution in Europe. In *Historical sketches of the French Revolution. In memory of V. M. Dalin (On the 95th anniversary of his birth)* (pp. 169–177). Moscow: IWH RAS. (In Russian).

Graebner, N. D. (Ed.). (1963). *The cold war.: Ideological conflict of power struggle*. Boston: Heath and Co.

Gregory of Nyssa (1861). On the Hexameron. A word of protection to Brother Peter. In *The Works of the Holy Fathers, in Russian translation, published at the Moscow Theological Academy. Vol. 37. The Works of St. Gregory of Nyssa. Part 1.* (pp. 1–75). Moscow: V.-Gota's Printing house. (In Russian).

Heidegger, M. (2020). Building, Dwelling, Thinking (D. A. Kolesnikova, Trans.). *Journal of Frontier Studies*, *5*(1), 157–173. doi: 10.46539/jfs.2020.1.157173 (In Russian).

Heyne, E. (1992). *Desert, garden, margin, range: Literature on the American frontier*. New York; Toronto; New York: Twayne Publishers; Maxwell Macmillan Canada; Maxwell Macmillan International.

Hoy, B. (2021). *A line of blood and dirt: Creating the Canada-United States border across indigenous lands*. Oxford: Oxford University Press.

Ilarion of Kiev. (1997). Sermon on Law and Grace by Hilarion of Kiev. In *Library of literature of Ancient Russia. Vol. 1: 11-12th centuries* (pp. 26–61). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).

Jakovleva L. I. (2018). French Declaration of the Rights of Man and the Citizen of 1789: History of adoption, conditions, lessons. *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*, (3), 67–84. (In Russian).

James, P. (2015). Despite the Terrors of Typologies. *Interventions*, *17*(2), 174–195. doi: 10.1080/1369801X.2014.993332

Johnson, J. T. (1997). *The holy war idea in western and Islamic traditions*. Pennsylvania State University Press.

Jones, K. (1989). *Right turn: The conservative revolution in education*. London: Hutchinson radius.

Jones, R. (2021). *White Borders. The History of Race and Immigration in the United States from Chinese Exclusion to the Border Wall*. Beacon Press.

Koprivitsa, Ch. D. (2019). The Syndrom of Deep Borderland's Identitites. Contributions for Understanding of Krajina. *Journal of Frontier Studies*, (4.2), 257–295. doi: 10.24411/2500-0225-2019-10 036 (In Russian).

Krasner, S. D. (2001). Abiding Sovereignty. *International Political Science Review*, *22*(3), 229–251. doi: 10.1177/0 192 512 101 223 002

Krasnova, I. A. (2018). *Florentine society in the second half of the 13-14th centuries: grandees and popolans, "good" merchants and knights.* Moscow; Saint Petersburg: Centre of humanitarian initiatives. (In Russian).

Makarov, V. G., & Khristoforov, V. S. (Eds.). (2005). *Expulsion instead of execution: The deportation of the intelligentsia in the documents of the Cheka-GPU. 1921—1923.* Moscow: Russian way. (In Russian).

Malinov, A. V., & Troitsky, S. A. (2013). Russian philosophy is banned (for the 90th anniversary of the "philosophical passage"). *New Literary Observer*, (1 (119)), 53–66. (In Russian).

Manevskaya, D. A. (2000). Some questions of the American concept of rights and freedoms of citizens. Genesis and development. *Belarusian Journal of International Law and International Relations*, (3), 14–18. (In Russian).

Moraña, M. (2021). *Liquid borders: Migration as resistance*. Routledge.

Mosolkina, T. V. (2017). *Social History of England, 14-17th centuries.* Moscow; Saint Petersburg: Centre of humanitarian initiatives. (In Russian).

Mühling, C. (2018). *Die europäische Debatte über den Religionskrieg (1679-1714). Konfessionelle Memoria und internationale Politik im Zeit-alter Ludwigs XIV [The European Debate on the War of Religion (1679-1714). Confessional Memoria and International Politics in the Age of Louis XIV]*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht (In German).

Murdoch, D. H. (2001). *The American West: The invention of a myth*. Reno: University of Nevada Press.

Nelson, A. P. (2015). *Still in the saddle: The Hollywood western, 1969-1980*. Norman: University of Oklahoma Press.

Phillips, A. (2010). *War, Religion and Empire. The Transformation of International Orders*. Cambridge University Press.

Rothenberg, G. E. (1988). The Origins, Causes, and Extension of the Wars of the French Revolution and Napoleon. *The Journal of Interdisciplinary History*, *18*(4), 771–793. doi: 10.2307/204 824

Russell, J. C. (1972). Population in Europe. In C. M. Cipolla, *The Fontana economic history of Europe* (pp. 25–70). Glasgow: Collins.

Saint Basil the Great. (1972). The second conversation about the man of St. Basil the Great, Archbishop of Caesarea. *Journal of the Moscow Patriarchate*, *3*, 33–40. (In Russian).

Schneid, F. C. (2011). *The French Revolutionary and Napoleonic Wars*. Mainz: Institute of European History. Retrieved from https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0159-20 101 025 334

Sharova, V. (2016). Right turn in the European politics: Accident or regularity? *The Scientific Heritage*, *2*(5), 38–41.

Simmel, G. (1908). *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung [Sociology: Studies on the forms of socialization]*. Berlin: Duncker & Humblot. (In German). Retrieved from http://site.ebrary.com/id/10 906 592

Slotkin, R. (1973). *Regeneration through violence: The mythology of the American frontier, 1600-1860.* Middletown: Wesleyan University Press.

Slotkin, R. (1992). *Gunfighter nation: The myth of the frontier in twentieth-century America.* New York: Atheneum.

Stalin, I. V. (2004). The Letter to L.M. Kaganovich. August 11, 1932. In I. V. Stalin, *Works* (Vol. 17, pp. 571–573). Tver: Research and publishing company "Severnaya Korona". (In Russian).

Stoeltje, B. J. (1987). Making the Frontier Myth: Folklore Process in a Modern Nation. *Western Folklore*, *46*(4), 235–253. doi: 10.2307/1 499 887

Tsygankov, P. A. (2016). Theory of International Relations: External Challenges and Russia's Understanding of Its Own Path. *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*, (6 (57)), 79–85. (In Russian).

Turner, F. J. (2009). *The Frontier in American History*. Moscow: Publishing House "Ves' Mir". (In Russian).

Tynyanov, Y. N. (1977). Dostoevsky and Gogol (Towards a Theory of Parody). In Y. N.-Tynyanov, *Poetics. History of literature. Cinema* (pp. 198–226). Moscow: Nauka. (In Russian).

Ulrich, P., & Troitskiy, S. (2019). The Complexity of «Borders»: Research Agendas, Terminology and Classification. *Journal of Frontier Studies*, (4.2), 234–256. doi: 10.24411/2500-0225-2019-10 035 (In Russian).

Weber, M. (1990). Basic concepts in Sociology. In M. Weber, *Selected Works* (pp. 602–644). Moscow: Progress. (In Russian).

Weiss, J. T. (2001). The Gender Caste System: Identity, Privacy, and Heteronormativity. *Law & Sexuality*, *10*, 123–186.

Wilson, P. H. (2011). *The Thirty Years War: Europe's tragedy*. London: Belknap Press. Retrieved from http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&scope=site&db=nlebk&db=nlabk&AN=2 361 194

Yakushenkova, O. S. (2012). *Woman on the American Frontier.* Astrakhan: ASU. (In Russian).

Zendrowski, J. (2003). Borders of Europe—Borders in Europe. *The Polish Foreign Affairs Digest*, (2 (7)), 39–49.

Zhilin, V. I. (2016). Principle of Party Membership of Philosophy: Deformations and Transformations. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. New series. Filo-sofia series. Psychology. Pedagogy*, *16*(1). doi: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-65-72 (In Russian).

Zubkova, O. S. (2010). Medical Metaphor and Medical Metaphor — Term in an Individual Lexicon (Experimental Research). *Knowledge. Understanding. Skills*, (1), 140–145. (In Russian).

Journal of Frontier Studies. 2021. No 4 | ISSN: 2500-0225
Miscellaneous | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.280

WETLANDS AS A NATURAL FRONTIER

Renat N. Apkin

Kazan State Power Engineering University. Kazan, Russia. Email: renat.apkin[at]gmail.com

Abstract

Exactly 50 years ago, in February 1971, the Convention on Wetlands of International Importance was signed in the Iranian city of Ramsar. The convention enshrines the obligation to protect the most valuable territories in this respect: sea bays, lakes, river deltas, swamps and their habitats all over the world. The countries agreed to defend water areas included in the international list from negative impacts, and to use wetlands wisely. Today 60 countries participate in the convention, including Russia.

The Soviet Union joined the Ramsar Convention in 1977; Russia officially took over the responsibility for the preservation of the wetlands in the country in 1994; 35 valuable natural sites was included in the Ramsar list; unfortunately, the matter stopped there.

Meanwhile, the wetlands are the objects of the utmost importance playing their incomparable role among all other natural-territorial complexes in preserving the ecosystems of the planet. Swamps and wetlands are so unique that they can rightfully be considered a frontier territory, a border, a meeting place and a collision of different worlds, both in time and space.

Keywords

Ramsar Convention; natural-territorial complexes; wetlands; ecosystems; preserving role; swamps as frontier.

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License.

Журнал Фронтирных Исследований. 2021. No 1 | ISSN: 2500-0225
Разное | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.280

ВОДНО-БОЛОТНЫЕ УГОДЬЯ КАК ПРИРОДНЫЙ ФРОНТИР

Апкин Ренат Нуриханович

Казанский государственный энергетический университет. Казань, Россия.
Email: renat.apkin[at]gmail.com

Аннотация

Ровно 50 лет назад, в феврале 1971 года, в иранском городе Рамсар была подписана Конвенция о водно-болотных угодьях международного значения. Конвенция закрепляет обязательство защищать наиболее ценные в этом отношении территории: морские заливы, озера, дельты рек, болота и места проживания их обитателей по всему миру. Страны договорились защищать водные территории, включенные в международный список, от негативных воздействий и разумно использовать водно-болотные угодья. Сегодня в этом договоре участвуют 60 стран, в том числе Россия.

Советский Союз присоединился к Рамсарской конвенции в 1977 году; Россия официально взяла на себя ответственность за сохранение водно-болотных угодий в стране в 1994 году; 35 ценных природных объектов были включены в список Рамсарской конвенции; к сожалению, на этом дело остановилось.

Между тем, водно-болотные угодья – это объект первостепенной важности, играющий свою несравненную роль среди всех других природно-территориальных комплексов в сохранении экосистем планеты. Они настолько своеобразны, что по праву могут считаться пограничной территорией, фронтиром, местом встречи и столкновения различных миров, как во временном, так и в пространственном отношении.

Ключевые слова

Рамсарская конвенция; природно-территоральные комплексы; водно-болотные угодья; экосистема; защитная роль; болота как фронтир.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

ВВЕДЕНИЕ

Ровно 50 лет назад, в феврале 1971 года, в иранском городе Рамсар была подписана Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение: прежде всего имелись в виду места обитания водоплавающих птиц, являющиеся также прибежищем для перелетных птиц, а также необходимые для их выживания и благоденствия естественно сложившиеся условия, именуемые в науке природно-территориальными комплексами. Рамсарская конвенция явилась переломным рубежом и в том, что касается оценки со стороны широкой общественности самого существования водно-болотных угодий. Впервые на международном уровне прозвучало слово *охрана* по отношению к болотам. Целью Рамсарской конвенции было сохранить наиболее ценные в этом отношении территории.

Каковы же успехи науки и практической деятельности, достигнутые за истекшие полвека?

Можно с уверенностью полагать, что данное событие имело не только естественнонаучное, природоохранное значение, но и социально-философское, мировоззренческое.

Еще Плиний Старший в своей «Естественной истории» обращал внимание на ценность и большую пользу водно-болотных угодий. В основном он имел в виду использование торфа – «горючей земли», пригодной для нагревания (пищи) (Кусова, 2018).

Но заболоченные земли – это далеко не только накопители и поставщики торфа, хотя эта роль пока что является ведущей в смысле использования болот. Это естественное хранилище влаги: в недрах болот удерживается в пять раз больше пресной воды, чем во всех реках мира. Для сравнения: это почти половина объема воды Байкала. Болота регулируют течение малых и больших рек. И Волга, и Днепр, например, берут начало из болот. К тому же, вопреки распространенному мнению, вода в болотах вовсе не застойная: она полностью обновляется каждые пять лет. Озерам для такого обновления необходимо почти двадцать лет.

Однако это не все удивительные свойства и функции болот.

Не всем известно, но водно-болотные территории – это подлинный фронтир, граница между несколькими «мирами». Эта экосистема неизменно демонстрирует «северные» признаки по сравнению с окружающими её природно-территориальными комплексами: на болотах широко распространены бореальные растения[1]; температура над по-

1 Борей – греч.: северный ветер; бореальный – термин, использующийся для описания холодных северных областей. Бореальным периодом называют климатический период

верхностью болот всегда ниже, чем вокруг. Частицы пыли, которые в безветрие перемещаются в сторону пониженной температуры, притягиваются болотами; гектар болот может поглотить до трех тонн пыли. Кроме того, в год этот самый гектар болот поглощает из атмосферы от 500 до 2000 кг углекислого газа и выделяет сотни (260–700) кг *кислорода*. Это в десять (и более) раз больше, чем способен переработать один гектар леса или луга. Так болота служат и подземному, и наземному, и надземному, воздушному миру. Нет необходимости объяснять, насколько важна роль этих природных «лёгких». И даже в регионах «антропогенного стресса» они остаются наименее разрушенными экосистемами, становясь прибежищем для краснокнижных растений, птиц и животных. Например, растения-хищники, а их известно до 500 видов, обычно живут на болотах; они охотятся не только на насекомых, но и на более крупную добычу, поскольку испытывают «голод» из-за недостатка минеральных солей. Кстати говоря, поглощаемая пыль именно и доставляет эти минеральные соли для подпитки растений.

Крупные болота способны останавливать лесные пожары.

Болота аккумулируют солнечную энергию, которая очень медленно спрессовывается в виде останков мха сфагнума, образуя торф. Например, на северо-западе России торф увеличивается не более чем на 1 мм в год: такова скорость роста сфагнума. Торфяники образуются тысячелетиями; а за несколько лет добычи, после полного извлечения торфа, болото практически не восстанавливается. Его гибель означает обмеление рек, эрозию почв, катастрофическую смену всего ландшафта (Софер, 2018).

Кроме строго научных оценок фронтирной роли водно-болотных угодий, охраняющих, при всех климатических потрясениях, сохраненную в веках жизнь от сопредельных территорий, а те, в свою очередь, снабжающих водой и чистым воздухом, можно привести и философско-литературные описания, отражающие в художественной форме представления о границе между «нижним», подводным и подземным, «средним», наземным, человеческим, и «горним», верхним, эфирным миром, средоточием и единением которых являются болота. В славянских языках эти три мира называются «навь», «правь» и «явь».

голоцена на северо-западе Европы. Он длился с 8690 по 7270 г. до н.э., входя в состав т.наз. последовательности Блитта-Сернандера, охватывающей последние 14 тыс. лет.

«МЕЖДУМИРИЕ»

«Я люблю воду необузданной страстью: люблю море, хотя оно слишком большое, беспокойное, непокорное; люблю реки, они красивы, но они несутся мимо, они текут, убегают; и особенно люблю я болота, где трепещет неведомая нам жизнь подводных существ.

Болота — это особый мир на земле, непохожий ни на какой другой, он существует по собственным законам, у него свои оседлые и странствующие обитатели, свои голоса и шорохи, а главное — своя тайна. Ничто так не волнует, не тревожит и не пугает порой, как болото. Откуда этот страх, витающий над низинами, покрытыми водой? Порождает ли его смутный шорох тростника, призрачные блуждающие огни, глубокое безмолвие, царящее там в тихие ночи, или причудливый туман, словно саван обволакивающий камыш, или, быть может, неуловимый плеск, такой тихий, такой мелодичный, который порой страшит больше, чем грохот пушек и небесный гром, и превращает болота в сказочную, опасную страну, таящую грозную неведомую загадку?

Нет. Тайна, которую источают болота, которую всосали в себя их густые испарения, куда глубже, куда значительнее — это, быть может, тайна самого творения!

Разве не в стоячей, тинистой воде, не в сырой вязкой земле, не просыхающей от знойного солнца, зашевелился, затрепетал и раскрылся навстречу дню первый зародыш жизни?» **Ги де Мопассан. Любовь**. *Три странички из воспоминаний охотника.*

(Ханты и манси считали именно так: из жидкой земли болот сотворен мир).

Зеленое безмолвие болот всегда влекло своей необычностью, загадочной красотой, тайной. Оно ассоциируется и с гиблым местом, полным подводной и подземной нечисти. В мифологии многих культур болота населяли сказочными существами: можно вспомнить чарующую «Малефисенту», современный пересказ «Спящей красавицы». О том, что в болотах прячутся и великаны, повествует финно-угорский эпос (великан Яр Морт, обладающий неимоверной силой, живет именно там).

Множество легенд связано со свечением на болотах (это “горит” фосфористый водород). Почти все народы считали болотные огни душами умерших людей, – например, душами воинов, охраняющих сокровища, а появление их было предвестником несчастья. Финны верили, что это души детей, похороненных в лесу. Есть и такой вариант: свечение на болотах связано с душами людей, которые при жизни украли у соседей землю, а теперь в наказание бродят по болотам в вечном поиске твердой земли. (По другой легенде, гномы лишились своих жилищ в лесах, когда люди в поисках накопленных этим наро-

дом сокровищ потревожили вечный покой лесного храма. Тогда гномов приютил черничный куст. В благодарность они расселили чернику по всему свету).

Болото пугает и непривычными звуками: вздохами, шорохом, чмоканием, потрескиванием, они выводят из равновесия, запутывают путника, а затем заманивают в топь, в бездонные трясины, откуда уже никому не выбраться. Стоит оказаться посреди топи, как вдруг появляется странный звон в ушах, кружится голова, ноги становятся ватными, и появляется серьезное желание бежать. Необъяснимый страх сковывает с головы до пят, хочется забыть это место навсегда (Штепа, 2008).

Наиболее явно пограничный, фронтирный характер бездонных трясин, в которых почва мгновенно уходит из-под ног, выражен в легендах кельтов. Они совершали здесь обряды и приносили жертвы богам, считая болота вратами из человеческого мира в мир духов.

Болото издревле полагалось переходным местом из мира реального в мир загробный, потому и выбирали его местом жертвоприношения.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ БОЛОТ

Первые болота на нашей планете возникли около 400 млн лет назад в конце геологического периода силур – начале девона. Прежде чем окончательно выбраться на землю, растения и животные обитали в болотах. Именно на болотах до сих пор растет единственный на земле реликт Ледниковой эпохи – растение-хищник *Pinguicula vulgaris*. А то, что сохранилось в торфе, доходит до наших дней в первозданном виде. За сотни миллионов лет слои торфа превратились в горизонты каменного угля. И в них в виде отпечатков явились скелеты диковинных животных и причудливые виды растений. Не было бы болот на Земле, вряд ли бы мы узнали, что в Гренландии и на Шпицбергене когда-то очень давно росли магнолии и пальмы (Штепа, 2008).

Чтобы образовалось болото, необходимо сочетание целого ряда условий: влажность климата, близость грунтовых вод, особенности ландшафта, водоупорные слои почвы.

Все современные болота молодые, им примерно 12 000 лет. Распространены они по всей Земле, их общая площадь приблизительно 2 млн 700 тыс. км^2 . На долю России приходится три четверти этой территории.

Главным фактором распространения болот, особенностей их местоположения являются геолого-геоморфологические условия территории.

Другая особенность связана с тем, что в геоморфологии, геологии четвертичных отложений, геоботанике и ландшафтоведении уделяется очень большое внимание территориям значительного распространения болот, чего нельзя сказать о территориях с умеренным и недостаточным увлажнением, где роль болот как одного из элементов ландшафта и составляющего компонента геосистем во многом остается невыясненной. Тем не менее, на локальных участках таких территорий болота и заболоченные земли могут занимать десятки процентов площади, что вполне сопоставимо с другими элементами ландшафта. В частности, оползневые, закарстованные и многие другие участки на таких территориях имеют меньшую площадь распространения, чем болота.

Все же главным образом болота всегда были объектом изучения ботаников – из-за необычной растительности. Упомянем еще раз, что хищные растения растут на бедных почвах, как, например, торф или песок. В таких условиях меньше конкуренции среди растений, а способность ловить живую добычу, расщеплять и усваивать животный белок восполняет дефицит минерального питания. Особенно многочисленны хищные растения на влажных почвах, болотах и топях, где они возмещают за счет пойманных животных нехватку азота. Как правило, они ярко окрашены, и это привлекает насекомых, привыкших ассоциировать яркую окраску с наличием нектара. Наиболее известные виды: *Росянка, Жирянка, Венерина мухоловка, Непентес.* Есть и такие хищные растения, которые питаются мальками, головастиками или даже жабами и ящерицами.

Американские ученые ответили на вопрос, как некоторые растения становятся хищниками. Оказалось, что важную роль в этом процессе играют многочисленные хромосомные перестройки. В ходе эволюции гены появляются, исчезают и перестраиваются, что изменяет организм. С ДНК хищных растений случилось нечто, что превратило их из обычных цветков в монстров. Что именно это было, можно узнать по оставленным в геноме *U.gibba* следам древних генетических событий[1].

Хищные растения легко отказываются от добычи, если могут найти более доступный источник питания. К такому выводу пришли

1 Как происходит появление новых генов? Ведь если мутация коснется участка ДНК, играющего важную роль в жизнедеятельности, то это более вероятно приведет к «поломке» кодируемого им белка. И хотя эта мутация могла бы помочь перенастроить ген для выполнения другой функции, она оказывается вредной и может привести к гибели организма. Однако иногда хромосомы в процессе копирования претерпевают перестройки, в результате которых может произойти удвоение (дупликация) участка ДНК. Таким образом появляется дополнительная копия гена, которую можно изменять как угодно. Эти гены-двойники находятся рядом друг с другом, образуя тандемный повтор (Еникеев, 2017).

ученые во главе с доктором Джонатаном Миллеттом из университета Лафборо, работавшие по заданию Национального совета по исследованию окружающей среды (NERC). Ботаники отправились на болота Швеции, чтобы выяснить, как богатые азотом осадки, образующиеся в результате промышленной деятельности и автомобильных выхлопов, влияют на прожорливость хищных растений. За образец ученые взяли росянку (*drosera rotundifolia*). Измеряя количество азота, получаемого в результате поглощения насекомых, с азотом, полученным из почвы через корневую систему, они смогли вычислить пропорциональное соотношение этих двух источников питания в различных местах произрастания. Так выяснилось, что растения в зонах со средним загрязнением до 57% необходимого азота получают при поглощении насекомых. А в зонах с наибольшим загрязнением эта цифра падает до 20%-30%. «Если корни получают достаточно азота, – делает вывод доктор Миллетт, – растения не спешат ловить насекомых» (Еникеев, 2017).

Торфяные болота помогают в изучении прошлого Земли: даже в сильно разложившемся торфе находят остатки образовавших его растений, а пыльца и семена не меняются совсем. Из палеоэкологических данных известно, что многие виды растений и животных пережидали в болотах времена изменения климата. А если еще вспомнить прекрасно сохранившиеся «болотные» находки археологов, то торфяные болота действительно уникальны. Всего в болотах Европы за последние сто лет было обнаружено около 2000 мумий. Так ученые узнавали о нравах древней Северной Европы, которая до сегодняшнего дня оставалась для историков и археологов тайной (Штепа, 2008).

Болота для нас – еще неоткрытая сокровищница, откуда мы можем черпать сведения не только о прошлых ландшафтах, но и узнавать нашу историю. Эту историческую книгу можно читать бесконечно, страницу за страницей, делая все новые открытия. Но торфяники свидетельствуют не только об изменениях болотной растительности. Часто они хранят и погребенные в них орудия труда и войны прошлого, и даже останки хозяев этих орудий. Мох сфагнум и продукты его разложения, в том числе гумусовая кислота, вступая в реакцию с кальцием и азотом, делают человеческую плоть нетленной (Штепа, 2008).

Хронологические этапы изучения торфяных болот России хорошо представлены в работе Панова В.В. (Панов, 2003). Несмотря на то, что этапы изучения рассматриваются только по отношению к торфяным болотам, эти этапы можно отнести также и ко всему водно-болотному комплексу России.

Время	Наименование	Основная цель
1850- 1900	Формирование принципиальных представлений о жизни болот на научной основе.	Выяснить значение болот как регуляторов речного стока и потенциальных земельных угодий, исходя из общих закономерностей
1901- 1920	Первичная инвентаризация болот и практическая оценка болот как аккумуляторов торфа	В условиях интенсификации земледелия и освоения новых сильно заболоченных территорий страны применение знаний по использованию торфяных болот и торфа
1921- 1935	Комплексное исследование потоков вещества, попадающих в торфяное болото	Изучение растительности торфяных болот и ее экологии в цепях создания генетической классификации видов торфа
1936- 1945	Интенсивное исследование торфяных ресурсов, совершенствование методик, разведки, описания, классификации и картографирования торфяного сырья	Развитие долгосрочного и комплексного планирования общественного производства
1946- 1960	Ускорение интеграции торфяно-болотной отрасли со смежными науками, гидрологией, лесоведением, геоморфологией, геологией и др.	Изучение механизмов функционирования торфяных болот на межсистемном уровне в целях комплексного сберегающего землепользования
1961- 1980	Теоретическое обоснование функций торфяных болот в биосфере и их охрана	Оценка использования торфяных болот как фактора меняющего среду обитания человека
1980- н/в	Комплексное использование сырьевых ресурсов торфяных болот	Создание количественной ресурсной модели болот в условиях их максимального использования
Перспективный период	Экосферное развитие торфяных болот	Создание качественной эволюционной модели развития геобиогенного поля торфяных болот при нарастании техногенеза

Таблица №1. Хронологические этапы изучения торфяных болот

Автором данной статьи в 2000 году была защищена диссертация на тему «Закономерности распространения болот на территории Республики Татарстан», опубликованы монографии в 2002 и 2019 гг.

Изложение следующего раздела построено на материалах вводной части монографии «Болота и заболоченные земли Республики Татарстан» (Апкин, 2019).

О ВОДНО-БОЛОТНЫХ УГОДЬЯХ ТАТАРСТАНА

В историческом плане этапы изучения болот Республики Татарстан (РТ) не являются исключением.

О наличии торфяных болот на территории Татарии упоминалось в различных литературных и научных источниках еще в первой половине XIX века. С 60-х годов XIX века интерес к торфяным болотам возрастает в целом по всей России. Во многих губерниях, в том числе и в лесостепных зонах (то есть в местах умеренного и недостаточного увлажнения), отдельные предприниматели и общества открывают разработки торфа, а сведения о торфяных залежах, возможностях и путях их использования все чаще появляются в печати.

В 1861 г. сведения о болотах Казанской губернии публикуются в работе «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Казанская губерния», составленной М. Лаптевым.

О наличии торфа на территории Казанской губернии писали и другие исследователи (Орлов, Кротов, Нечаев и др.).

Кроме этого, во второй половине XIX века были проведены первые исследования ботаниками (Кокс, Коржинский, Крылов и др.), но их работы не носили направленного характера, и до 1910 года болотная флора изучалась лишь попутно – при описании лесной и луговой растительности.

К сожалению, не уделяли должного внимания болотам и ученые Казанской геоботанической школы (Коржинский, Гордягин и др.). Болотные отложения их интересовали прежде всего как материал, документирующий историю смены растительности края. Первые целенаправленные изучения болотной флоры были проведены в 1910-11 годах студентами Казанского университета В.И. Барановым и И.Г. Бейлиным на торфяниках вблизи д. Дербышки, около озер Линево и Голубое, а позже (в 1914-15 гг.) при исследовании лугов в пойме рек Волги и Свияги.

В Казанской губернии до 1890-х годов никто не занимался и торфодобычей. Только в конце XIX века, как уже упоминалось выше, болотными отложениями начали интересоваться местные помещики.

В начале XX в. Казанское уездное земство пыталось организовать разведку торфяных месторождений, но до 1917 года систематических обследований и разведки торфяных болот не проводилось, а добыча торфа на топливо и удобрение проводилась в частном порядке.

Широкий размах изучение болот и торфяников лесостепи Европейской части России получило после Октябрьской революции в связи с усиленным развитием добычи торфа на топливо, вызвавшим организацию систематической работы по исследованию и учету торфяного фонда.

Начало XX столетия знаменуется дальнейшим развитием исследований торфяников лесостепи и, главное, работ научного характера, направленных на глубокое, разностороннее изучение болот и торфяных залежей.

Первые рекогносцировочные обследования торфяных месторождений Татарии были проведены Торфяным отделом республики, организованным в 1918 году в Казани. С 1923 года под руководством торфмейстера В.А. Марина началось подробное инструментальное обследование некоторых торфяных болот. Однако в масштабах республики работы по выявлению и разработке торфяных месторождений, организованные Наркомземом ТАССР, Центральной торфяной станцией республики, Управлением Казанской железной дороги и др. организациями, начинаются лишь в 1930-х годах.

Вплоть до 1943 года вся основная исследовательская работа была сосредоточена в Управлении мелиорации и торфа Народного комиссариата земледелия РСФСР и его местных органах, в том числе и на территории ТАССР.

В 1945 году в результате наличия большого числа паспортов торфяных болот и других материалов, накопившихся в архивах НКЗ ТАССР и РСФСР, Главным Управлением торфяных фондов для служебного пользования был составлен и издан справочник торфяных месторождений Татарии. В справочник вошли 513 торфяных месторождений, общей площадью залежей 20 868 га, а также карта торфяных месторождений республики масштаба 1 : 500 000.

Во второй половине XX века и в настоящее время исследования болот на территории Республики Татарстан продолжаются. Опубликовано большое количество работ. Наиболее известны работы авторов В.И. Баранова, Н.И. Пьявченко, Н.П. Арискиной и других. Опубликован ряд научных статей, посвященных водно-болотным угодьям Республики Татарстан, а также защищены диссертационные работы.

К практическим действиям природоохранного характера можно отнести следующее. В настоящее время Министерством экологии и

природных ресурсов РТ при поддержке Правительства республики создан природно-заповедный фонд республики (ПЗФ), который включает 154 особо охраняемых природных территорий (ООПТ) (Государственный реестр …, 2007).

Водно-болотные угодья имеются на территориях многих государственных природных заказниках Республики Татарстан. Например, это территории ООПТ «Ашит» (ГБУ «Арское лесничество», Тукайское (бывшее Кинерское) участковое лесничество), «Кичке-Тан» (Государственное бюджетное учреждение «Агрызское лесничество», Шаршадинское участковое лесничество), «Чистые луга» (Государственное бюджетное учреждение «Камское лесничество», Чистопольское участковое лесничество) и территория Волжско-Камского государственного заповедника, где гармонично перемежаются водно-болотные комплексы и лесные массивы.

На территориях водно-болотных угодий обитают редкие и исчезающие виды растений и животных, занесенные в Красную книгу РТ.

Например, ООПТ «Истоки реки Цильна», расположенный к юго-востоку от села Чувашское Дрожжаное, представляет собой комплекс верховых водно-болотных угодий площадью 139,9 га. Территория имеет исключительное водоохранное значение, являясь «резерватом» для ряда редких и исчезающих животных и растений болотного комплекса. Во флоре зафиксировано 118 видов высших сосудистых растений, относящихся к 88 родам и 37 семействам; 4 вида растений занесены в Красную книгу РТ, в том числе, пальчатокоренник мясокрасный (крупная популяция в несколько тысяч особей). Зарегистрировано 3 вида земноводных и пресмыкающихся, 36 видов птиц, из которых болотная сова и луговой лунь включены в Красную книгу РТ, а также один вид млекопитающих. Кроме этого, здесь отмечен редкий вид насекомого (сенница Геро). Предположительно, заболоченные участки являются местом отдыха водоплавающих птиц в период весенних миграций; в соответствии с классификацией Рамсарской конвенции они относятся к болотам континентального типа (Государственный реестр …, 2007).

Подобные природные системы во внутренних областях суши несут важную функцию климатообразования. В частности, в засушливых условиях юга Предволжья данный водно-болотный комплекс является аккумулятором и резерватом гидроресурсов, участвуя в регулировании поверхностного и подземного стока. В настоящее время даже фрагментарные остатки болот в степной зоне представляют огромную ценность. Однако эта уникальная для южной части Предволжья РТ экологическая система находится под угрозой исчезновения из-за воздействия торфоразработок и осушительной мелиорации.

Journal of Frontier Studies. 2021. No 4 | ISSN: 2500-0225
Miscellaneous | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.280

ПРИМЕТЫ ВОДНО-БОЛОТНОГО ФРОНТИРА: ТАТАРСКО-АХМЕТЬЕВСКОЕ БОЛОТО

Болото почти всегда начинается непроходимыми зарослями ивы, ольхи и других кустарников. Когда кустарники перестают заслонять вид, открывается зеркало озера. Цветущий подбел, вечнозеленый кустарник из рода вересковых, обрамляет воду. Низенькие корявые болотные елочки и карликовые березки лишь подчеркивают самобытную силу этого места.

Во время своих научных исследований мне удалось побывать на относительно крупном для лесостепных районов Татарии – Татарско-Ахметьевском болоте, которое тоже входит в число ООПТ республики. Представляет оно из себя водно-болотный комплекс общей площадью 15 га. В тот год лето было жаркое и сухое, поэтому выпал шанс пройти вглубь болота. С помощью местного егеря мы прошли через заросли, которые были выше человеческого роста, и без проводника там можно было легко заблудиться. Наконец, не промочив ноги, мы дошли до озера, которое еще не полностью заросло, располагаясь в самом центре болота. Вокруг озера росла разнообразная причудливая растительность. Самое удивительное то, что в основном эти виды растений являются реликтами; они как бы обороняются от окружающей реальности, охраняя свою неповторимость, «самость».

Официальные характеристики таковы.

Географическое положение комплекса: у села Татарское Ахметьево, Республика Татарстан.

Описание границ: ГКУ «Алькеевское лесничество», Чувбродское участковое лесничество, кв. 43 (в. 8, 9, 10).

Общая площадь: 15 га

Расположение: на первой надпойменной террасе р. Малый Черемшан.

Природные особенности: Этот водно-болотный комплекс имеет научное значение как место произрастания березы приземистой, являющейся *ледниковым реликтом*, и других *арктo-бореальных видов*, находящихся на южной границе распространения. Это полюс холода посреди обычной природы лесостепной зоны средней полосы, своеобразное государство в государстве, точнее – пограничная зона между теплым и холодным климатом.

Водная гладь озера занимает около 3-х га, заболоченный участок около 5 га, на остальной территории отмечается заболоченный лиственный лес. В болоте встречаются более 50 видов растений, из которых многие занесены в Красную книгу Республики Татарстан (ива розмаринолистая, пушица широколистная, грушанка зеленоцветная, дрем-

лик болотный, бодяк болоный и др.). Болото является единственным в республике местом произрастания лосняка Лёзеля и мытника скипетровидного.

Здесь встречаются как обычные европейские животные (еж европейский, лисица обыкновенная, лось, кабан, веретеница ломкая, прыткая и живородящая ящерицы, уж обыкновенный, гадюка обыкновенная), так и редкие птицы – например, осоед и журавль серый (Государственный реестр …, 2007).

Необходимо указать и на двойственную роль болот. Хотя они и представляются «лёгкими» нашей планеты, забирая углекислый газ и поставляя кислород, нельзя забывать, что, с другой стороны, болота являются одним из источников бактериального метана (одного из парниковых газов) в атмосфере. В ближайшем будущем ожидается увеличение выделения болотного метана в атмосферу из-за таяния болот в районах вечной мерзлоты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отмечая юбилей Рамсарской Конвенции, надо еще раз подчеркнуть, что подписание этого международного договора серьезно изменило отношение к водно-болотным угодьям не только со стороны ученых – географов, в особенности геоморфологов, гидрологов, экологов, – а также специалистов-производственников, но и всей образованной части населения стран-участниц.

Долгое время среди населения представление о заболоченных землях было ошибочным. Их роль в окружающей среде недооценивалась почти до конца 20-го столетия. Болота воспринимались как бесполезные площади, они не были пригодны ни для строительства, ни для земледелия; максимум пользы могла приносить лишь добыча торфа. Заболоченные земли осушали даже, если не было торфяных отложений большой мощности, они подверглись уничтожению для создания на их месте сельхозугодий и прочего применения в хозяйственных целях.

Между тем водно-болотные угодья – это объект естественного происхождения первостепенной важности, играющий среди всех других природно-территориальных комплексов несравненную гидрологическую роль, будучи звеном единой гидрологической сети, в образовании истоков рек, в сохранении и регулировании качества пресной воды. Важной функций болот является фильтрационная: механическая задержка примесей и седиментов поступающих в болото вод, а также разложение органических веществ микроорганизмами. На болотах растут редкие, ценные растения – ягоды голубики, морошки, клюквы;

болота являются местом обитания водоплавающих и пушных зверей, краснокнижных птиц.

Торф используют в медицине (грязелечение), как топливо, удобрение в сельском хозяйстве, корм для домашних животных, сырьё для химической промышленности.

К сожалению, сегодня нельзя заявить, что все соглашения Рамсарской Конвенции выполняются в нашей стране. Например, за счет «Дельты реки Волга» и Астраханского заповедника планируется расширить грузовой порт «Оля». В Краснодарском крае на рамсарских объектах добывают нефть и газ; разработка ведется в границах «Группы лиманов между рекой Кубань и Протока», «Ахтаро-Гривенская система лиманов»; в Ленинградской области через «Кургальский полуостров» прошел газопровод «Северный поток-2» с использованием траншейного способа, для чего были переписаны положения о водно-болотных угодьях, и т.д. (Крейндлин, 2021).

Не следует забывать об одной оригинальной, мало рассматриваемой особенности болот: это пограничная территория, фронтир, место встречи и столкновения различных миров, как во временном, так и в пространственном отношении. Зачастую именно там сберегали себе жизнь редкие растения и животные, претерпевая климатические и иные коллизии. Болота – это летопись природы.

Вместе с тем ничто из природных кладовых не окутано таким количеством секретов, тайн и мистики, как болота. Они были и останутся источником создания не только научных трактатов, но и художественных произведений, сказок, мифов и легенд.

Список литературы

Апкин, Р. Н. (2019). *Болота и заболоченные земли Республики Татарстан*. Казань: Ихлас.

Государственный реестр особо охраняемых природных территорий в Республике Татарстан (2-ое изд.). (2007). Казань: ИДЕЛ-ПРЕСС.

Еникеев, А. (2017). Раскрыта загадка появления хищных растений. Извлечено от Lenta.ru website: https://lenta.ru/articles/2017/05/16/plant/

Крейндлин, М. (2021). Рамсарской международной конвенции 50 лет. Извлечено от Greenpeace в России website: https://greenpeace.ru/expert-opinions/2021/02/02/ramsarskoj-mezhdunarodnoj-konvencii-50-let/

Кусова, С. (2018). Чудеса на болоте. Извлечено от Журнал «Человек без границ» website: https://www.bez-granic.ru/index.php/2013-08-04-13-26-15/kakustroenmir/1862-chudesa-na-bolote.html

Панов, В. В. (2003). *Геоэкологические основы регенерации торфяных болот* (Автореферат диссертации). ТГТУ, Москва.

Софер, М. (2018). О болотах с уважением и любовью. *Наука и жизнь*, (7), 2–12.

Штепа, В. (2008). Какие тайны скрывают болота? Извлечено от Ufolog.ru website: http://www.ufolog.ru/publication/3297/

References

Apkin, R. N. (2019). *Swamps and wetlands of the Republic of Tatarstan*. Kazan: Ikhlas. (In Russian).

Government Register of Specially Protected Natural Areas of the Republic of Tatarstan (2-oe изд.). (2007). Kazan: IDEL-PRESS. (In Russian).

Enikeev, A. (2017). The mystery of the emergence of predatory plants is solved. Retrieved from Lenta.ru website: https://lenta.ru/articles/2017/05/16/plant/ (In Russian).

Kreindlin, M. (2021). The Ramsar International Convention is 50 years old. Retrieved from Greenpeace in Russia website: https://greenpeace.ru/expert-opinions/2021/02/02/ramsarskoj-mezhdunarodnoj-konvencii-50-let/ (In Russian).

Kusova, S. (2018). Miracles in the Swamp. Retrieved from Man Without Borders magazine website: https://www.bez-granic.ru/index.php/2013-08-04-13-26-15/kakustroenmir/1862-chudesa-na-bolote.html (In Russian).

Panov, V. V. (2003). Geo-ecological bases of peatland regeneration (Dissertation Abstracts). TSTU, Moscow. (In Russian).

Sofer, M. (2018). About the marshes with respect and love. *Science and Life*, (7), 2–12. (In Russian).

Shtepa, V. (2008). What secrets do the swamps hide? Retrieved from Ufolog.ru website: http://www.ufolog.ru/publication/3297/ (In Russian).

https://jfs.today & http://frontierstudies.com

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail:

editorialboard.jsf@jfs.today or editorialboard.jsf@gmail.com

Телефон: +7 (988) 068-63-72

Это сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Вёрстка: Гончаренко Юрий Дмитриевич

Обложка: Якушенкова Олеся Сергеевна

© 2016 Журнал Фронтирных Исследований. e-ISSN: 2500-0225

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:

editorialboard.jsf@jfs.today or editorialboard.jsf@gmail.com

Phone: +7 (988) 068-63-72

This journal is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Typesetter: Yuri D. Goncharenko.

Cover: Olesya S. Yakushenkova

© 2016 Journal of Frontier Studies. e-ISSN: 2500-0225